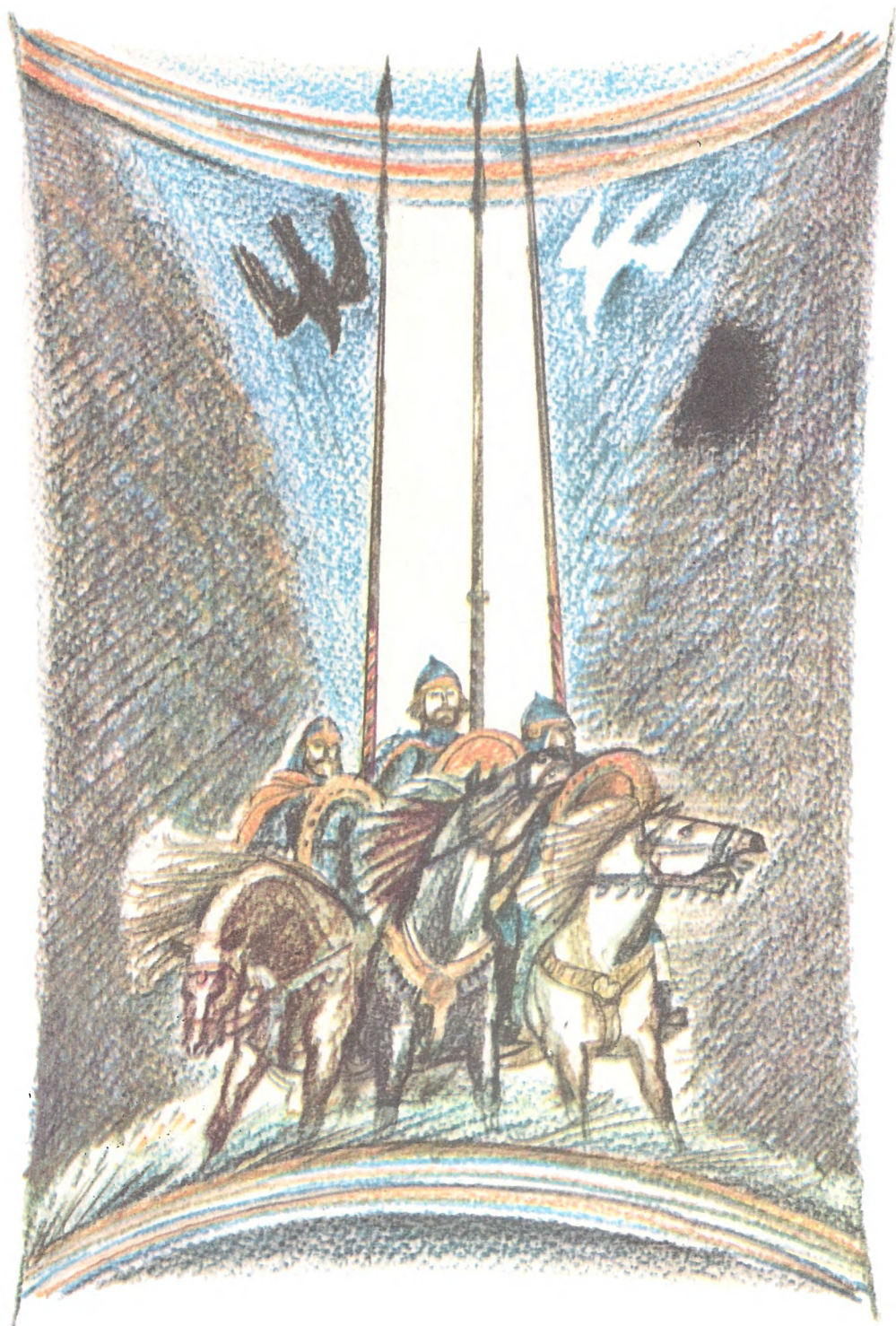

Б. ПУТИЛОВ

ЗАСТАВА БОГАТЫРСКАЯ

Б. ПУТИЛОВ

Беседы о былинах
Русского Севера

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Р 2
П 90

Художник А. Смирнов

П $\frac{4603020101-161}{M101(03)-90}$ без обьявл.

ISBN 5—08—000246—8

© Путилов Б. 1990
© Смирнов А. Иллюстрации.
Оформление. 1990

БЫЛИНА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Синему морю на утѣшенье...

Только под утро лодка (сойма — на северном наречии), вышедшая накануне в ночь из Петрозаводска, с трудом преодолевая встречный ветер, достигла Пудожского берега, и единственный ее пассажир — Павел Николаевич Рыбников, сморенный плаванием, задремал тут же на берегу у костра. Вскоре его разбудили странные звуки. Вот как позднее описал он этот момент: «Я много слышал и песен, и стихов духовных, а такого напева не слышивал. Живой, причудливый и веселый, порой он становился быстрее, порой обрывался и ладом своим напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением. Долго не хотелось проснуться и вслушаться в отдельные слова песни: так радостно было оставаться во власти совершенно нового впечатления. Сквозь дрему я рассмотрел, что шагах в трех от меня сидит несколько крестьян, а поет-то седатый старик с окладистой белою бородою, быстрыми глазами и добродушным выражением в лице. Присоседившись на корточках у потухавшего огня, он оборачивался то к одному соседу, то к другому и пел свою песню, прерывая ее иногда усмешкою. Кончил певец и начал петь другую песню: тут я разобрал, что поется былина о Садке-купце, богатом госте. Разумеется, я сейчас же был на ногах, уговорил крестьянина повторить пропетое и записал с его слов... Мой новый знакомец, Леонтий Богданович, пообещал мне сказать много былин: и про Добрынюшку Никитича, про Илью Муромца и про Михайла Потыка сына Ивановича, про удалого Василья Буславьевича, про Хотенушку Блудовича... Много я впоследствии слышал редких былин, помню давние превосходные напевы... а по правде скажу, не чувствовал уже никогда того свежего впечатления, которое произвели... былины, пропетые разбитым голосом старика Леонтия из Шуй-наволоки».

До этой неожиданной встречи П. Н. Рыбников, сосланный в 1859 году в Олонецкую губернию за участие в революционных кружках, служивший в Статистическом комитете в Петрозаводске и живо интересовавшийся народной поэзией и старыми народными обычаями, только читал былины, напечатанные в книгах и газетах. Понятное дело, что, как и все интеллигентные люди его времени (и предшествующих десятилетий), он воспринимал их как стихи. И вот теперь произошло чудо: он услышал былины такими, какими они жили естественной жизнью в среде народа, — в виде песен, а вовсе не стихотворений. Случилось это майским утром 1860 года на берегу Онежского озера. С того часа П. Н. Рыбников стал страстным собирателем былин. Вскоре ему открылось, что сами певцы и слушатели называют их вовсе не былинами, а старинами, старинками, тем самым подчеркивая принадлежность их к стародавним временам.

В тот же день, поддавшись на уговоры Леонтия Богдановича, Павел Николаевич пересел в другую лодку и отправился в Заонежье, прежде всего — в Кижы. Здесь, в деревне Середки, произошла встреча Рыбникова с Трофимом Григорьевичем Рябининым. Сейчас, по прошествии ста тридцати лет, когда нам известны сотни былинных певцов и их репертуар, Т. Г. Рябинин занимает в этом ряду одно из первых мест как замечательнейший знаток, хранитель, исполнитель былин, а кроме того — и как основатель семейной династии старинщиков (дети и внуки его славились знанием былин). А в тот памятный вечер: «Через порог избы переступил старик среднего роста, крепкого сложения, с небольшой седеющей бородой и желтыми волосами. В его суровом взгляде, осанке, поклоне, поступи, во всей его наружности с первого взгляда были заметны спокойная сила и сдержанность... Голос у Рябинина, по милости шести с половиною десятков лет, не очень звонок, но удивительное умение сказывать придавало особенное значение каждому стиху. Не раз приводилось бросить перо, и я жадно вслушивался в течение рассказа... Каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение!»

Среди более двадцати былин, записанных от Рябинина, есть непревзойденные по мастерству изложения: «Вольга и Микула Селянинович», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Ставр Годинович».

Объезжая Заонежье, Павел Николаевич открывал все новые имена старинщиков, записывал десятки былин. В итоге составилось громадное собрание в нескольких книгах под названием «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Издание поразило русскую читающую публику, весь ученый мир: подумать только — совсем недалеко от Петербурга, в глухих олонекских деревнях сохранились древнейшие памятники народной поэзии, которые можно услышать из уст простых крестьян! Олонецкую губернию стали называть Исландией русского эпоса. В чем смысл такого названия? Древнескандинавские песни о богах и героях дошли до нас благодаря тому, что были записаны в XIII веке в Исландии. Утраченные памятью народов Скандинавии, где они первоначально возникли, эпические песни древности были сохранены на далекой исторической периферии потомками скандинавских викингов — исландскими крестьянами-воинами и, будучи кем-то записаны от них, составили знаменитый сборник «Эдда».

Так не произошло ли нечто похожее на Русском Севере? Древние былины, сложенные за много веков до того и забытые в местах своего сложения, каким-то чудом попали в Олонецкий край и здесь столетия сохранялись в устной памяти...

Вслед за П. Н. Рыбниковым в районы Севера устремились другие собиратели. Известный ученый-славист Александр Федорович Гильфердинг прошел по следам Рыбникова и отчасти расширил район собирания. За два летних месяца 1871 года он побывал в десятках деревень Заонежья и записал от семидесяти сказителей более двухсот былин. Для Гильфердинга было важно не просто записать услышанное, но узнать как можно больше о людях, знавших былины, об условиях, в которых они жили, об их отношении к жизни. «Народа добрее, честнее и более одаренного природным умом и житейским смыслом я не видывал; он поражает путешественника столько же своим радушием и гостеприимством, сколько отсутствием корысти... Материальная обстановка севернорусского крестьянина несколько сносна у Онежского озера... Но дальше к северу и востоку вы видите только лес, лес и болото и опять лес... Климат такой, что здесь природа отказывает в том, без чего нам трудно себе представить жизнь русского человека; у него нет ни капусты, ни гречи, ни огурцов, ни луку; овес, разными способами приготавливаемый, составляет существеннейшую часть пищи. Отсутствует и другая принадлежность русского народа — телега. Телега не может пройти по тамошним болотистым дорогам... Возят что нужно и летом на санях или же на волоках... Легко вообразить, но трудно передать словами, какого тяжелого труда требует от человека эта северная природа...» Гильфердинг с большим сочувствием рисует повседневную трудовую жизнь олоонецкого крестьянина, которого к тому же постоянно притесняют царские чиновники. Зато в этом краю никогда не было крепостного права. По мнению ученого, свобода от рабства была одной из причин, почему здесь так популярны былины: «Русский крестьянин Заонежья не терял сочувствия к идеалам свободной силы, воспеваемым в старинных рапсодиях».

После А. Ф. Гильфердинга границы «Исландии русского эпоса» стали стремительно расширяться. Летом 1898 года Алексей Владимирович Марков открывает обширные районы живой былинной традиции на Беломорье. Центром здесь было село Зимняя Золотица (восточное побережье Белого моря — Зимний Берег), где жила семья Крюковых. От них Марков записал основную массу старин. Замечательно сказывала былины Аграфена Крюкова, многие из них она усвоила еще на Терском Берегу (южная часть Кольского полуострова), откуда была родом. По рассказам Маркова, жители Беломорья, занимавшиеся главным образом рыболовством, были особенно расположены и к слушанию, и к перениманию старин. Летом мужчины уезжали на ловлю семги в море. Сидя часами в ожидании улова, они охотно слушали долгие старины, здесь же учились сказительскому искусству. Женщины-сказительницы, по наблюдениям собирателя, были сплошь рукодельницы: работали на ткацких станках, сучили бечевки и плели из них сети; за этими занятиями пелись и перенимались старины.

В 1899—1901 годах Александр Дмитриевич Григорьев совершает труднейшие поездки на Поморский Берег Белого моря и в селения по рекам Пинеге, Мезени, Кулою. Он старается не пропустить ни одной деревни, записывает не только от выдающихся, особо одаренных сказителей, но и от самых рядовых, знающих всего несколько старин. Всего он записал более четырехсот текстов. Что особенно замечательно — Григорьев старался записывать, как можно точнее передавая все детали местной речи, отличия от литературного произношения. Одним из первых он стал возить с собою фонограф и записывать на восковые валики живое звучание былин. Только в одну поездку Григорьеву пришлось совершить путь в лодках — 540 верст, на лошадях —

820 и пешком — 62 версты, попадая в непогоду, сталкиваясь с бездорожьем, переживая сутками морские бури. Среди сотен сказителей, с которыми встречался Григорьев, надо выделить Марью Дмитриевну Кривополенову с Пинеге; женщина с очень тяжелой жизненной судьбой (муж ее был пьяницей, и ей приходилось даже нищенствовать), она исполняла былины с артистическим искусством, словно бы играла их. Уже много лет позднее москвичка Ольга Озаровская случайно познакомилась с Кривополеновой на Пинеге и повезла ее в Москву. Она выступала в Политехническом музее со своими старинами. Нисколько не смущаясь обстановкой столичного зала и новой для нее публикой, она так заразительно пела небылицы (былины шуточного характера), что зажгла зал и слушатели стали подхватывать припев, а Марья Дмитриевна дирижировала, размахивая подаренной коробкой конфет. А шел ей тогда восьмой десяток.

Летом 1901 года Николай Евгеньевич Ончуков отправился на Среднюю и Нижнюю Печору, а на следующий год повторил путешествие. Из Архангельска на санях речным трактом, при быстро портившейся под весенним солнцем дороге (ледяной покров начинал синеть), он проехал 800 верст за шесть дней, а затем уже передвигался из деревни в деревню то снова на санях, когда зима словно вернулась, то на лошадях, пешком, на лодках (вниз — на веслах, вверх — бечевой). Ончукову хотелось непременно охватить всю линию русских поселений, раскинувшихся по Печоре на тысячу верст. Работа не всегда шла гладко: то он попадал в Великий пост, когда петь былины не позволялось; то приезжал, когда печорцы, заколотив дома, всеми семьями отправлялись кто на пожни (сенокос), кто на тони (рыбную ловлю). При всем том Н. Е. Ончукову удалось записать свыше ста былин, узнать много хороших сказителей, мужчин и женщин, и выделить два главных очага печорской былинной традиции — усть-цилемский и пусто-зерский.

В начале XX века состоялись и другие, менее значительные, поездки собирателей. Очаги живой былинной традиции были обнаружены в некоторых местах Сибири, у казаков Дона, Терека, Урала, Нижней Волги. Но стало ясно, что именно районы Русского Севера оказались главным и ценнейшим хранилищем, своеобразным гигантским заповедником былинного эпоса.

Уже в советское время на Русский Север стали снаряжаться одна за другой научные экспедиции. Главной их задачей было — пройти по следам прежних собирателей и по возможности расширить поле наблюдений. Через тридцать — шестьдесят лет после Ончукова, Маркова, Григорьева, Гильфердинга фольклористы записывали былины в тех же самых местах от потомков сказителей конца XIX — начала XX века (а в очень редких случаях — и от тех же сказителей, доживших до глубокой старости). Собиратели нашли потомков семьи знаменитых Рябининых — Ивана Герасимовича и Петра Ивановича Рябининых-Андреевых, представлявших третье и четвертое поколения сказителей. В Зимней Золотице дочь Аграфены Крюковой Марфа, оказалось, знала такое количество былин, что публикация их заняла два огромных тома. Собиратели могли проследить, как из одного поколения в другое передавалось искусство сказительства. Экспедиции советского времени не ограничивались записыванием былин и отдельными наблюдениями: они вели большую исследовательскую работу, посвященную жизни и судьбе былин на Севере. Наибольший вклад в эту работу внесли братья Борис и Юрий Соколовы и Анна Михайловна Астахова.

Итогом самоотверженной работы поколений ученых стали классические издания былин, которыми по праву гордится наука и которые ныне являются главным и надежным источником для изучения русского народного эпоса:

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Четыре части. — М., 1861—1867. (Второе издание, в 3-х томах: М., 1909—1910.)

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. — Спб., 1873. (Последнее издание: М. — Л., 1949—1951. В 3-х томах.)

Беломорские былины, записанные А. Марковым. — М., 1901.

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. — Т. 1, ч. 1: Поморье; ч. 2: Пинега — М., 1904; Т. 2: Кулой. — Прага, 1939; Т. 3: Мезень. — Спб., 1910.

Печорские былины/Записал Н. Ончуков. — Спб., 1904.

Онежские былины/Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. — М., 1948.

Былины Севера. — Т. 1: Мезень и Печора/Записи, вступит. статья и комментарий А. М. Астаховой. — М. — Л., 1938; Т. 2: Прионежье, Пинега и Поморье/Подгот. текста и коммент. А. М. Астаховой. — М. — Л., 1951.

Первый поток русских поселенцев в районы Севера относится к XI—XII векам, второй, наиболее сильный, — к XII—XIV. Шли они из двух главных очагов — из Новгородской земли и из Ростово-Суздальской. Так вот, исследователи утверждают, что те районы Севера, в которых былинная традиция особенно интенсивна, заселены новгородцами, а те, где былинную знают плохо либо не знают вовсе, принадлежат выходцам из Ростово-Суздальской земли.

А это значит, что былинное наследие, сохраненное Севером, принадлежит новгородской культурной традиции. Такова научная гипотеза, которой пока что трудно противопоставить какую-либо другую доказательную теорию.

Но конечно, нужны были какие-то особые условия, чтобы это наследие сохранялось, жило, развивалось в течение столетий в местах, где население давно уже забыло о том, откуда и когда оно появилось здесь. Какие же это условия?

Об одном из них сказал Гильфердинг: отсутствие крепостного права способствовало тому, что севернорусский крестьянин ощущал себя свободным и идеалы русских богатырей были ему особенно близки. К этому можно добавить еще свойственное северному крестьянину сознание собственного достоинства, чувство независимости. П. Н. Рыбников с уважением вспоминает случай из жизни Т. Г. Рябинина: какому-то полицейскому чиновнику он отказался дать взятку. «И случилось чиновнику этому проезжать через деревню Середку. Как он завидел Рябинина, так и бросился к нему с поднятыми кулаками. Т. Г. спокойно отстранил его от себя и заметил ему суровым голосом: „Ты, ваше благородие, это оставь: я по этим делам никому еще должон не оставался“».

Суровые условия жизни и труда на Севере требовали от его обитателей выдержки, стойкости, а подчас и настоящего героизма. И в этой обстановке былины находили у них особенный отклик.

Сохранению былин на Севере, считают нередко, способствовала глушь, оторванность от центров России, слабое проникновение новых форм жизни, городской культуры, отсутствие быстрых перемен в быту. В этом есть значи-

тельная доля правды. Северные деревни действительно отрезаны от внешнего мира бездорожьем, долгими зимами, отсутствием надежного транспорта. Но замечательно другое: Русский Север не назовешь отсталым краем, напротив — многие его районы отличаются высокой культурой, только культура эта по преимуществу старая, традиционная, сохраняющая многое от древности. Северный крестьянин вовсе не темный человек: он бывал и в Петрозаводске, и в Петербурге, и в Архангельске, ходил на своих судах в Норвегию. В его доме водились старинные рукописные и старопечатные книги. А какой прочный, устойчивый и красивый быт создавали северяне вокруг себя! Деревянные дома и церкви — это чудо народного зодчества. В северном жилище сочетался верх практической приспособленности к суровому климату с красотой пропорций, изумительной техникой деревянной резьбы. Женская одежда, украшения, вышивки, тканые вещи — все это теперь выставлено в музеях как образчики народного искусства. А расписные прялки, деревянная посуда, предметы домашнего обихода, орудия труда, — каждая вещь не просто полезна, но и несет на себе печать художества.

Рядом с красотой, воплощенной в вещах, в предметах быта, жила и постоянно проявляла себя красота духовной жизни: свадебные обряды «игрались» подобно многодневным театральным представлениям, и в них были вовлечены сотни участников и зрителей. Многие календарные праздники обязательно сопровождалась хороводами, играми, посиделками. Даже похоронный обряд включал как обязательный элемент поэзию оплакивания. Когда на Север вместе с собирателями былины устремились и другие ученые, они нашли здесь богатства песен, сказок, исторических преданий.

Словом, севернорусская былина жила в атмосфере богатой, разнообразной, повседневно проявлявшей себя художественной культуры народа. Особенностью этой культуры была ее традиционность, то есть опора на сбереженную старину. Для нас, да и, пожалуй, для людей XIX века, воспитанных на новой городской культуре, севернорусская старина воспринимается как огромный музей. Но для жителей Севера это был не музей, а повседневная обыденная жизнь. Они берегли ее, она была привычна, удобна, знакома. Она была завещана предками и потому особенно дорога. Былина осознавалась частью этой старины, родной, близкой, понятной. Сказители, владевшие былинным искусством, ни в чем не выделялись среди обитателей Севера: так же пахали землю, рыбачили, били зверя, что-то мастерили. Знание былины не являлось профессией. Собиратели замечали, что многие сказители стеснялись получать от них вознаграждение за исполнение старин.

Сказители могли проявлять себя только в среде, для которой былины не воспринимались как нечто незнакомое, чужое, экзотическое. Среда северных крестьян не просто любила и знала былины, она верила в правдивость того, что в них пелось, в необычайный былинный мир и, конечно же, воспринимала их эстетически, глубоко переживала события, подвиги, испытания, выпадавшие на долю богатырей. На Севере очень многие могли *пересказать* содержание отдельных былин, эпизодов. Но *петь* брались лишь те, кто выучился былинному искусству. *Слушание* былин составляло высоко ценимую, жизненно необходимую форму досуга. Здесь немалую роль играли особенности хозяйственной жизни северян. Небольшие артели уезжали на рыбный промысел, уходили в море, в лес, промышлять зверя, подолгу жили вдали от дома. Трудовой день кончался рано, наступал вынужденный отдых, и вот

тут-то оказывался желанным старинщик. Артели старались заполучить к себе известных сказителей, при этом их не обременяли тяжелой работой, могли выделять им лучшую часть добычи. Как рассказывали Н. Е. Ончукову, старинщику за столом, «не в пример прочим», особенно жирно мазали блины маслом, «чтобы голос был звонче и катился бы маслянее». В деревнях ценили заходящих мастеров — сапожников, портных, валенщиков, обладавших одновременно искусством сказывания былин.

Понимающая, отзывчивая аудитория была совершенно необходима и сказителю: ему нужно было, чтобы слушатели не просто молча воспринимали его исполнение, но и тут же откликались, сопереживали, открыто оценивали то, о чем он пел, выступали бы соучастниками действия. Реплики слушателей, невольные возгласы удивления, восхищения лишь поднимали настроение певцов. По рассказу А. Ф. Гильфердинга, вот как происходило исполнение былины в деревне Буракове сказителем Никифором Прохоровым по прозвищу Утка. Он «с улыбкой обвел взглядом всех присутствующих и, заметив в них нетерпеливое ожидание, быстро откашлялся и начал петь. Лицо старика-певца мало-помалу изменялось, исчезло все лукавое, детское и наивное. Что-то вдохновенное выступило на нем: голубые глаза расширились и разгорелись, ярко блестели в них две мелкие слезинки, румянец пробился сквозь смуглость щек, изредка нервно подергивалась шея.

Он жил со своими любимцами-богатырями, жалел до слез немощного Илью Муромца, когда он сиднем сидел тридцать лет, торжествовал с ним победу его над Соловьем Разбойником... Жили с героями былины и все присутствующие. По временам возглас удивления невольно вырывался у кого-нибудь из них, по временам дружный смех гремел в комнате. Иного прошибала слеза... Все сидели не сводя глаз с певца, каждый звук этого монотонного, но чудного, спокойного мотива ловили они. Утка кончил и торжествующим взглядом окинул все собрание. С секунду длилось молчание, потом со всех сторон поднялся говор.

— Ай да старик, как поет, ну уж потешил, недаром для голоса выпил.

Утка улыбался, лицо его приняло опять обычное выражение.

— Пожалуй, и сказка все это, — нерешительно проговорил один мужик. На него набросились все.

— Как сказка? Ты слышишь, старина это. При ласковом князе Владимире было.

— Мне вот что думается: кому же под силу — вишь ведь, как он его.

— На то и богатырь — ты что думаешь. Не то, что мы с тобой, — богатырь. Ему что! Нам невозможно, а ему легко...

Через минуту снова раздалась своеобразная мелодия».

В этом разговоре мужиков, прослушавших былину о необычайных подвигах Ильи Муромца, как нельзя лучше проявилось характерное для северян отношение к старинам. Хотя и закрадывались кое у кого сомнения («неужели возможно такое?»), преобладало все же убеждение: всё, что пелось в былине, — правда! Но с одним очень важным уточнением: подобные деяния «в наше время», конечно, немыслимы, «нам» это уже не под силу, — но ведь богатыри жили и действовали при «ласковом князе Владимире», а тогда все это было возможным.

Мир былин воспринимался как далекий мир реальной истории. Эта его удаленность от окружавшей северного крестьянина жизни подчеркивалась тем, что картины природы, описания городов, оружия, одежды, бытовых подробностей не имели ничего общего с тем, что видел у себя северянин. Ему никогда не приходилось видеть «раздолья чистого поля», «ковиль-травы», «сырых дубов могучих», «шатров белополотняных» и много-много другого. Но былины, наверное, не сохранялись бы столетиями на Севере и не были бы так близки крестьянскому сознанию, если бы оставались только «чистой» историей. Поколения сказителей, может быть незаметно для себя, вносили в богатырский мир «стольного Киева» и «славного Новгорода» подробности, краски жизни и быта Севера, так что слушатели невольно «узнавали» в былинных описаниях что-то свое. Так появляются в былинах маленькие поля, усеянные валунами. Илья Муромец после чудесного исцеления совершает свой первый подвиг — очищает участок земли от камней, корчует лес для пашни. Один сказитель, пропев былину, показал на участок, освобожденный от огромных валунов: «Вот это сделал Илья Муромец». Северные детали обнаруживаются в описаниях морского берега, снаряжения кораблей, одежды, предметов труда. Богатырь, совершая фантастическую скачку, летит на коне через «мхи-болота». Северные сказители опираются на свой опыт, передавая приметы календаря.

Ай о вешнем было праздничке о Троице,
Нападала пороха снегу белого.

Снег на Троицу (чаще всего это конец мая) — обычное дело на Севере.

Еще одна выразительная деталь: Идолище Поганое едет летом «на санях». Так передвигались в летнее время по непроезжим местам на Севере.

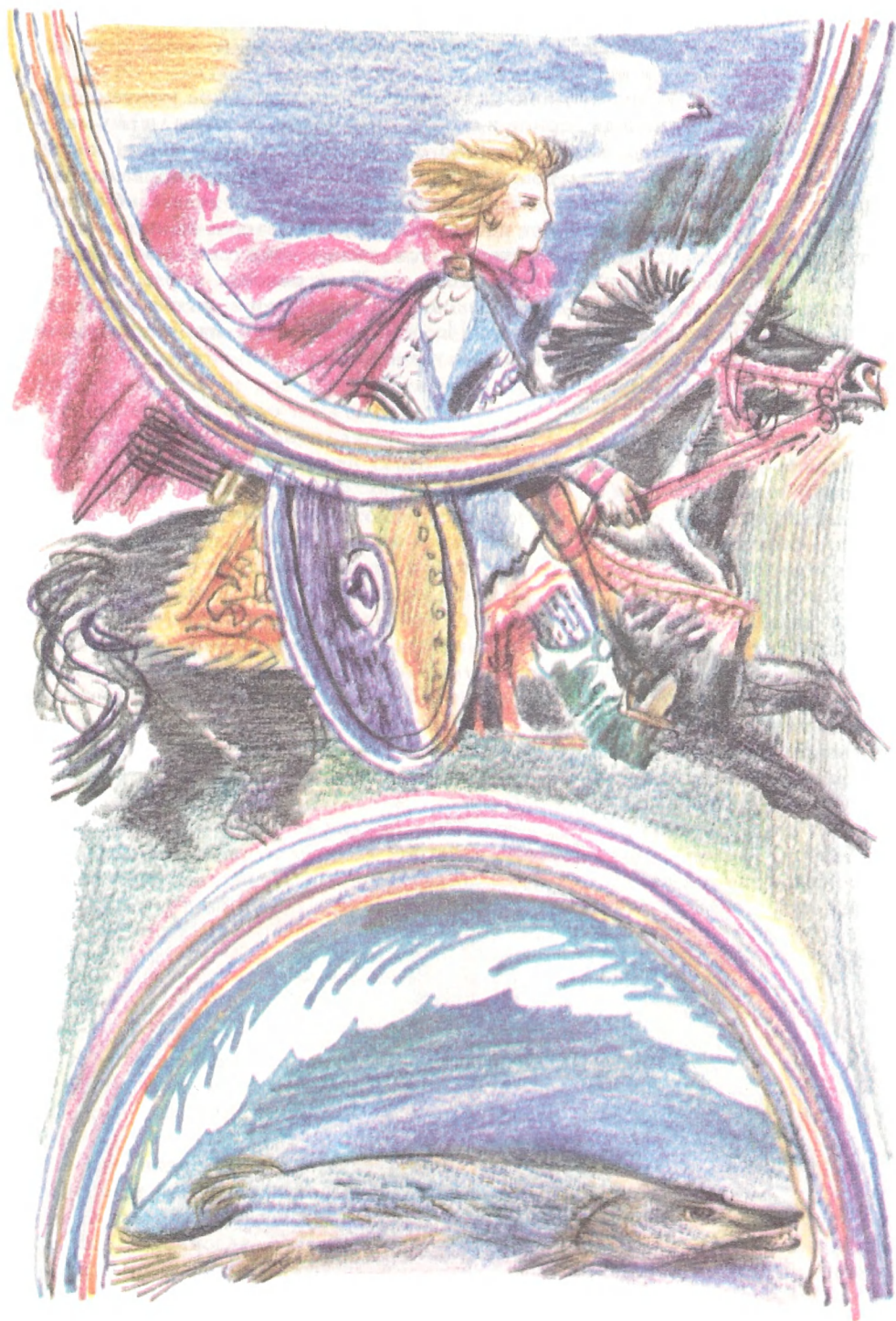
Былинная история, при всей своей необычайности и удаленности, становилась не такой уж чужой для северян.

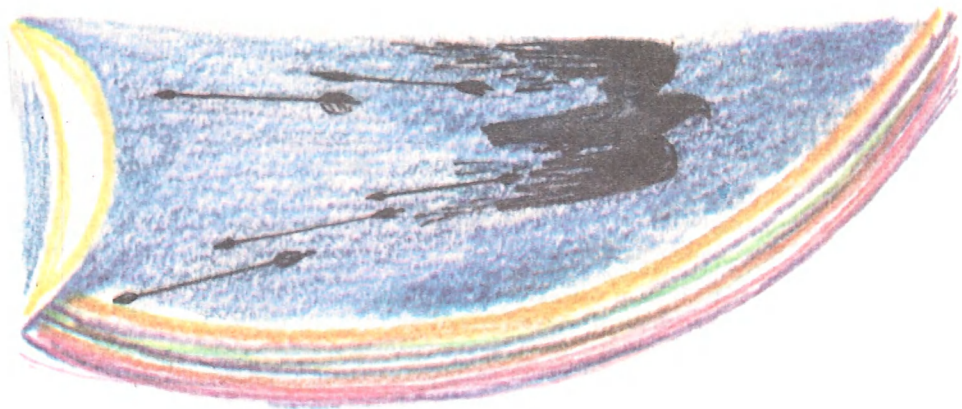
Сказитель, пропев былину о подвигах и приключениях богатырей, завершал ее иногда стихами, прямо с содержанием не связанными: они должны были напомнить слушателям, что у былины есть свой особенный смысл, своя большая цель.

Вот тут век про Добрыню старину поют,
Синему морю на тишину,
Вам всем, добрым людям, на послушанье.

Что это значит: «Синему морю на тишину» (вариант — «на утишенье»)? В глубокой древности люди верили в особую силу слова, придавали ему магическое значение. Слово, художественно организованное — в форме песни, заговора, сказки, — обладало повышенной силой. Пели, приговаривали, рассказывали, чтобы предотвратить беду или обеспечить успех дела. Сибирский сказочник, закончив рассказ, мог добавить: «Я убил ветер». «Синему морю на тишину» сродни этому «убил ветер». Этот стих — след тех давних времен, когда к пению былин прибегали для того, чтобы успокоить море. Конечно, севернорусские поморы XIX—XX веков вряд ли верили в магическую силу былин, подобно их далеким предкам. Но они продолжали относиться к ним с полной серьезностью и с особенным уважением.

СКАЗИТЕЛЬ И БЫЛИННЫЙ ТЕКСТ

*Послушайте, да люди добрые,
Я ли вам старину скажу...*

Сказитель — главное лицо в былинном творчестве. Он хранит, передает другим, исполняет былины. Он их *знает*. Именно в этом слове сосредоточено главное содержание сказительского искусства. Кто он — сказитель? Поэтом его назвать нельзя — ведь не он сочинил все те произведения, которые помнит и исполняет. Но и нельзя назвать его «просто» артистом — ведь артист заучивает и исполняет кем-то созданное произведение, а роль сказителя, как мы увидим, к этому не сводится.

Начнем с того, что сказитель, как правило, при разных исполнениях никогда не воспроизводит текст былины буквально, слово в слово, стих в стих. Если сравнить сделанные в разное время от одного сказителя записи одной и той же былины, то обнаружатся разночтения, иногда мелкие, подчас существенные: могут отсутствовать какие-то эпизоды или описания, могут появиться новые, стихи меняются местами, меняется изложение отдельных частей. Трофим Григорьевич Рябинин так пропел П. Н. Рыбникову начало былины о Вольге Святославиче:

Когда воссияло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольга,
Молодой Вольга Святославгович.
Стал Вольга растеть-матереть,
Похотелось Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей-соколом летать под оболока,
Серым волком рыскать во чистых полях.
Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птички за оболока,
Убегали все звери во темные леса...

Спустя десять лет ту же былину записал от Т. Г. Рябина А. Ф. Гильфердинг. И вот как он пропел то же самое место:

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга Святославович.
Стал Вольга ростеть-матереть,
Похотелся Вольги да много мудростей:
Щукой-рыбою ходить Вольги во синих морях,
Птицей-соколом летать Вольги под оболоки,
Волком и рыскать во чистых полях.
Уходили-то вси рыбушки во глубокі моря,
Улетали вси птички за оболоки,
Убегали вси звери за тёмны леса...

Обратите внимание на первые три стиха: они совершенно не совпадают. Сказитель словно бы предлагает нам две разные редакции одного начала. Нечто похожее встречается у поэтов, но только с очень существенной разницей: в ходе работы над произведением у них складываются различные редакции одного и того же места, но в конце концов побеждает одна, а другие исчезают, и следы их можно увидеть лишь в черновиках. Начальные стихи Рябина совершенно равноценны, не скажешь, какие из них «главные».

Остальные приведенные выше стихи, как легко видеть, различаются в деталях.

Что же из этого следует?

Во-первых, очевидно, что сказитель не помнит буквально каждый стих. Значит, он и не заучивает былину — так, как заучиваем мы стихи, чтобы время от времени читать их наизусть.

Во-вторых, в его памяти хранится множество *вариантов* различных эпизодов, мотивов, характеристик, описаний и он может из этого множества всякий раз выбрать что-то одно. В нашем примере он меняет при разных исполнениях начало, он может пропеть в одном случае «в глубоких морях», а в другом — «в синих морях» и так далее. Важно, чтобы такие перемены соответствовали содержанию былины, не нарушали бы смысла. У хорошего сказителя так и бывает.

В-третьих, очень важный вывод: сказитель, исполняя былину, не повторяет механически заученное, а каждый раз как бы заново ее воспроизводит. То есть он словно бы соединяет в себе качества певца и поэта, но поэта совершенно особенного: сказитель не сочиняет что-то новое, а воссоздает уже известное, сложенное задолго до него; но при этом требуется, чтобы текст всякий раз как бы *складывали снова*. В этом смысле былины и сказительское искусство их исполнения являются феноменами народной культуры.

Неповторимость этого искусства заключается в том, что эпическое повествование огромного размера, сложного содержания не рассказывается, а *пропева*ется от начала до конца. Когда сказочник или сказочница рассказывают сказку, они более или менее свободны и в манере изложения, и в выборе слов, и в построении фраз. Они могут повторить одно и то же слово и даже одну и ту же фразу, вернуться к только что рассказанному, внести поправку, сделать замечание «от себя» и так далее. Другое дело — былинный сказитель: его ведет, до известной степени сковывает напев, с которым он должен все время согласовывать словесный текст. Не упуская ни на мгновение основной нити содержания исполняемой былины, он должен «укладывать» отрезки

текста в непрекращающееся движение мелодии. Каждому отрезку напева соответствует отрезок текста — стих, а целому напеву (он обычно не так долог) — подборка стихов. Это значит, что, начав пропевать стих, сказитель обязан его завершить и музыкально, и словесно. Но этого мало: соседствующие стихи (в рамках целого напева) должны быть прилажены друг к другу, иначе былина рассыплется на отдельные строчки.

Были сказители, у которых все это получалось не очень хорошо. Но нас сейчас интересуют настоящие мастера, до тонкостей овладевшие сложнейшим искусством пропевания былины. Покажем на некоторых примерах, как это выглядит (к сожалению, мы можем только прочесть, а не услышать пропевавшийся текст).

А он мог бы постоять один за веру, за отечество,
Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви за соборные,
Мог бы поберечь он князя да Владимира,
Мог бы поберечь Опраксу-королевичну.

Перед нами тот случай, когда сказитель «нанизывает» стихи по одной общей схеме, слегка варьируя построение каждого стиха соответственно возможностям напева. Сказителю важно «поймать» исходную конструкцию, по которой он затем сможет строить стихи на определенном участке повествования. В данном случае эта конструкция очень наглядна. Затем сказитель находит новую и так далее. Тем самым он избавляется от опасности монотонного повторения. А обратите внимание на то, как он избегает той же опасности внутри единой конструкции: трижды повторив глагол «постоять», в следующих двух стихах он меняет его на «поберечь».

Другой тип конструкции:

Только видели добра молодца ведь сядучи,
Как не видели добра молодца поедучи, —
Во чистом полі да курева (*дым, пыль*) стоит,
Курева стоит, да пыль столбом летит.
С горы на гору добрый молодец поскакивал,
С холмы на холму добрый молодец попрыгивал,
Он ведь реки ты, озёра меж ног спущал,
Он синій моря ты наоко́л скакал.
Лишь проехал добрый молодец Корелу проклятую,
Не доехал добрый молодец до Индии богатый,
И наехал добрый молодец на грязи на смоленские...

Здесь стихи организованы парами, у каждой пары своя конструкция, и стихи обязательно рифмуются. Но кроме этой парной связанности есть прочная связь между парами: она достигается прежде всего повторяющимся сочетанием («добрый молодец»), но также и менее заметными связками, благодаря которым одна пара стихов плавно переходит в другую.

Конечно же, искусство этого рода основывается на специальных знаниях, на «школе», на выучке, которая совершается в течение длительного времени незаметно для самого сказителя.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК БЫЛИН

*Ай диди-диди-диди-диди,
Князи, послушайте,
Да бояры, послушайте,
Да вы все люди земские,
Мужики вы деревенские,
Да солдаты служивые,
Да ребятушки маленькие,
Не шумите, послушайте!
Да старушки вы старенькие,
Не дремлите, послушайте!
Молодые молодушки,
Не прядите, послушайте!
Да красные девушки,
Да не шейте, послушайте!..*

«Школа» сказительского искусства предусматривала, среди многого другого, овладение формульной речью, «былинным словарем», умением строить былинный стих, чувством звучащего слова.

Понятие «формула» применительно к былинам означает устойчивое, повторяющееся из текста в текст выражение, сочетание слов, обозначающих какой-либо предмет, какую-то ситуацию, какое-то событие. Язык былин насыщен формулами разного объема и разного назначения. Есть формулы предельно краткие, из двух или нескольких слов, образующих единое, нерасчленимое по смыслу и выразительности целое: «поле чистое», «шатры белые», «копье острое», «конь добрый», «башня наугольная», «скатерти браные» (с узорами), «тетивочка шелковая», «облако ходячее». В сознании сказителя такие сочетания живут прочно, он не затруднится при пении былинны вспомнить их. Более того, он знает, в каких ситуациях и с какими событиями в былинах следует упоминать те или иные сочетания-формулы: скатерти браные — на княжеском пиру; облако ходячее — «пониже его» подбрасывает свою палицу, играя ею, богатырь; дорожка прямоезжая — от Чернигова на Киев, которую «заложил» Соловей-разбойник; великая досада — чувство, которое охватывает богатыря всякий раз, когда он сталкивается с несправедливостью.

Многие словосочетания не являются застывшими, они имеют варианты, и сказитель по своему вкусу выбирает из них. Например, богатырь может упоминаться в сочетаниях со словами «славный», «могучий», «сильный», «русский», «святорусский».

Поэтические формулы бывают распространенные — это целые описания, картины, характеристики. Многие былины открываются эпизодом пира у князя Владимира: здесь завязываются события, которые станут содержанием былины.

А во стольнём городе во Кieve,
А у ласкова князя у Владимира
А было пированье-стол, почестён пир,
А про многих хрестьян, про русских бояров,
А про тех же про русских богатырей,
А да про тех полениц да приудалые,
А про тех же наездников пресильных.

Это описание известно во множестве вариантов: сколько мы знаем былин с начальным эпизодом пира — столько очень схожих описаний, которые отличаются одно от другого деталями. Вместо «было» другой сказитель споет «заходило»; вместо «почестен пир» — «почестен стол»; в состав участников пира будут добавлены «калики переходные» (странники), «купцы-гости торговые», «казаки со тиха Дона». Но основа формулы остается без изменений — ее невозможно устранить из былины, заменить какой-то другой. И каждый сказитель имеет свой излюбленный, привычный текст, который при каждом исполнении может варьироваться.

Обычно в былинах приведенной формулой описание пира не кончается: следует еще одна формула — хвастовства участников.

А все-то на пиру да напивались,
Все же на честном наедались,
Все же на пиру да порасхвастались.
Иный хвалит города да с пригородками,
Иный хвалит тут же села со приселками,
Иный хвастает тут золотой казной,
Золотой казной да бессечною.
Иный хвалится да добрыма тут комоныи (конями).
Разумный хвастает да родной матушкой,
Безумный хвалится да молодой женой.

В других текстах появляются еще мотивы хвастовства: «Сильный хвастает своей силою, / Силою да ухваткой богатырскою», «А наездник-от хвастает добрым конем» и так далее, но смысл формулы остается неизменным: осуждается всякое хвастовство, особенно со стороны представителей высших сословий (хвастаются городами, селами, золотой казной). Герой былины, которому предстоит совершить труднейший подвиг, обычно остается в стороне от этого хвастовства, а уже если хвастает, то это значит, что он бросает вызов всем, кто на пиру.

Князь Владимир, слушая хвастающих гостей, замечает, что молчит лишь Добрыня Никитич. Богатырь вынужден отвечать:

Вот и нечем топерь мни выхвастывать:
Ах и нету ни именья, ни богатства,
Ах и нету-то без счету золотой казны, —
Только есть одна по ндраву молода жена,

Молода жена, да любимá семья,
Любима семья, Наталья свет Никулична.

Богатырь откровенно противопоставляет себя тем, кто хвастал «житьем своим», «богачеством», «цвѣтным платицом», шубами, что «висят не ношены», золотой казной, которой «сметы нет». В отместку они советуют князю послать Добрыню в поле с опасным поручением.

Один из обычных начальных мотивов былины — это обращение князя к собравшимся с просьбой найти ему невесту. И опять на этот случай есть формулы:

Один-де князь не пьет, не ест, не кушает,
Своей белой лебедоньки не рушает,
По белой горницы похаживат,
Сапог о сапог да поколачиват,
Златыма-де перстнями да принашшалакиват.

В былинах очень часто внутреннее состояние героя, его волнение, гнев, огорчение, скорбь описываются через внешние движения, и часто такие описания чисто условны. Выражение «сапог о сапог поколачиват» должно означать сильное волнение. Некоторые сказители добавляют новые формульные выражения, такие же условные:

А да козловыми сапожками да поколачиват,
А еще медными-то скобками попобрякиват,
Еще белыма руками сам приразмахиват,
А злаченыма перстнями да принашшалакиват,
Еще русыма кудрями да принатряхиват,
Еще сам из речей так выговариват...

Князь описывает, какую жену он хотел бы иметь, — и это описание тоже от начала до конца формульно.

Вы не знаете ли где-ка да мне обручницы,
Обручницы мне-ка, да супротивницы
(*обручница и супротивница* — так в былинах называют невесту),
Супротивницы мне-ка, да красной девицы, —
Красотой бы красна да ростом высока,
Лицо да у ей да было б белой снег,
Очи у ей да быв у сокола,
Брови черны у ей да быв два соболя,
А реснички у ей да два чистых бобра?

Заметим здесь, что в былинах вообще при описаниях внешности героев часто прибегают к сравнениям из мира природы. Но формула, представляющая идеальную невесту князя, может сильно отличаться от только что приведенной: сказители не ограничиваются описанием внешней красоты — они не забывают, что речь идет о будущей княгине.

Знаете ль вы про меня княгиню супротивную,
Чтобы ростом была высокая,
Станом она становитая,
И на лицо она красовитая,
Походка у ней частá и речь баскá (*красивая, вежливая*)
Было бы мне, князю, с кем жить да быть,
Дума думати, долгие веки коротати,
И всем вам, князьям, всем боярам,

Всем могучим богатырям,
Всем купцам торговым,
Всем мужикам деревенским
И всему красному городу Киеву
Было бы кому поклоняться?

Как видим, у сказителей — большой выбор и большие возможности для варьирования формул при описании *типовых*, то есть из былины в былинку повторяющихся, эпизодов и ситуаций. Одни сказители склонны к сжатым описаниям, особенно когда они касаются предметов, неподвижных состояний; другие, напротив, любят описания распространенные, со множеством деталей, повторений, поэтических подробностей. Вот пример сравнительно немногословного описания корабля.

А с-за моря, моря было Дунайского
Выбегало из-за носу да тридцать кораблей...
Да один-от корабль да изукрашон хорошо:
Еще нос-от корма да по-звериному,
Еще хоботы ти мечет да по-змеиному,
Еще вместо очей врезано по камню да самоцветному,
Вместо бровей прибывано по соболю-ту черному.

Чтобы понять это описание, надо вспомнить, что корабли в древности, когда это были парусники или большие гребные суда, украшались: им придавали вид человекообразных или звереобразных существ. Былины, как всегда, изображают эти реальные моменты в преувеличенном, фантастически приукрашенном виде. Так появлялись не только нос и корма, напоминающие зверей, но и «хоботы по-змеиному», то есть чудесные хвосты, распростертые во время хода корабля за кормой. Но некоторым сказителям и этого было мало.

К приведенным выше стихам добавлялись еще:

Боковá (*борта*) выведены в ём да по-туриному...
Место хвоста было повешено
По тому волку да по заморскому,
Место ушей было повешено
По ты куницы по сибирския...
Место бров было продернуто
Как по черному по соболю заморскому.

И затем описание распространялось на снасти, которые приобретали тоже черты необычные:

Шеймы-канаты (*якорные канаты*) были шёлковые,
Якори на корабле булатные,
Еще лапочки (*лапы у якорей*) были все золоченые...
И парусы на корабле хрущатой камки (*дорогой узорчатой ткани*),
Еще дорога камочка е заморская,
Еще рубка на корабле была рыбащета (*украшена или сделана из моржовой кости*).

Возможности для сокращенного или, напротив, пространного формульного описания возникают перед сказителем постоянно. Выше мы привели стих:

А с-за моря, моря было Дунайского.

В другой былине этому одному стиху соответствуют целых десять: к содержанию ее они как будто ничего не добавляют, но присмотритесь, как красива картина, в них рисуемая.

Из-под дуба, дуба было сѣрого,
Из-под вяза, вяза с-под черленого,
Из-под кустышка да с-под ракитова,
С-под ты березы с-под кудрявые,
Из-под камешка было из-под белого
Пала-выпадала мать Непра-река,
Выпадала она в море, море Черное,
С по морю, по морю, морю Черному
Выходила она да во Турецкоѣ.
По Турецкому морю, морю Черному
Выплывало оттуда тридцать кораблей.

В былинах важно не просто пропевание событий, как бы значительны и интересны они ни были, — не менее важны разного рода подробности, картины, поведение персонажей. Былина не спешит подвести прямо к событиям, она любит подготовить слушателей, в том числе и разного рода поэтическими изображениями. Хорошие сказители это понимали — и не торопили свой рассказ.

Формульные описания сопровождают каждое действие богатыря на пути его к главному подвигу. Вот он отправляется в дорогу, и первая значительная формула касается важного момента — седлания коня.

Как крутѣшенько Олѣшенька седлал коня,
Он седлал-де, уздал да коня доброго:
Он накладывал уздиценьку тесмянную,
Он накладывал седельшко черкальское
(черкасское, *особо ценное*),
Он двенадцать подпруг дак шелку белого,
Еще шелку белого, шамахинского,
Он тринадцату подпругу через хребетну кость,
А не ради басы (*красы*), дак ради крепости,
Еще ради окрепы дак богатырское,
Еще ради поездки да молодецкое, —
А не оставил бы конь дак на чистом поле
Еще черным-то вороном на погряньѣ,
Еще серым волкам на потарзанью (*на растерзание*).

В этом пространном описании всё же есть пропуски, которые могут быть восполнены по другим вариантам:

Седлает тут Добрынюшка добра коня,
Кладывае он же потнички на потнички,
Да на потнички он кладе войлочки...

Он застегивал пряжечки серебряны,
Он серебряны пряжечки, позолочены...

Формула отъезда:

Только видели добра молодца ведь сядучи,
Как не видели добра молодца поедучи,
Во чистом полі да курева стоит,
Курева стоит, да пыль столбом летит.

Другая формула, передающая богатырское молодечество:

Видли тут Добрынюшку да седучи,
А не видли тут удалого поедучи.
Не дорожками поехал, не воротами, —
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную.

А вот и формула богатырской скачки:

С горы на гору добрый молодец поскакивал,
С холмы на холму добрый молодец попрыгивал,
Он ведь реки ты, озёра меж ног спущал...

Повествование в былинах строится так, что слушатель как бы видит своими глазами всё описываемое. Он даже может видеть, как протекает время:

День-то за днем будто дождь дождит,
А неделя за неделей как трава растет,
Год тот за годом да как река бежит,
А прошло-то тому времечки да три годы.

Или, к примеру, можно «видеть», как богатырь приходит в состояние возбуждения и гнева:

А сомутились у Добрынюшки очи ясные,
Расходились у Добрынюшки ручки белые,
Загорелось у Добрынюшки ретиво сердцѹ,
Закипела вот у Добрынюшки горяча кровь.

Читателю следует помнить, что «необязательные» подробности часто не просто украшают былинное повествование, но приоткрывают нам дверь в мир древних представлений, народных знаний и обычаев.

В былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике слушателей всегда привлекает тот момент, когда Соловей издает свой страшный свист, а богатырь посылает в него свою стрелу.

В исполнении одних сказителей это происходит просто:

Берет Илья калены стрелы:
Перво стрелил — недострелил,
А вдругорядь — перестрелил,
В третью стрелил — попал в правый глаз.

А вот как эта же сцена выглядит в исполнении мезенского сказителя Е. В. Рассолова:

А направлял где Илья да калену стрелу,
А сам ко стрелы стал приговаривать:
«А лети, моя стрелочка каленая,
А выше лесу лети да выше темного,
А пониже ты облака ходячего;
А пади, моя стрелочка каленая,
А не на воду пади, стрела, не на землю,
А не на леса, стрелочка, не на людей,
А пади Соловеюшку во правой глаз».

Здесь Илья Муромец «заговаривает» стрелу: такие заговоры были обычным делом в древности, они основывались на вере человека в особую силу специально сочиненных слов. Мы знаем, что даже в XIX веке охотники и воины прибегали к заговорам на пули, чтобы те действовали наверняка; или, напротив, с помощью заговоров надеялись избежать вражеской пули.

Хорошие сказители отличались тем, что умели создавать распространенные формулы, внося в них дополнения, которые нисколько не нарушали их цельность, но зато обогащали содержание разными подробностями, живыми деталями.

И у сказителей, и у слушателей на Севере огромной популярностью пользовалась былина «Добрыня в отъезде и Алеша Попович». Вот главные моменты ее содержания. Добрыня должен уехать по поручению князя. Он только недавно женился, ему жаль расставаться с молодой женой. Он велит ей ждать его столько-то лет (в одних вариантах — шесть, в других — девять, в третьих — двенадцать), и по истечении срока, если не будет от него весточки, она может выходить замуж снова. При этом Добрыня предупреждает Настасью, чтобы она ни в коем случае не выходила бы за Алешу Поповича, так как он его названный брат. Жена терпеливо ждет богатыря, но Алеша привозит ей ложную весть о смерти Добрыни, а князь Владимир заставляет Настасью выходить за Алешу. Добрыня в самый последний момент являясь на свадьбу своей жены и восстанавливает справедливость. В вариантах былины множество интереснейших подробностей, о некоторых из них мы еще поговорим в других главах книги. Здесь же я замечу один эпизод: вернув себе жену, Добрыня наказывает Алешу за предательство, за попытку увести жену от живого мужа и так далее. Алеша умоляет простить его. Вот как весь этот эпизод представлен в исполнении сказителя А. Е. Чукова из деревни Кижи.

Говорит Олешенька Левонтьевич:

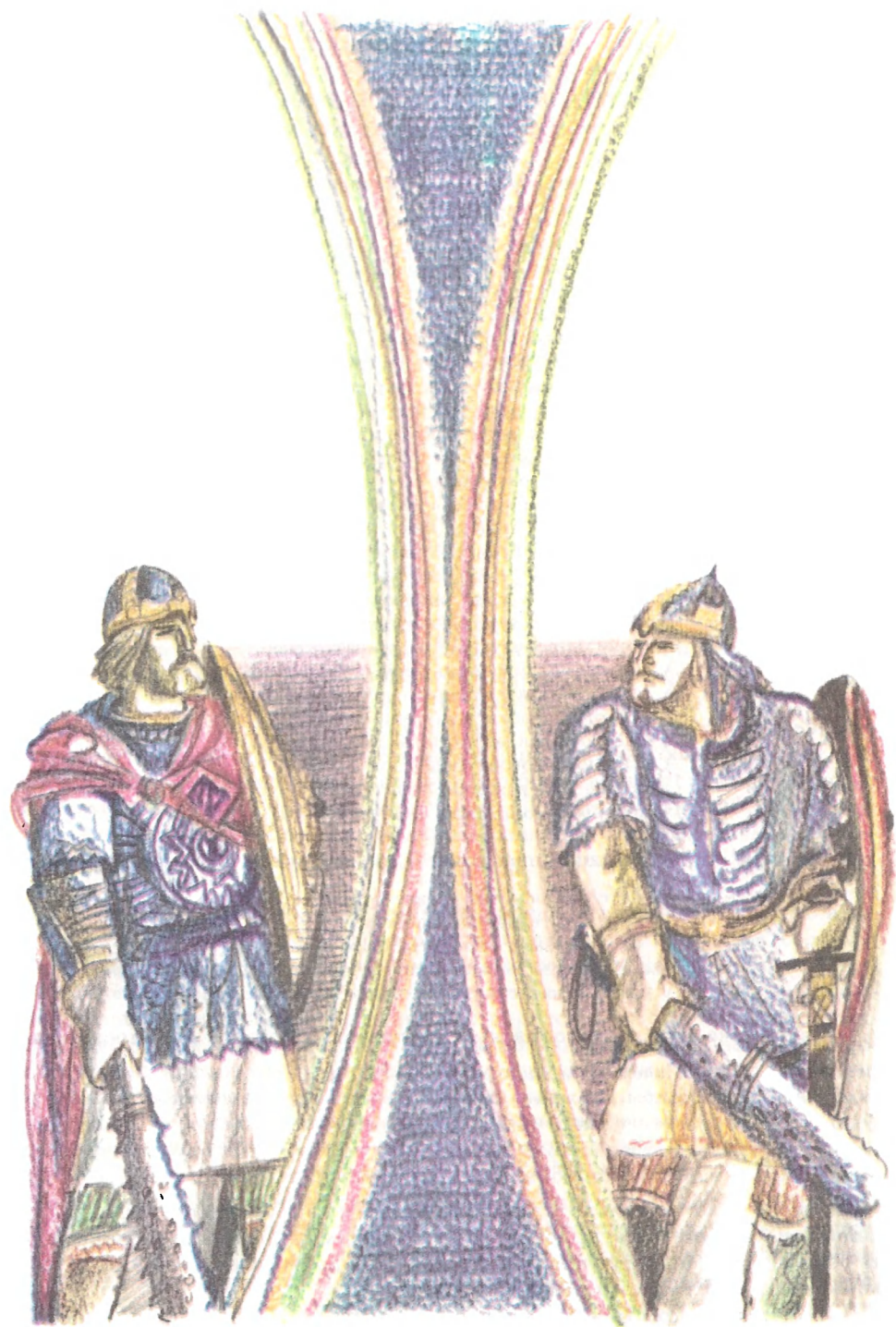
«Ты прости, прости, братец мои названья,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Ты в той вине прости меня, во глупости,
Что я посидел подле твоей любимой семьи,
Подле молодой Настасьи да Викуличной».

Говорил Добрыня сын Микитинич:

«А в той вины, братец, тебя бог простит,
Что ты посидел подле моей да любимой семьи,
Подле молодой Настасии Микуличны.
А в другой вины, братец, тебя не прощу:
Когда приезжал из чиста поля во первое шесть лет,
Привозил ты весточку нерадостную,
Что нет жива Добрынюшки Микитича —
Убит лежит да на чистом поле;
А тогда-то государыня да моя родная матушка
А жалешенько она да по мне плакала,
Слезил-то она свои да очи ясные,
А скорбила-то свое да лицо белое.
Так во этой вины, братец, тебя не прощу».

Вот эта подробность — богатырь не может простить Алеше слез матери — придает всему эпизоду психологическую содержательность. Традиционная формульная картинка неожиданно приобретает новый дополнительный смысл. Сказитель по-своему осмыслил былинный эпизод и сделал это с большим тактом и настоящим чувством.

Сходные события в разных былинах описываются одними и теми же формулами, но хороший сказитель непременно внесет в такие описания различительные подробности. Например, существует единая формула описания богатырских поединков: русского богатыря с татарским, Ильи Муромца с сыном и другие. Есть былины о встрече двух русских богатырей: не зная ничего друг о друге, они вступают в жестокое единоборство (это могут быть даже родные братья). Силы их равны, и никто из них не может добиться преимущества. Они бьются, меняя оружие и способы поединка.

А скочили молодцы они на добрых коней.
Как съезжаются удаленьки добры молодцы,
А они билися ведь палочками буёвыми (*палицами боевыми*) —
Рукояточки у палочек отвернулись,
Они тем боём друг дружку не ранили.
Как съезжаются ребяташка во второй-де раз,
Они секлися сабельками острыми —
У них острые сабельки исщербалися,
Они тем боём друг дружку не ранили.
А съезжаются ребяташка по третьей раз,
А кололися копьями-де острыми,
Долгомерные ратовища (*древки копий*) по семь сажон,
По насадочкам копыща свернулись,
Они тем боём друг дружку не ранили.
А тянулися тягами железными
Через те же через гривы лошадиные,
А железные тяги да изорвалися,
Они тем боём друг дружку не ранили.
Соскочили ребяташка со добрых коней,
А схватилися плотным боём, рукопашкою.
А еще борются удаленьки добры молодцы,
А и борются ребяташка они суточки,
А еще борются ребяташка двои суточки,
А и борются ребяташка трои суточки,
По колен они в землю утопталися, —
Никоторый один друга не переборёт...

В другом тексте былины еще такое дополнение:

Да натегивали луки да всё дубовые,
Да и те же тетивочки шелковые,
Да накладывали они да калены стрелы,
Они спускали ведь стрелочки в друг друга,
А улетели как стрелочки нонче по поднебесью.

И здесь же сказитель объясняет слушателям, отчего так произошло:

Почему они летели по поднебесью?
Кабы русской с басурманином-то бы и ссорились,
Да попали они бы да друг в дружку;
А как русской-от с русским, — бог дает помощи,
Они тем боём друг друга не ранили.

Значит, дело не только в том, что встретились богатыри, обладающие равной силой: богатыри, принадлежащие к одному народу и служащие одному общему делу, не могут причинить вред друг другу даже случайно, их оберегают от этого какие-то высшие силы.

Формулы не просто выражают в законченном виде какие-то типовые,

повторяющиеся ситуации былин, — они заключают в себе устойчивое, выработанное столетиями, закрепившееся в сознании народное понимание, народную оценку, можно даже сказать — народную философию.

Посмотрим еще, например, как описывает былина поведение участников пира в тот момент, когда князь обращается к ним за помощью. На этот случай у сказителей есть жесткая формула:

Как большой-от хоронится за среднего,
А как средний-от хоронится за меньшего,
Как от меньшего, от большего ответу нет.

Эти стихи даже в наши дни можно приводить как пословицу для характеристики поведения ответственных лиц, испугавшихся возможной опасности или риска: один прячется за другого, поменьше чином, тот за третьего — и так далее, в результате — ни от кого «ответу нет».

В **былинном словаре** множество слов, которых нет в обычной народной речи. Многие из них пришли из древности и связаны с давно исчезнувшими из быта предметами, должностями и делами, понятиями: *шелом* (шлем, но также и курган); *бóяре, дружина, тати-подорожники* (разбойники); *стольники, чашники, ключники* (все это — придворные чины в старом княжеском и царском обиходе); *получка* (дань), *талан* (в значении участь), *косица* (висок)... В этом словаре порядочное число географических названий, для сказителя совершенно чужих, таких, например, как *Почай-река, Сафат-река, море Верейское, горы Сорочинские*... Непривычно и большинство имен былинных героев: *Добрыня, Дюк, Чурила Пленкович, Хотен, Потык, Ставр*...

А с какими глаголами приходится ему иметь дело! О заросшей травой дорожке говорится, что она *замуравела*. К богатырям, своим или чужеземным, которые проводят всю жизнь в поле, ищут встреч с противниками, в былине применяется глагол *поляковать* — его, конечно же, в обыкновенной речи не встретишь. А что сказать о таких глаголах, как *подлыгаться* (врать), *воспроговорить, порасхвастаться, повыехать*? О персонажах былин говорят, что они *приутихнули, прирасплакались*: то есть обыкновенные слова наделяются приставками и звучат совсем непривычно. Сказители приучаются к тому, что былинный язык — особенный, даже привычные слова начинают звучать в былине по-своему, и это потому, что они становятся частью поэтических формул.

Былинный словарь — это огромный фонд формул разного типа: это и отдельные слова, пары слов и словосочетания, отрезки, из которых строятся фразы, и целые предложения, и пространные периоды из многих предложений. У каждой такой формулы свои постоянные значения и свои роли в былинном повествовании, они привязаны к определенным персонажам, предметам, действиям, ситуациям, и сказитель обязан всякий раз вспомнить соответствующую формулу и применить ее к месту. Но этого мало. Не забудем, что сказитель пропевает свой текст. Значит, он должен сочетать напев и слова, а для этого уметь строить **былинные стихи**. Опору этим стихам создают именно формулы, но только при том условии, если сказитель умеет ими пользоваться. Любая былинная формула (особенно это касается формул-слов и словосочетаний) заключает в себе ритмоорганизующее начало, то есть она уже является как бы частью будущего стиха и способна «улучься» в движущийся по напеву стих. Былинный стих не подобен стиху книжной поэзии, у него свои законы организации, но в конце концов все сводится к тому, чтобы он соответствовал музыкальным требованиям ритма. Когда мы просто чи-

таем былины, то как бы отделяем текст от напева. При этом мы ощущаем наличие метрической организованности, то есть закономерной последовательности ритма, чередования ударений. Очень просто установить одну ритмическую особенность былинного стиха — почти обязательное наличие дактилических окончаний, то есть таких, при которых последнее ударение в стихе падает на третий от конца слог. Перечтите приведенные выше примеры, и вы убедитесь, что так оно и есть в абсолютном большинстве стихов. Это правило требует подбора специальных слов. Заметим, что громадное количество формул-глаголов имеет в неопределенном наклонении (реже — в повелительном) и в прошедшем (а часто — и в настоящем) времени именно ударение на третьем от конца слога: *приговáривать, разгорéлся, напу́щется, зату́чилась, гуля́л-ходил*. В тех же случаях, когда глагол вообще состоит из двух слогов, он как бы теряет при исполнении ударение, которое «перескакивает» на последний слог предшествующего слова, составляющего с этим глаголом единую формулу: *трава́ растет, река́ бежит*.

Былинный стих часто оканчивается сочетанием существительного или имени с определением-эпитетом:

Солнышко Владимир стольне-киевской...

А подымалось тут стадечко звериное...

Еще разны были шóлки все заморские...

Чтобы занять место в конце стиха, определение должно иметь дактилическое ударение. Соответственно многие формулы этому требованию отвечают: *силушка великая, раздольице широкое, гуся серые, поле чистое*. Чаще такие сочетания встречаются в женском и среднем роде и во множественном числе. В мужском роде их меньше — и сказителю приходится удлинять окончания:

На своем коне богатырским...

...молодцев удалых...

Определение-эпитет может встать в стихе и перед определяемым, и тогда нередко приходится менять ударение:

Да который-то похвастал да добрым конем...

Молода жена, да любимá семья...

Тут стоял тогда Добрыня на резвých ногах...

Вообще перемена ударений ради того, чтобы нужное слово легло в стих, в напев, применяется сказителями очень часто.

Ритмическое начало играет немалую роль и в выборе для былинного словаря существительных. Важно не только, чтобы слово точно соответствовало предмету, действию, состоянию, но и чтобы оно обладало способностью стать формулой или войти в состав формулы. Обратим внимание на обилие существительных с ударением на третий от конца слог — идеальная для былинного стиха форма: *мнóжество, богáчество* (а не богáтство), *пóшлыны, мóлодец*. Та же идеальная форма создается прибавлением уменьшительного или ласкательного суффикса: *детíнушка, невзгóдушка, кáмешек*. Что касается

двусложных и односложных существительных, то и они могли укладываться в стих, объединяясь с другими такими же короткими словами или с эпитетами, глаголами: *узёры замóрские, чудо чúдное, дуб шестí сажен, чёрно́й ворон, млад сизо́й орел*. Что интересно: многие существительные обнаруживали свои формульные качества, когда употреблялись в косвенных падежах: *за большо́й сына, на добро́а коня, будет трёх пудов*.

В единую систему организации былинного стиха укладывается большинство имен героев. Имена богатырей в былинах являются формулами или частями формул. Иные из них без труда ложатся в стих: *Илья Му́ромец сын Ива́нович, Дюк Степа́нович, По́тык Миха́йлович, Чурила Плёнкович*. То же самое относится к некоторым именам врагов: *Кудрева́нко-царь, Идо́лище поганое, Со́ловей-разбо́йник Оди́хмантьев сын*. Есть имена, которые сопротивляются легкому включению в стих, — например, *Добрыня*. Но в контексте эта трудность преодолевается: «Говорит Добрыне родна матушка». К тому же сказители часто придают имени ласкательную форму: *Добрынюшка*.

Вообще же игра словами принадлежит к ярким особенностям былинного творчества, и сказитель должен знать «правила» такой игры и сам уметь применять их. Играть словами в былинах — значит переставлять ударения, создавать усеченные или, напротив, удлинённые формы слова, находить необычные приставки и суффиксы и даже слегка менять звуковую форму слов. Вот наудачу выбранные примеры, показывающие разные случаи такой игры.

А к царице сидит он лицини́шом (*лицом*),
А к царю сидит он хребтини́шом (*спиной*).

По крылечку спускалась полегоше́нько,
По улушке шла поскорёше́нько.

Богатырско-то сердце зарывчи́во,
Да зарывчи́во-то сердце, заплывчи́во.

Плеча его да испростреляны,
Голова его да испроломана.

Вот как меняются в вариантах слова, обозначающие «сейчас», «в данный момент»: *нонече, нунечу, нонине, теперичу, теперичку, теперинку, топерече* и другие. Еще слова, как будто специально придуманные (или переделанные) для былинного словаря: *наубёл-белой, наусёд-седой, три свечи воскуяровых* (то есть из воска ярова, чистого), *сон-дрёмоточка, посол да скоровёрстныя* (приносящий скорую весть).

Былинные тексты полны названий стран, городов, рек, гор, и названия эти редко совпадают с общепринятыми, какие можно найти на картах. *Пучай-река, Несей-река, Сухмань-река, Бузынь-река, Израй-река* — где все эти реки искать? Сказителей мало интересует точность географическая — их привлекает необычность, звонкость слов.

Теперь самое время перейти нам к вопросу о «рисуночной» и звуковой организации былинного стиха.

У хорошего сказителя былинный стих всегда *выстроен* — будучи перенесен в книгу, он напоминает правильную геометрическую фигуру, составные части которой удивительно симметричны, согласованы. Приемы организованного построения разнообразны, и выбор зависит от вкусов сказителей, их выучки, чувства соразмерности.

А залёгала дорожка прямоезжая,
 Прямохожая дорожка, прямоезжая,
 А ни конному, ни пешому проходу нет,
 А и доброму молодцу проезду нет,
 А и серому волку прорыску нет,
 А и черному ворону пролету нет.

Четыре «нет» объединяют стихи, но их единство подчеркивается четырьмя словами, обозначающими однотипные действия (*проходу, проезду, прорыску, пролету*), и тремя — называющими тех, кто эти действия не может совершить (*молодцу, волку, ворону*), а также одинаковыми частицами в начале каждого стиха. Так возникает стиховой *параллелизм* — один из самых распространенных и эффективных способов соединения стихов в былине. Как правило, параллельны стихи, близкие по содержанию, относящиеся к одной *микротеме*. Как только микротема исчерпана, возникает другой рисунок стихов — другая параллель. У хорошего сказителя в высокой степени развито чувство меры — он не станет чрезмерно увлекаться одной схемой симметрии, понимая, что это грозит однотонностью, но будет непрерывно менять схемы, переходя от одной к другой. Вот Илья Муромец, разгневанный похвальбой чужеземного богатыря, решает выйти ему навстречу.

Сомутились у старого да очи ясные,	} первая параллель
Расходились у старого да руки белые,	
Выходил-де старой да из бела шатра,	} вторая параллель
А засвистел-де старой казак добра коня.	
Он накладывал седельцо да всё черкальчето.	} третья параллель
Надевал он уздичку да всё тесмянную,	
Он и взял свои доспехи да богатырские,	} четвертая параллель
Он и взял все три вострые-то сабельки,	
Он и брал три булатные все копыща...	

Мы видим, как повествование движется через смену симметрично построенных стихов, — смена происходит через каждые два-три стиха. Нужно исключительное мастерство, высокая выучка, чтобы в ходе исполнения, которое длится не один час, поддерживать такой уровень организации стихов. Конструируя параллельные стихи, сказитель не стремится к абсолютной симметрии. Напротив, пример, приведенный выше (с «дорожкой прямоезжей»), сравнительно редок, обычно сказители разнообразят рисунок каждого стиха какими-нибудь деталями.

Из-за поля-де, поля было чистого,
 Из-за раздольища было из-за широкого,
 Из-за моря-де, морюшка-де было синего...

Здесь лишь начала и окончания полностью симметричны, а в середине каждого стиха параллелизм выдерживается не так строго. И что же? Стихи звучат удивительно слаженно, но несколько не однотонно.

Нередок в былинах прием, который принято называть *отрицательным параллелизмом*.

Не ясён сокол да напускается на гусей, на лебедей,
 Да на малых перелётных на серых утушек, —
 Напускает-то богатырь святорусския
 А на тую ли на силу на татарскую.

Да не туча ле во полі да затучилась,
Не туман ле со морюшка поднимается
А да со ту же сторонушку со востосьною, —
Поднимался вор-собака Кудреванко-царь,
Поднимался вор-собака на красён Київ-град,
На того-то на князя да на Владимира.

В каждом случае мы имеем дело с противопоставлением, которое идет по трем ступеням: противопоставляются действующие лица или предметы (не сокол — а богатырь; не туча — а Кудреванко-царь); противопоставляются их действия и противопоставляются объекты действий (гуси, лебеди — сила татарская). Присмотритесь к этим примерам, и вы увидите, что при переходе от одной части параллели к другой меняется конструкция стиха: «Не... сокол... напускается» — «напускает-то богатырь»; «Не туман... поднимается» — «Поднимался вор-собака»... Таким образом стиховая симметрия приобретает необычную форму.

Еще один способ организации стихов в былинах можно определить как *звеньевое соединение*, основанное на словесных «подхватах».

Уж ты батюшка Владимир-князь,
Князь Владимир стольный киевский!

А уж ты ой еси, Данило да сын Игнатъевич!
Ай что же ты сидишь нонче, не пьешь, не ешь,
Ай да не пьешь ты, не ешь, сидишь не кушаешь,
Ай и белоё лебёдушки не рушаешь,
А да ничем ты, сидишь, нонче не хвастаешь?

В ответе богатыря:

Ай не изволь меня за слово скоро сказнить,
Ай да скоро меня сказнить, да круто вешати...

Сухман-богатырь обещает князю Владимиру:

Привезу тебе лебедь белую,
Белу лебедь живьем в руках,
Не ранену лебедку, не кровавлену.

И еще один пример:

Как из далече-далече из чиста поля
Зазрил-засмотрелся Турецкой пан,
Турецкой пан большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович.

В приведенных отрывках каждый последующий стих «подхватывает» окончание предыдущего, возникает небольшая цепочка. Построить более или менее протяженную цепь для сказителя, конечно, непросто, чаще всего он связывает таким образом два-три стиха.

Хочу повторить: чем искуснее сказитель, тем организованнее выглядят его стихи, тем слаженнее течет повествование. Но даже и хорошим сказителям нелегко пропеть всю былинку без сбоев. Вдруг то в одном, то в другом месте певец теряет найденную им нить повествования, стих нарушается,

как бы и перестает быть стихом, словно бы исполнитель не пропевает, а просто проговаривает его. Происходит это по разным причинам. Были в прошлом сказители, которые не очень дорожили формульностью былинного стиха и верили, что в ходе исполнения им удастся уложить в напев фразы или части фраз, не спаянные формульным началом. Таким был знаменитый сказитель Василий Петрович Щеголенок, который, между прочим, бывал в Ясной Поляне и пел былины Льву Николаевичу Толстому. Вот несколько наудачу выбранных отрывков из его былин.

Ён проговорил тут младыи Добрынюшка Никитинец:
— Ай же ты Маринушка, тут я это есть.

«Тут я это есть» трудно назвать былинными стихами. Конечно, Щеголенок пропел их, но это обстоятельство не может изменить их оценку.

Другой пример — из былины «Илья Муромец, Ермак и Калин-царь». Богатырь Ермак Тимофеевич, несмотря на молодость, готов выступить против татарского царя. Во многих вариантах этой былины говорится о том, как Владимир-князь не дает ему согласия, ссылаясь на его возраст. У Щеголенка:

Ай же ты младый Ермак Тимофеевич!
Ты есть-то व्यюнош, от роду тебе ведь семнадцать лет.

«Ты есть-то व्यюнош» — это неформульная часть стиха, настоящий *прозаизм*. Текст былины записывался от Щеголенка и другим собирателем, и тогда он пропел так:

Есть ты молод, Ермак Тимофеев сын,
От роду тебе всего семнадцать лет.
Где же у тебя да родной батюшка?

«Есть ты молод» — это такой же прозаизм, как и «ты есть-то व्यюнош».

Интересно, что и некоторые другие сказители, исполнявшие эту же былинку, испытывали явные трудности, когда должны были пропеть соответствующее место. Прозаическими выглядят стихи: «Ты, младый व्यюнош, перёрвешься» или «Как не большой, мал — лет семнадцати». Между тем другие сказители пользовались формулой:

А ты младёшенек да ты глупёшенек,
А от роду веку двенадцать лет.

По-видимому, в сказительской практике встречались более или менее регулярно случаи, когда для передачи какого-либо события, какой-либо ситуации не находилась подходящая формула и певцу надо было тут же, в ходе исполнения, искать выход. Далеко не всегда он оказывался удачным. В былине о Михаиле Потыке есть эпизод: жена-волшебница предлагает Потыку заключить договор, согласно которому — если один из супругов умирает, другой идет за ним в могилу. Слова договора чаще всего оказывались трудными для передачи сказителями — в их распоряжении не было подходящей формулы.

Они кляли-то заповедь великую:
«Да который умрет, другому живком легчи» (*живым лечь*).

Кто у нас да наперед помрет,
Тому-то сесть да во сыру землю.

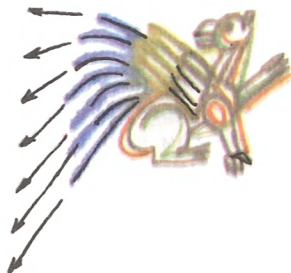
О смысле договора можно здесь только догадываться.

Кроме стиховой организованности, композиционной слаженности былины в их лучших образцах обладали еще одним замечательным качеством — тонкой и искусной *звуковой организацией стиха*.

Начнем с самого очевидного, легко обнаруживаемого, — рифмы.

Исследователи подсчитали, что примерно одна третья часть всех известных нам былинных стихов имеет конечные рифмы. Примеры рифмовки нам уже встречались в приводимых ранее отрывках. Вот еще другие случаи. Из былины о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче: два богатыря состязаются — кто перескочит реку; Чурила оказывается в воде, а Дюку это удается:

С бережка боярин да выскакиват,
К дру́гому боярин да прискакиват,
Поскорешенько назад коня да поворачиват,
Осерёд реки боярин да припадыват,
За волосы он Чурилушку захватыват,
Да с воды с конем выдымливат,
К солнышку к Владимиру притаскиват.

В семи стихах точная рифма — на «иват», «ыват». Более того, в шести стихах рифма, как принято говорить, — глубокая: в третьем от конца слоге повторяется один и тот же гласный «а». И все же нельзя с уверенностью говорить, что сказитель сознательно (подобно поэту) создавал рифмованные окончания, — скорее они появились как бы сами собой, как естественный результат параллелизма. В самом деле, сказитель в первую очередь подбирал глаголы, наиболее точно передающие происходившие действия. Но таково уж свойство русского языка — глаголы в одинаковой грамматической форме почти обязательно дают одинаковые окончания, и возникает рифма. Подобных глагольных рифм в былинах — великое множество. Нетрудно найти среди них и примеры глубокой рифмы: *заколодела — замуравела, перескакивал — перемахивал, повыдернули — повытряхнули* (здесь созвучия возникают уже на первых слогах, благодаря употреблению одинаковых приставок). Заметим, что когда в конце стихов оказываются прилагательные, то рифма также выступает довольно ясно:

Привязал коня доброго
Ко тому столбу да ко точеному,
Ко тому кольцу да золоченому.

Бросал палицу

Он ведь выше его-то лесу стоячего,
Он пониже всё облака ходячего.

Рядом с глубокими рифмами — рифмы более простые: *шелко́вую — калёную, великая — немалая* и так далее. Объяснить появление рифм в конечных прилагательных тоже нетрудно — все дело в параллельности грамматических форм. А вот с именами существительными так уже не получается — параллельность форм не дает созвучий, которые можно назвать на-

стоящими рифмами. Во всяком случае, возможностей здесь гораздо меньше: *промежуточек — переулочек, лебедушка — невестушка.*

Ай о трех змеинище о головах,
О двенадцати ли о хоботах.

И здесь тоже, можно сказать, действует закон параллелизма, порождающий рифму. Но часто в былинах стихи завершаются не рифмами в обычном понимании этого слова, а более простыми созвучиями: *по солнышку — по месяцу, буйну голову — русу косоньку.*

Я насыплю тебе да кучу золота,
Я другу насыплю чиста серебра,
Третью насыплю скачна жемчуга.

Дело в том, что при пении последний гласный в стихе обычно протягивался, на него падало дополнительное музыкальное ударение, он звучал открыто и сильно. В итоге возникали ясные созвучия, подобные рифмам, хотя, конечно, при простом чтении это не так заметно.

Итак, приведенные примеры как будто говорят об одном: согласно законам русского языка в хорошо организованном стихе, строящемся прежде всего по правилам параллелизма, нередко и совершенно естественно возникают созвучия и появляются конечные рифмы. Точно таким же путем образуются и рифмы начальные:

Наедались они да было до сыти,
Напивались они да было до пьяна.

Аналогично — рифмы в середине стихов:

Было пированье, почестный пир,
Было столованье, почестный стол.

А вот замечательный случай, когда в двух стихах собрались сразу рифмы конечная, срединная и начальная:

А подпоры он железны откидывал,
Да й затворы-то он медныи отдвигивал.

Следующий пример заставит нас присмотреться к тому, какие созвучия дает подчас былинный стих:

Посвисти, Соловей, по-соловьему,
Пошипипи, змей, по-змеиному,
Зрявкай, зверь, по-туриному.

«Соловей — змей» рифма для быliny не вполне обычная, но все же она воспринимается нами «нормально», а вот созвучие «змей — зверь» поражает своей новизной: в книжной русской поэзии такого рода рифмы стали появляться только в XX веке, и, я уверен, не один современный поэт охотно срифмовал бы «змей — зверь».

Такие находки «естественными» совпадениями не объяснишь. Но и относительно остальной массы примеров хочется сказать следующее: каким бы «естественным», обусловленным законами грамматики ни казалось нам возникновение рифм в разных положениях былинного стиха, признаем, что для этого требовалось, по крайней мере, чтобы былинный словарь имел об-

ширный набор соответствующих слов и чтобы каким-то образом они попадали в соответствующие места стиха. Как это происходило, остается загадкой: сами ли созвучные слова и формы «искали» друг друга, стремились одни к другим, ложились именно там, где надлежало им быть, а сказители лишь не препятствовали этой работе, «подчиняясь» самостоятельному движению языка? Или же сказители сами, на протяжении многих поколений, упорно, постепенно накапливали материал и создавали систему «естественных» созвучий, опираясь на свойственное им внутреннее, стихийное чувство языка?

В былинах при внимательном чтении можно обнаружить замечательные случаи внутренней рифмовки. Самые простые: *ответу нет, не пиваючись, не едаючись, ружье вострое да пуля быстрая*. Более сложные, можно сказать — особой сложности, открывающиеся лишь при чутком вслушивании в звучание стиха, в следующем примере.

Добрыня, явившись неузнанным на свадьбу своей жены, бросает ей в чашу с вином обручальное кольцо: по нему она должна узнать своего мужа.

Пей до дна — то увидишь добра,
А не выпьешь до дна — да не видать добра.

Он завидел всё на тихой заводи.

Вдова заплакала

Женским голосом во всю голову.

Случай «двойной» рифмовки:

А все на пиру напивались.

Чаще всего созвучия неполные, но от этого эффект их не уменьшается, напротив, мы удивляемся их изысканности.

А й говорил ему конь во второй након.

Стрелят сорók, ворон да за чужим двором.

Многokrатно вчитываясь в былинные стихи, я обнаруживаю неожиданно для себя такие образцы звуковой организации, которые говорят о необычайной чуткости создателей и хранителей эпоса к звучанию сопрягающихся слов и слогов. Во-первых, это случаи, которые можно назвать звуковой инструментровкой: в стихе (или в соседствующих стихах) с несомненной последовательностью повторяются звуки или звукосочетания, создающие особую музыку стиха. Трудно допустить, что музыка эта явилась сама собой. Но, с другой стороны, столь же трудно представить, что сказители сочиняли ее специально, целенаправленно. Для меня и сейчас остаются загадками все те многочисленные случаи инструментровки, какие я собрал в самых разных текстах. Вот некоторые из них.

Богатырь привязывает коня

к дубову́ столбу да золоту́ кольцу.

Скажем так: стих организован на «у». Но этого мало: в первой его половине звучание определяется сменой слогов «бо — ву — бу» (добавим сюда

еще и начальное «ду»), а три слова из четырех значимых согласуются одинаково или сходно звучащими «ол — оло — оль».

В стихе «По три года послом ходил» пять раз повторен гласный «о», что определяет музыку стиха, но к этому еще добавляются повторения сочетаний «по — по», «од — од», «год — ход».

Но открываются вещи еще более неожиданные, ранее никем не замечавшиеся. Открываются они только при внимательном вчитывании в каждый стих: на время надо отвлечься от содержания и сосредоточиться полностью на стихах. И тогда вас ждут находки: вы обнаруживаете, что отдельные стихи строятся на сочетаниях слов с одними и теми же звуковыми комбинациями, но в «перевернутом» виде. Давайте прочитаем вместе:

Тут же ле быть да белой лебеди.

«Леб — бел — леб» — неужели это могло появиться само собой? А вот еще:

Кленова стрела лежит («ле — ел — ле»);

Стал отталкивать да кулаком грозить («ал — ал — ла»).

И то же самое в словосочетаниях: «ведь десяточком» («едь — де»); «Ино будет она» («но — он»); «пламя машет» («ам — ма»); «смерти предам» («ер — ре»); «сила великая» («ил — ли»).

Конечно, такого рода созвучия в былинах попадают не в каждом стихе, но их и нельзя причислить к редким, они, несомненно, составляют одну из характерных особенностей звуковой организации былинного стиха. Неправильно было бы рассматривать эту особенность как простую игру звуками. По мнению современных ученых, звучание слова, особенно слова поэтического, тесно переплетено с его значением. Особая музыка, которая начинает звучать в наших ушах, когда мы произносим стихи типа приведенных выше, подчеркивает смысловую слитность составляющих эти стихи слов и, несомненно, способствует наилучшему выражению заключенных в них значений и создает впечатление совершенного художественного воплощения замысла.

Не будем забывать, что былинный стих в живом исполнении не прочитывался, а пропевался, он и создавался как стих поющий. Музыка слова в нем была слита с музыкой мелодии.

Что же собой представляет музыка былин?

У многих народов большие героические поэмы исполнялись в сопровождении музыкальных инструментов. Сказители одновременно играли и пели. Нужно было особое искусство, чтобы соединять воспроизводимое по ходу исполнения поэтическое слово и наигрыши инструмента. У южных славян пение сопровождалось игрой на гусях — смычковом однострунном инструменте (русские гусли — это совсем другого типа инструмент). У народов Средней Азии и Сибири певцы аккомпанировали себе на щипковых струнных инструментах (домбре, топшуре) или на смычковых (кобузе).

Северные сказители пели без сопровождения, и неизвестно, было ли оно в Древней Руси. Музыка былин во многом не совпадает с нашими обычными представлениями о музыке народных песен. Обычно ведь у каждой песни есть своя мелодия. С былинами дело обстоит совсем по-другому. Закрепленности напева за определенным былинным сюжетом нет. У каждого сказителя в памяти хранится один или несколько мотивов, и на них он исполняет все известные ему старины. Даже если он перенимает услышанную от кого-нибудь новую для него былинку, он будет исполнять ее сам уже на один

из своих напевов. Мелодии разных сказителей почти никогда не совпадают — даже если они поют одни и те же старины. Но существуют «родовые» (или семейные) напевы, которые передаются от старших к младшим: например, таковы рябининские напевы, пронесенные через несколько поколений.

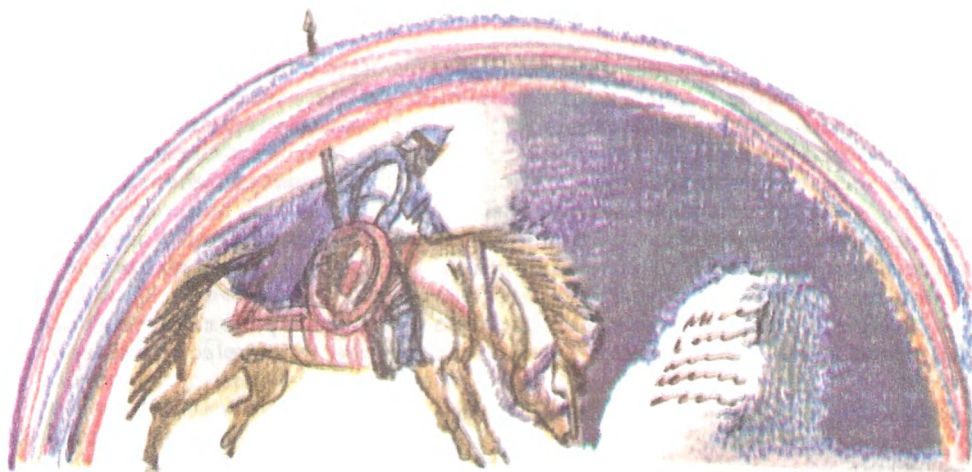
Музыковеды установили, что былинные напевы — разных типов. Есть напевы краткой формы — они соответствуют одному стиху былины. Есть напевы более развернутые, соответствующие целой строфе. Анализ показал, что музыка былин вовсе не так проста, как может показаться слушателю, что напевы, как и поэтический стих, подвержены варьированию. При всем том есть одно существенное различие между музыкой былин и музыкой, скажем, протяжных песен. Вторая сама по себе содержательна, исполнители подбираются с соответствующими голосами, огромную роль играют разного рода музыкальные оттенки... Музыка былин не требует специального голоса. Она живет только вместе с текстом и служит передаче содержания былин. Выразительность музыкального языка здесь совсем другая.

Живые голоса сказителей навсегда угасли. Но музыка былин нашла свою новую жизнь в творениях выдающихся русских композиторов, которые использовали былинные мотивы в своих симфониях, операх, концертных произведениях. В преображенном и музыкально обогащенном виде они звучат в операх Н. А. Римского-Корсакова «Садко» и М. П. Мусоргского «Борис Годунов», в симфониях А. П. Бородина и В. С. Калинникова; особо надо выделить «Фантазию на темы Рябинина» для фортепиано с оркестром А. С. Аренского. Когда Иван Трофимович Рябинин, приглашенный в Москву, выступал в Малом зале консерватории, А. С. Аренский записал услышанные напевы и две музыкальные темы сказителя (в том числе тему былины «Вольга и Микула») положил в основу своего произведения. Слушая теперь «Фантазию», мы не можем не вспоминать Трофима Рябинина и его потомков с их великим искусством, и в нашей памяти оживают начальные слова былины:

Жил Святослав девяносто лет,
Жил Святослав да переставился.
Оставалось от него чадо милое,
Молодой Вольга Святославович...

У ВХОДА В БЫЛИННЫЙ МИР

*Как увидели они да чудо чудное,
Чудо чудное, да диво дивное...*

III
еперь нам предстоит погрузиться в былинный мир — совсем не похожий не только на тот мир, в котором живем мы сегодня, но и на тот далекий, отстоящий от нас многими столетиями и знакомый нам по учебникам истории и книгам, написанным учеными историками или историческими романистами. Непохожи люди, населяющие мир былин (а уж тем более — «нелюди», которых там немало), отношения между ними, представления их о природе, земле, обществе. Необычайны события, происходящие в этом мире. Даже вещи, предметы, о которых упоминается в былинах, чаще всего необыкновенны. Для нас привычно воспринимать время и пространство как вполне реальные категории, поддающиеся адекватным измерениям. Но в былинах и время, и пространство выступают тоже необычными и меряются как-то совсем иначе, чем в наши дни. Вот почему справедливо говорить именно о своеобразном былинном мире. Справедливо еще и потому, что его особенности так или иначе проявляются в любой былине, — о чем бы она ни повествовала. Именно совокупность всех былин, вместе взятых, и образует единый мир. Мы могли бы назвать этот мир художественным — поскольку он создан поэтическим воображением, художественной фантазией. Но, с другой стороны, — можем ли мы забыть, что многие поколения в течение столетий верили в этот мир как реально существовавший? Что для северных сказителей их былины являлись средоточием настоящей истории? Значит, мир этот не просто художественный, в нем запечатлелся многовековой исторический опыт наших предков, выразилось народное понимание прошлого.

Прежде чем войти в мир былин и попытаться взглянуть в него, бросим общий взгляд на тот былинный фонд, который оставили нам севернорусские

сказители, а частью — и сказители других регионов России: Сибири, Волги, Дона, Урала, Терека.

В научной практике принято называть былины по главным героям и по событиям, которые определяют содержание произведений. Есть герои, вокруг которых собрано много сюжетов, — это целые циклы; есть герои, с которыми связаны две-три былины; есть, наконец, персонажи одной былины. Кроме того, те или другие персонажи действуют как второстепенные в ряде былин, либо просто упоминаются там.

Заметим здесь, что для былин характерен, можно сказать, замкнутый состав «своих» участников: редко-редко встречается кто-нибудь из них в сказках и преданиях.

Итак, вот **былинный каталог**. Давая его, придется в ряде случаев не ограничиваться только названием, но и указывать на главное содержание сюжетов.

Цикл былин об Илье Муромце:

«Исцеление Ильи, получение силы, предварительный подвиг».

«Илья Муромец и Соловей-разбойник».

«Илья Муромец и Идолище».

«Илья Муромец и Калин-царь». (Разгром татарского нашествия.)

«Бой Ильи Муромца с сыном».

«Три поездки Ильи» («Илья Муромец и разбойники»; «Илья Муромец побеждает коварную волшебницу»; «Илья Муромец добывает и раздает богатство»).

«Бунт Ильи против князя Владимира».

«Илья Муромец и голи кабацкие».

«Илья Муромец на Соколе-корабле».

Цикл былин о Добрыне Никитиче:

«Добрыня и Змей»

«Добрыня и Настасья». (Женитьба Добрыни.)

«Добрыня и Маринка». (Волшебница околдовывает богатыря.)

«Добрыня и Василий Казимирович». (Богатыри берут дань с татарского царя.)

«Добрыня и Алеша Попович». (Богатырь в отъезде; возвращается на свадьбу своей жены; наказывает Алешу Поповича.)

Сюжеты вне циклов:

«Алеша Попович и Змей Тугарин».

«Волх Всеславьевич».

«Вольга и Микула». (Князь и мужик-пахарь.)

«Святогор и тяга земная».

«Смерть Святогора».

«Дунай Иванович и Настасья-королевична».

«Бой Дуная с Добрыней».

«Гусляр Садко и новгородцы». (С помощью подводного царя бедный гусляр обретает богатство. Спорит с новгородцами.)

«Садко в гостях у Морского царя».

«Василий Буслаевич и новгородцы».

«Смерть Василия Буслаевича».

«Василий Игнатьевич и Батыга» или «Васька-пьяница и Кудреванко-царь». (Богатырь выступает против татарских полчищ.)

«Данило Игнатьевич и его сын». (Богатырь-малолеток выступает против татарских полчищ.)

«Сухман». (Один бьется с татарами, смертельно ранен, князь Владимир не верит ему, богатырь обрекает себя на смерть.)

«Королевичи из Крякова». (Богатыри-братья, не узнав друг друга, вступают в поединок.)

«Михайло Козарин». (Богатырь, отлученный от дома, спасает из татарского плена свою сестру.)

«Саул Леванидович и его сын». (Богатыри встречаются, не узнав друг друга, бьются.)

«Данила Ловчанин». (Князь хочет отнять у своего слуги жену, посылает его на невыполнимое задание; богатырь и его верная жена гибнут.)

«Михайло Потык». (История необыкновенной женитьбы богатыря и борьбы его с женой-волшебницей.)

«Иван Годинович». (Женитьба богатыря на девушке из «чужого» мира, ее предательство.)

«Соломан и Василий Окулович». (Жену Соломана похищают, он находит ее, но она предает его. Соломан карает жену и ее похитителей.)

«Глеб Володьевич и Маринка Кайдаловна». (Встреча богатыря-князя с заморской волшебницей, их состязание в мудрости.)

«Ставр Годинович и его жена». (Ставра за хвастовство заточают в темницу; жена хитростью выручает его, одурачивает князя Владимира.)

«Иван Гостиный сын». (Состязание богатыря с князем Владимиром.)

«Вавило и скоморохи». (Скоморохи силой своего искусства побеждают врагов.)

«Соловей Будимирович». (Заморский жених строит в одну ночь чудесный дворец с садом, доказывая свое право на невесту.)

«Хотен Блудович». (Богатая вдова не хочет отдать свою дочь за сына бедной вдовы. Возникает ссора. Хотен Блудович мстит девушке и ее родным, унижает их.)

«Дюк Степанович». (Заезжий богатырь доказывает князю Владимиру, что его земля богаче, красивее, устроеннее Киева. Состязается с Чурилой Пленковичем и побеждает его.)

«Чурила Пленкович». (Князь Владимир, пораженный несметными богатствами Чурилы, роскошью его двора, приглашает его к себе на службу. Княгиня Апраксия увлечена красотой Чурилы. Из ревности князь отправляет Чурилу назад.)

«Мамаево побоище». (Былина о гибели русских богатырей.)

Все эти былины стали известны нам, вошли в нашу культуру благодаря тому, что в свое время их записали от сказителей и напечатали в книгах. Одни и те же былины знали и пели разные сказители, благодаря записям собирателей многие былины известны в десятках текстов. Сопоставляя их, нетрудно убедиться, что каждый текст — особенный. Тексты на один и тот же сюжет различаются по характеру изложения, по деталям содержания и по более существенным признакам.

Полностью совпадающих текстов одной былины нет — даже если мы имеем дело с несколькими записями от одного сказителя. Законом жизни былин является то, что они живут в разнообразии вариантов. Каждый текст — это **вариант**.

По степени близости варианты одного сюжета можно объединять в *редакции* и *версии*. Анализ вариантов позволяет выделить в них наиболее общие,

повторяющиеся, устойчивые сюжетные черты: они составят то, что в науке принято называть *инвариантом*.

Исследователю, который изучает исторические корни, происхождение и развитие былины, который хочет раскрыть содержание былины во всей их глубине, надо обязательно знать все варианты каждой былины. Нужно ли это читателю? Чтобы ответить на такой вопрос, лучше всего обратиться к конкретным случаям вариативности.

Былина о Садко. Садко — богатый купец, прежде был бедным гусляром.

По пирам ходил-гулял Садко,
Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир.
По том Садко соскучился:
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался (*испугался*).
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Так повторяется еще дважды. На третий раз —

Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильменя со озера,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, Садко новгородский!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехи за великие,
За твою-то игру нежную:
Аль бесчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложи свою буйну голову,
И выражай с прочих купцов
Лавки товара красного,
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди свяжи шелковой невод,
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины золоты перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь».

Далее все так и происходит: Садко вступает в спор с купцами, те закладывают свои лавки и проигрывают — Садко добывает чудесных рыб. Таким образом он сам становится богатым новгородским гостем.

Такова былина, услышанная П. Н. Рыбниковым от сказителя Андрея Пантелеевича Сорокина.

А теперь приведем былинку о Садко, записанную от неизвестного певца в Сибири в середине XVIII века:

По славной матушке Волге-реке
А гулял Садко-молодец тут двенадцать лет;

Никакой над собой притки (беды, неприятности) и скорби
Садко не видывал,
А всё молодец во здравье пребывал.
Захотелось молодцу побывать во Новгороде,
Отрезал хлеба великий сукрой,
А и солью насолил, его в Волгу опустил:
«А спасибо тебе, матушка Волга-река!
А гулял я по тебе двенадцать лет,
Никакой я притки, скорби
Не видывал над собой
И в добром здравье от тебя отошел.
А иду я, молодец, во Новгород побывать!»
Проговорит ему matka Волга-река:
«А и гой еси, удалой добрый молодец!
Когда придешь ты во Новгород,
А стань ты под башню проезжую,
Поклонися от меня брату моему,
А славному озеру Ильменю».
Втапору Садко-молodeц, отошед, поклонился.
Подошел ко Новгороду
И будет у тоя башни проезжая,
Подле славного озера Ильменя;
Правит челобитье великое
Он тоя-то матки Волги-реки,
Говорит таково слово:
«А и гой еси, славный Ильмень-озеро!
Сестра тебе, Волга, челобитье посылает двою».
Говорил сам и кланялся.
Малое время замешкавши,
Приходил тут от Ильмень-озера
Удалой добрый молодец,
Поклонился ему, добру молодцу:
«Гой еси, с Волги удал молодец!
Как ты-де Волгу-сестру знаешь мою?»
А и тот молодец Садко ответ держит:
«Что-де я гулял по Волге двенадцать лет,
Со вершины знаю ее и до устья ее,
А и нижня царства Астраханского».
А и стал тот молодец наказывать,
Который послан от Ильмень-озера:
«Гой еси ты, с Волги удал молодец!
Проси бошлыков (атаманов рыболовных артелей)
во Новгороде,
Их со тремя неводами
И с теми людьми со работными,
И заметывай ты неводы во Ильмень-озеро,
Что будет тебе божья милость».
И закинули три невода во Ильмень-озеро:
Первой невод к берегу пришел —
И тут в нем рыба белая,
Белая ведь рыба, мелкая;
И другой-то ведь невод к берегу пришел —
В том-то рыба красная;
А и третей невод к берегу пришел —
А в том-то ведь рыба белая,
Белая рыба в три четверти.

Весь громадный улов перевозят в гостиный двор и укладывают в «погреб-бы глубокие».

А не ходит Садко на тот на гостиный двор по три дни,
На четвертый день погулять захотелось.
А и первой в погреб заглянет он,
А насилу Садко туто двери отворил:
Котора была рыба мелкая —
Те-то ведь стали деньги дробные.
И скоро Садко опять запирает:
А в другом погребу заглянул он:
Где была рыба красная —
Очутилось у Садка червонцы лежат.
В третьем погребу заглянул Садко:
Где была рыба белая —
А и тут у Садка все монеты лежат.
Втапору Садко-купец, богатый гость,
Сходил Садко на Ильмень-озеро,
А бьет челом, поклоняется:
«Батюшко мой Ильмень-озеро!
Почучи меня жить во Новеграде».

Различий так много, что и не перечислишь все. Но главные: в первой версии герой — бедный гусяр, обиженный новгородцами, и морской царь награждает его за игру на гусях, но в то же время и как бы восстанавливает справедливость. В версии второй герой — вольный молодец, Ильмень-озеро награждает его за поклон от сестры Волги. В первой версии награда — результат спора Садко с новгородцами, во второй версии спора нет, но есть чудесное превращение улова в деньги. А итог один — безвестный, бедный становится богатым, входит в новгородскую общину. В двух версиях важны не только отличия, не менее важно то общее, что их связывает: героя, обладающего качествами, которые слагатели былины безусловно считали привлекательными, Хозяин подводного мира чудесным образом наделяет богатством. Вот это общее можно определить как *инвариант сюжетной темы*. Один из законов былинного творчества состоит в том, что инвариант находит различные конкретные разработки, получает выражение во множестве повествований, и все они равноправны. Можем ли мы решать, какая из версий лучше, какая больше соответствует смыслу инварианта? Пожалуй, нет, хотя у читателя есть полное право сказать, что первая версия нравится ему больше, или наоборот: это уже дело вкуса.

Обратим внимание на то, что две столь разные версии приходят в конце концов к одному итогу и, что особенно важно, развиваются далее сходным образом: описывается пир, устроенный Садко для новгородских купцов; на пиру он хвастает своим непомерным богатством и бросает вызов — он готов выкупить все товары новгородские.

В этом состязании он, однако, согласно первой версии, терпит поражение. Садко вынужден признать:

Не я, видно, купец богат новгородский, —
Побогаче меня славный Новгород.

Но по второй версии, Садко на четвертый день не находит в Новгороде товаров «ни на денежку, ни на малу разну полушечку». И былина завершается явной издевкой Садко над Новгородом:

Зайдет Садко он во темный ряд,
И стоят тут черепаны, гнилые горшки,
А все горшки уже битые;
Он сам, Садко, усмехается,
Дает деньги за те горшки,
Сам говорит таково слово:
«Пригодятся ребятам черепками играть,
Поминать Садко, гостя богатого,
Что не я, Садко, богат — богат Новгород
Всякими товарами заморскими
И теми черепанами, гнилыми горшки».

Более сложный пример вариативности дают нам многочисленные тексты былины о Михаиле Потыке.

Начало в некоторых вариантах вполне традиционно: князь Владимир посылает Михаила Потыка к морю или к реке настрелять к столу «малых серых уток», «самоплавных белых лебёдушек».

Да й ходил Михайла Потык сын Иванович,
Да й ходил ко тою славною ко матушки Пучай-реки,
Да й стрелял Михайла гусей, лебедей,
Да й стрелял-то перелетных серых утушек.
Да й по той ли-то по матушки Пучай-реки
То пловет колода белодубова,
Да й на тою на колоды белодубовой
Сидит беленька на ней лебедушка.
Молодой Михайла Потык сын Иванович
А й берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Натянул тетивочку шелковеньку,
Наложил ён стрелочку каленую,
Хотит подстрелить он белую лебедушку.
Поднималась та белая лебёдушка
Да й на ты на крыла лебединые,
Вылетала-то она да й на крутой берёг,
Обвернулась-то лебёдка красной девушкой.

Девушка эта — суженая Потыка. В другом варианте она говорит:

Не стреляй меня, Михайло Потык сын Иванович,
А я лучше за тебя замуж пойду.

Но предварительно она должна принять крещение, так как она «чужая», «роду неверного».

В одной версии Потык отправляется на охоту по собственному почину.

Не зайушко в чистом поле выскакивал,
Не горностаюшка выплясывал —
Выезжал там доброй молодец,
Доброй молодец Михайла Потык сын Иванович.
Направлял он да своего коня богатырского.
Увидал он во чистом полі
Лань да златорогую,
Спускал своего да добра коня
Во всю прыть да лошадиную.
Догоняет он да эту лань да златорогую,
Хочет колоть ю во белую грудь.

Испроговрит эта лань да златорогая
Человеческим она голосом:
«Ай же ты Михайла Потык сын Иванович!
Не коли-тко ты да моей белой груди.
Я есть ведь не лань-то златорогая,
Я есть Марья лебедь бела, королевична.
У меня на сем свете положен ведь такой завет —
Кто меня может на бегу догнать,
За того я пойду в замужество».
Повернулась эта лань да златорогая,
В человеческий она образ.

Встреча завершается браком.

Возникает вопрос: а действительно ли Потык ездил на охоту за дичью? Не иносказание ли это? Не было ли целью поездки добывание невесты? В русских свадебных обрядах жених нередко выступает в роли охотника, а невеста — в образе лебеди или утушки. Есть песни, изображающие сватовство как охоту: жених стреляет в невесту-птицу и таким образом совершает брак. Значит, и весь былинный эпизод охоты богатыря можно толковать как метафору свадебной поездки. В этом эпизоде есть очень важная подробность — превращение птицы в девушку, возвращение ей человеческого облика. Это может произойти только при одном условии: если птице-девушке встретится «суженый», предназначенный ей в мужья. Как узнать суженого? Герой должен пройти какое-то испытание, показать себя достойным невесты. В далеком прошлом женихи состязались в силе, ловкости, уме (отгадывали загадки

и тому подобное). В народных героических поэмах богатыри часто выполняют испытания фантастического порядка: Соловей Будимирович строит за одну ночь чудесный дворец; герой одной сербской песни перескакивает через трех коней, на спинах которых — горящие мечи; в других песнях женихи-богатыри добывают чудесные предметы, вступают в поединок с чудовищами. Одно из испытаний для жениха — нужно победить невесту, которая сама обладает богатырскими качествами или другими чудесными свойствами. Так, Дунай Иванович борется с незнакомой богатыркой, побеждает ее и тем самым доказывает свое право жениха. В былине о Потыке условие победы — догнать лань, поставить ее (равно как в другой версии — лебедь белую) в безвыходное положение. Герой, словно бы не ведая того, выполняет это условие и становится женихом. Можно подумать, что все это произошло случайно. На самом деле вовсе нет. Былины дают множество примеров того, что события, кажущиеся случайными, неожиданными, в действительности оказываются предугазанными, предназначенными героям. И сами герои нередко об этом предназначении «знают». Потык вовсе не «случайный» жених. Это прямо подтверждает еще одна версия былины.

На княжеском пиру Михайло Потык просит у Владимира благословения на брак. Владимир дает ему разрешение жениться на ком он хочет: на дочери князя, боярина, богатыря, купца, крестьянина. Но оказывается, что у Потыка есть «невеста богосужена» — это Марья Копейцина, дочь заморского короля. Владимир отговаривает богатыря от этого брака:

Она не будёт тут тебе, она не будёт жена —
Она будёт тут тебе она подпазушка змея.

Былина не объясняет, откуда у Владимира такое мнение о будущей жене Потыка.

Скажем здесь, что обычно в былинах разного рода предсказания и предупреждения исполняются и герою, который ими пренебрег, приходится преодолевать немалые трудности и опасности. И в данном случае Потык не слушает князя и отправляется за невестой «за три моря». Явившись к королю заморскому, он ведет себя не очень учтиво:

Не дашь ли ею да ты в замужество,
Не дашь да добром — дак возьму силою.

Король приказывает боярам схватить и казнить Потыка, но тот легко с ними расправляется, проходит в «гридницу столовую», где сидит девушка, и зовет ее с собой.

Марья согласна и укоряет отца за то, что он не сумел выдать ее замуж должным образом. Богатырь увозит невесту, посадив ее на коня у себя за спиной.

Наконец, есть версии, согласно которым Потык, посланный князем Владимиром в Золотую Орду или в другую землю за данью, учиняет там разгром и в числе другой добычи привозит себе невесту.

Приведенные примеры дают нам возможность коснуться очень сложного вопроса об исторических соотношениях разных версий.

В первых двух версиях фантастика явно связана с мифологией (девушка-птица, девушка-лани), и, значит, их можно считать древними или, как принято говорить научным языком, архаическими: такого рода мотивы встречаются уже в фольклоре первобытных народов.

Следующие же версии соединяют фантастику с историей («Золотая Орда», «чужая земля», куда совершается богатырский поход), и их естественно рассматривать как более поздние, так или иначе соотносимые с политическими событиями Древней Руси.

Однако, в конечном счете, все версии возводимы к единому инварианту сюжетной темы: «суженая» богатыря принадлежит «чужому» миру, и он завоевывает ее силой.

Закономерен, конечно, вопрос: как объяснить, что у киевского богатыря такая странная суженая?

Ответить на него в рамках одной только былины невозможно — для этого надо обратиться ко всему обширному циклу былин о героическом сватовстве и более того — привлечь для сравнения эпические сказания других народов.

В дальнейшем мы попытаемся это сделать.

А пока заметим, что обзор нескольких (не всех еще) версий значительно помогает прояснить глубокий смысл всей этой коллизии.

Ведь каждая версия вносит что-то свое, в результате складывается представление гораздо более богатое, чем если бы мы знали какую-то одну версию.

Из вариантов нельзя сложить какой-то один, «полный» текст. Но, анализируя отдельные былинные сюжеты, мы вправе сопоставлять трактовки, предлагаемые вариантами, рассматривать всю совокупность эпизодов, извлекаемых из множества вариантов, — тогда общий смысл былины высветится гораздо отчетливее, обнаружатся моменты исторических изменений, которые былина пережила, и художественные подробности, взятые из разных вариантов, покажут многокрасочность былинного повествования.

В былине о возвращении Добрыни на свадьбу своей жены богатырь выступает в роли пришедшего музыканта. В одних случаях об этом лишь вскользь упоминается, но есть варианты, в которых прямо-таки с упоением описывается искусная игра Добрыни на гуслях:

Молодой Добрынюшка Никитинич
Он и пыли-грязи не распахивал,
Прямо садился платицом цвѣтным,
Начал гусѣлышки налаживати,
Начал звончатые настраивати.
Уж он струночки приводит от Царя-града,
А припевочки приводит от Нова-города.
Как начал ли он в гусѣлышки поигрывать,
Как начал ли он во звончаты поскрипывать, —
Уж как все тут на пиру порасплясались,
А Владимир-князь да распотешился,
За столом стал в перстиki (пальцы) пощелкивати,
На столы стал ноженьки покидывать.
«Не бывало у меня такого гусельщика
Опосля Добрынюшки Никитича».

БОГАТЫРИ СВЯТОРУССКИЕ

*И ай на горах-то, на горах да на високих,
Кабы жили на заставе богатыри,
Они стерегли-берегли да красен Киев-град.*

Тлавные действующие лица в былинах — богатыри. Былины — это прежде всего сказания о богатырях, об их подвигах и о разных обыкновенных, а чаще необыкновенных событиях их жизни. У каждого богатыря — свое имя, своя биография, свой круг подвигов. Но в то же время у них так много сходного, даже общего, совпадающего, что, взятые все вместе, богатыри образуют единый художественный тип.

Каждый богатырь — это личность, но в его характере, поведении, отношении к окружающему, в его поступках неизменно дают себя знать общие законы *богатырства*.

Одна из самых характерных особенностей изображения богатырей: в былинном повествовании они до поры до времени предстают как самые обыкновенные, ничем не выделяющиеся люди. Так, поначалу на княжеском пиру, среди князей, бояр, купцов, они выглядят заурядными, не обладающими никакими преимуществами — ни знатностью, ни богатством, ни даже силой. Но обязательно наступает критический момент, и тогда обнаруживается необыкновенность богатыря: он оказывается наделенным той сверхчеловеческой силой и другими фантастическими качествами, которые только они и способны обеспечить успех правого дела. Переход от обыкновенного, человеческого к необыкновенному, сверхчеловеческому в былинах совершается так, что человеческое начало все равно торжествует в богатырях. С полной наглядностью эта особенность проявляется в эпизодах столкновения богатыря с противником-чудовищем. Илья Муромец узнает, что в Киеве хозяйничает Идолище Поганое. Он отправляется туда, приняв облик нищего странника, то есть человека, который и в физическом, и в социальном плане находится на

самой нижней ступени общества. Идолище расспрашивает пришельца об Илье Муромце: каков он на вид, что он ест, как много пьет? Для Идолища именно эти качества кажутся самыми существенными, они определяют возможности персонажа.

Отвечает ему старец-паломник (*паломник, странник*):
«Не огромный наш казак да Илья Муромец —
Уж он толь велик, как я же есть.

Не помногу ест да Илья Муромец —
По три калачика крупивчатых.

Он один же пьет да нунь стаканец ли».

Такая сдержанность богатырских вкусов вызывает у Идолища презрительную насмешку: ведь для него понятие «богатырь» связано с совсем иными масштабами:

Это что же есть да нунчу за богатырь ли!
Как наши татарские богатыри
По кулю да хлеба к выти (*за один прием*) кушают,
Не раз же по ведру вина да выпьют ли.

Но внешне неприметный богатырь побеждает врага, наделенного чудовищными размерами. Сходная картина — в былинах об Алеше Поповиче и Змее Тугарине. Чужеземный насильник явно превосходит богатыря своими габаритами:

Вышина у собаки ведь двух охват,
Промежу ему глаза да калена стрела,
Промежу ему ушей да пядь бумажная (*старинная мера длины, около 17—18 см*).

Тугарин демонстрирует свою прожорливость, никак не соответствующую обычному человеческому (и богатырскому в том числе) отношению к еде:

Принесли-то на стол да как белу лебедь,
Вынимал-то собака свой булатен нож,
Поддел-то собака он белу лебедь,
Он кинул, собака, ей себе в гортань,
Со щек-то на щеку перемётыват,
Лебедьё косьё да вон выплюиват.

В момент поединка обнаруживается, что богатыри обладают скрытой фантастической силой, которая позволяет им, оставаясь обыкновенными людьми, победить силу нечеловеческую. У Ильи Муромца в ход идет «клюха сорочинская сорока пудов», которой он подпирался как странник.

Как подскочит тут казак да Илья Муромец
Со своей было клюхою сорочинскою,
Как ударит он его да в буйну голову, —
Отлетела голова да будто пугвица.
А как выскочил он да на широк двор,
Взял же он клюхой было помахать,
А поганых татаровей охаживать,
А прибил же всех поганых татаровей,
А очистил Илья Муромец да Киев-град...

Несоответствие между нормальными человеческими размерами богатыря и его способностью орудовать многопудовой палицей в былине никогда не объясняется. Здесь мы имеем дело с особенной художественной логикой, которая не подвластна логике достоверного. В былине, несомненно, сказывается воздействие древних мифологических представлений о героях, наделенных сверхчеловеческими возможностями. Но эти представления получили художественное развитие. Богатырская сила, пока нет необходимости, никак себя не обнаруживает, ее как бы и нет вовсе, и окружающие ее не замечают. Она проявляет себя в должный час, но не все об этом знают. Когда Илья Муромец впервые приезжает в Киев и, придя на пир, заявляет, что ехал он «дорожкой прямоезжей», князь Владимир отказывается поверить:

Во глазах, мужик, ты надсмехаешься,
Хочешь ты пустым похвастаться, —
Где тебе проехать дорожкой прямоезжей!..
Прямоезжая дорожка заколодела...

Недоверие князя и бояр к возможностям богатыря иногда оказывается причиной конфликта между ними. В силы богатыря не верит и враг — но для него это оборачивается гибельными последствиями.

В ситуациях с богатырской силой, которая глубоко спрятана и обнаруживается только в исключительные моменты, дает себя знать народное понимание того, что силой должно пользоваться лишь при реальной опасности, а в обычной жизни ей не место в отношениях между людьми и ее не надо показывать. Согласно той же народной точке зрения, выраженной в былинах, богатырская сила должна быть употреблена на правое дело. Отец Ильи Муромца, наставляя отъезжающего сына, говорит ему:

Я на добрые дела тебе благословенье дам,
А на худые дела благословенья нет.

В редких случаях происходит необычайное: сила на время покидает богатыря. Момент этот можно рассматривать как наказание за совершенную богатырем ошибку и как испытание ему. В былине «Илья Муромец и Калинцарь» есть драматический эпизод: конь предупреждает богатыря, что он не сможет преодолеть третьего татарского подкопа; однако богатырь, увлеченный битвой, не слушает предупреждения, гонит коня в подкоп и попадает в плен; на время он лишается своей богатырской силы, оказывается беспомощным в руках врагов и обретает силу лишь после того, как врагам не удается сломить его нравственную стойкость.

Ярче всего беспредельность богатырских возможностей раскрывается в былинах о борьбе богатырей с татарским нашествием. Можно сказать, что главный подвиг русского богатыря — это уничтожение им в одиночку или с несколькими товарищами бесчисленного вражеского войска. Уже первый воинский подвиг Ильи Муромца посвящен освобождению Чернигова от чужеземных врагов.

Усмотрел под городом Черниговым
Нагнан там силушки черным-черно,
А черным-черно как черна ворона, —
Хочут черных мужичков да всех повырубить,
Хочут церкви божии на дым спустить.
Разгорелось сердце у богатыря,
А у старого казака Ильи Муромца.

Припускал коня на рать-силу великую,
Стал он силу с крайчика потаптывать,
Конем топтать да из лука стрелять,
Стал рубать их саблей острою,
Своим копьём да муржемецким,
Притоптал он силу-рать великую...

Возможности богатыря, однако, не заключены в одной лишь физической силе, в способности орудовать девяностопудовой палицей и одновременно стрелять из лука, рубить саблей и колоть копьём. Змей Тугарин в момент битвы поднимается в небо на бумажных крыльях, и богатырь не может достать его. Тогда Алеша обращается с молитвой к «Спасу Вседержителю» и к Богородице, чтобы они послали дождь, подмочили бы крылья Змею. Молитва исполняется, и Алеша побеждает спустившегося на землю врага. В эпизоде этом, конечно, проявилась религиозность слагателей и исполнителей былин, их вера в небесные силы. И в других былинах время от времени встречается подобный эпизод: богатырь, попавший в беду, просит о помощи Богородицу. В прошлом русское крестьянство верило в то, что Богородица — это заступница, она готова защитить в беде. Но — независимо от религиозного начала — в былинах присутствует идея, согласно которой богатырям в их борьбе за правое дело помогают силы, способные творить чудо. Рядом с богатырской силой, с убежденностью богатырей в необходимости и справедливости их действий в былинах существует и действует сила чудесная, нередко таинственная, самому богатырю не принадлежащая: она является всякий раз, когда одной физической силы оказывается недостаточно, когда над богатырем нависает опасность. Посмотрим, как это происходит в разных обстоятельствах.

Когда Добрыня Никитич отправляется на опаснейшую встречу со Змеем, похитившим племянницу князя Владимира, его провожает мать, «честна вдова Офимья Олександровна». Матери богатырей обладают даром предвидения, они всегда знают, какая опасность грозит их сыновьям в предстоящем походе. При этом они обычно не знают, каков будет исход дела, и чаще всего очень беспокоятся за судьбу сыновей. Иногда им ведомы пути, способствующие успеху. Вот и в данном случае мать Добрыни знает, как предотвратить одну из опасностей, подстерегающих сына.

«Ах ты душенька Добрыня сын Никитинич!
Вот тебе да плетка шамахинская:
Съедешь ты на гору Сорочинскую,
Станешь топтать маленьких змеенышов,
Выручать тут полону да русского,
Да не станет твой же бурушко поскакивать,
А змеенышов от ног да прочь отряхивать, —
Ты хлыщи бурка да нунь промеж уши,
Ты промеж уши хлыщи да ты промеж ноги,
Ты промеж ноги да промеж задние,
Сам бурку да приговаривай:
«Бурушко, ты нонь поскакивай,
А змеенышов от ног да прочь отряхивай».

Далее все происходит, как предупреждала мать: когда Добрыня стал «топтать да маленьких змеенышов», «подточили тут змееныши бурку да щеточки» (часть ноги коня над копытом) и конь «не стал поскакивать». Тогда

Добрыня пустил в ход «плетку шамахинскую», и борьба со «змеенышами» закончилась победой.

«Плетка шамахинская» — один из магических предметов былиного эпоса. Создателям былины была присуща вера в особую силу разных предметов — в то, что будучи употреблены в известный момент и сопровождаемы известными словами, они окажутся способными сотворить чудо. Такую веру в науке называют магией, а действия и предметы — магическими; слова, которые при этом произносятся, — это заговоры. Случай с плеткой — типичный пример былинной магии. Знанием ее владеет мать богатыря, мудрая старая женщина. Самому богатырю это знание обычно передает кто-то из близких. Иногда его сообщает чудесная птица или богатырь прочитывает надпись на камне.

В былине «Илья Муромец и разбойники» богатырь описывает, как снаряжен его конь. У него

Меж ушами камёнёе драгоценное —
Не ради красы-басы великие,
Ради тёмные ночи осенние:
Где ходит-гуляет мой доброй конь,
Видно за три-то вёрсты как мерные...

Дюк Степанович — обладатель трех необыкновенных стрел, которым нет цены: они сделаны из «тростиночки заморские» и оперены перьями «орла сиза орловича», что во время охоты на лебедей роняет перья в море, а «гости-корабельщики» собирают их и потом одаривают ими «королей и королевичей... сильных могучих богатырей». Но самое ценное в стрелах то, что на концах их вставлены «каменья яхонты», которые светят и от солнца, и от месяца, и Дюк после стрельбы легко их находит.

Добрыне предстоит тяжелейший поединок со Змеем: он встретится с ним в самой неблагоприятной для богатыря обстановке: это будет не «поле чистое», а огненная река, Добрыне придется переплывать ее безоружным, с ним не будет его коня. Когда наступает момент встречи, Змей «о двенадцати хоботах» торжествует:

Ах ты молодой Добрыня сын Никитинич!
Захочу я нынъ Добрынюшку целю сожру,
Захочу Добрыню в хобота возьму,
Захочу Добрынюшку в полон снесу.

И тут «неожиданно» под рукой богатыря оказывается необычное оружие:

Лежит тут колпак да земли греческой,
А весу-то колпак буде трех пудов.

С помощью этого колпака Добрыня и расправляется со Змеем.

Что означает этот «колпак земли греческой», остается неясным. Одно из объяснений таково: это «клобук», шапка монаха или священнослужителя из Греции — центра православия. По-видимому, создатели былины придавали этой шапке значение священного предмета, в нем была заложена особая сила, сила правды. По привычке к гиперболам сказители наделили святую шапку еще и весом, и таким образом она превратилась в настоящее оружие.

По другому варианту мать Добрыни предупреждает об опасностях, которые ожидают его. Выясняется, что Змея нельзя победить обыкновенным богатырским оружием.

А налётит на тебя да змея лютая,
 Кабы станет она тебя кругом облетывать,
 А обваживать свои хоботы змеиные;
 Не боится она копейца бурзомедкого,
 Не боится она ведь палицы буёвой,
 Не берет ее сабелька право вострая,
 А боится она ведь прутиков железных.
 Ты сходи-ка наперво в нову кузницу,
 Уж ты скуй-ка нынче право три прутика:
 А первой-от прутик скуй железной же,
 Да второй-от прутик нынче менной же (*медный*),
 О третьей-от прутик оловянной бы.

Мотив, согласно которому врага можно победить только особым, специально изготовленным оружием, встречается и в сказках, но в былину он пришел скорее всего из мифов о подвигах «культурных героев» (об этих связях былинного эпоса с мифологией мы еще поговорим).

И огромная физическая сила, которой обладают богатыри, и чудесное оружие, оказывающееся под рукой в нужный момент, и фантастическая помощь со стороны — все направлено к одной цели, к тому, чтобы богатыри могли исполнить свой великий долг.

Все главные дела богатырей связаны с Киевом. Они родились и выросли в разных концах Руси, но съехались в стольном граде, потому что удел их — служить всей Русской земле, а не отдельным ее областям. Илья Муромец приехал из муромского села Карачарова, Добрыня — из Рязани, Алеша Попович — из Ростова... Положение, которое они занимают в Киеве, их отношения с князем и боярами, их поведение в разные моменты никак не укладываются в систему наших знаний истории Киевской Руси X—XII веков. Напрасно искать в летописях или в сочинениях древнерусских авторов что-либо похожее на былины. В них — свой исторический мир. Одним из центров его выступают отношения богатырей с князем Владимиром: он посылает их с разными поручениями, обращается к ним за помощью, награждает за службу, а иногда и наказывает за «непослушание». Поручения самые разные: съездить на охоту и привезти дичь к княжескому столу; добыть для князя невесту; отвезти дань татарскому царю; выступить соперником чужеземному богатырю. Одна из главных идей, проходящая через все былины и организующая все повествования: никто, кроме богатырей или даже одного определенного богатыря, никакой просьбы князя исполнить не может. Типичная для былин картина: среди массы приближенных князя, гостей на пиру не находится никого, кто откликнулся бы на его призыв. Когда Кудреванко-царь с несметным войском осадил Киев, князь Владимир на пиру, где только что гости хвастали своими достоинствами, спрашивает:

«Да не можот ле кто съездить да во чисто поле
 А пересметить-де (*пересчитать*) силушку неверную,
 А привезти пересмету да в крашен Киев-град?»
 Уж меньший хоронится за среднёго,
 Уж как средний хоронится за меньшого,
 А от меньшого до большого ответу нет.

Откликается только богатырь, готовый, невзирая на опасность, выполнить поручение князя. Когда же богатыри на пиру отсутствуют, тогда — беда, князь бессилен, Киеву грозит гибель.

Некоторые ученые склонны думать, что богатыри — это те же дружинники. Из истории известно, что военной опорой князя была дружина. Вместе с дружиной князь совершали различные походы. Но богатыри мало похожи на дружинников. Они часто держат себя по отношению к князю независимо, могут даже осудить его поведение, пойти на прямую ссору с ним. На противоречиях богатырей с князем построены, как мы увидим, многие былин-ные сюжеты. В своих деяниях богатыри одушевлены мыслями и забота-ми о народе, о всей Русской земле, они защищают не одних только князя с княгиней.

Илья Муромец обращается к своим товарищам богатырям с призывом:

Вы й седлайте-тка ко́ней богатырских,
Да й поедмте в раздольице в чисто поле,
Постоимте за веру й за отечество,
Сохранимте мы да й стольный Киев-град,
Сохранимте мы да й церкви божие,
Сберегёмте мы князя й Владимира.

Перечень тех, кто нуждается в защите и спасении, в вариантах иногда существенно дополняется: богатыри вступаются за «бедных вдов и малых де-тей», за «черных (простых) мужичков».

Служение народной Руси, отстаивание ее чести и независимости, защита справедливости — вот смысл деяний богатырей.

Яснее всех это понимает Илья Муромец. Среди русских богатырей он представляет крестьянство. Он сам, по собственному желанию, приехал в Киев, чтобы служить князю Владимиру и исполнять великий долг защит-ника Русской земли. Понятие долга у него слито с чувством собственного до-стоинства. И в княжеском дворце он держит себя не как послушный дру-жинник, а как богатырь, знающий себе цену. По одному варианту былины о ссоре Ильи Муромца с князем, Владимир во время пира посадил бога-тыря на дальней стороне стола, вместе с детьми боярскими. Илья счел это за оскорбление:

Уж ты батюшко Владимир князь,
Князь Владимир стольный киевский!
Не по чину место, не по силе честь:
Сам ты, князь, сидишь со воронами,
А меня садишь с воронятами.

Рассерженный этим выговором, князь велит своим богатырям выкинуть Илью «вон из грядницы». Чтобы понять дальнейший ход событий, надо знать, что в этом варианте былины Илья Муромец не назвал своего имени, а объявил себя Никитой Заолешанином.

Выходили три богатыря,
Стали Никитушку попёхивать,
Стали Никитушку поталкивать, —
Никита стоит не шатнется,
На буйной главе колпак не тряхнется.
«Ежели хошь, князь Владимир, позабавиться,
Подавай еще трех богатырей».

Илья требует еще трех, но и в девятером богатыри не могут с ним спра-виться.

«Князь Владимир красное солнышко!
Тебе охота попотешиться?
Ты теперь на меня гляди, —
Гляючи, снимешь охоту тешиться».
Стал он, Илейко, потешиться,
Стал он богатырей попихивать,
Сильных-могучих учал попинывать, —
Богатыри по гриднище ползают,
Ни один на ноги не может встать.
Говорит Владимир стольный киевский:
«Ой ты гой еси, стар казак Илья Муромец!
Вот тебе место подле меня,
Хоть по праву руку аль по левую,
А третье тебе место — куда хошь садись».

И даже после этого триумфа своего Илья не упускает возможности выговорить князю:

Не умел ты гостя на приезде учёствовать —
На отъезде гостя не учёствуешь.
Сам ты сидел с воронами,
А меня сажал с воронятами.

Замечателен по-своему и другой вариант былины, где Илья Муромец, когда Владимир не позвал его на пир, ищет, как бы ответить князю на этот его поступок.

И он берет-то как свой тугой лук разрывчатой,
А он стрелочки берет каленые,
Выходил Илья он да на Киев-град,
И по граду Киеву стал он похаживать
И на матушки божьи церкви погуливать,
На церквах-то он кресты вси да повыломал,
Маковки он золочены все повыстрелял,
Да кричал Илья он во всю голову,
Во всю голову кричал он громким голосом:
«Ай же пьяницы вы, голюшки кабацкие!
Да и выходите с кабаков, домов питейных,
И обирайте-тко вы маковки да золоченые,
То несите в кабаки, в дома питейные,
Да вы пейте-тко да вина досыта».

Вот такая совершенно необыкновенная ситуация описывается в былине — ее невозможно представить в реальной действительности Киевской Руси. Богатырь совершает святотатство — рушит церкви. Он организует настоящий бунт, участниками которого оказываются «голи кабацкие», то есть люди, стоявшие на самой низкой социальной ступени, лишенные всего. Заметим здесь, что бунт «голей кабацких» мог бы иметь место в XVII веке, — возможно, что именно от тех времен и пришел этот эпизод в былинку. Как бы то ни было, Илья Муромец выступает перед нами отнюдь не как дружинник князя, готовый терпеть его несправедливости.

И эта былина завершается моральной победой богатыря. Князь, узнав, что вытворяет Илья на киевских улицах, хочет исправить свою ошибку и посылает за взбунтовавшимся богатырем Добрыню. Вот как, не без внутренней издевки над князем, описывает всю ситуацию былина:

Тут Владимир-князь да стольнё-киевской
 Да ще он стал да и дума думати:
 «Мне кого послать будет на пир позвать
 Того старого казака Илью Муромца?
 Самому пойти мне-то, Владимиру, не хочется,
 А Опраксия послать — то не к лицу идет».
 Ён как шел-то по столовой своей горенке,
 Шел-то он о столики дубовые,
 Становился супротив молодого Добрынюшки,
 Говорил Добрыне таковы слова:
 «Ты молоденький Добрынюшка!
 Сходи-тко ты к старому казакѣ к Ильѣ Муромцу.
 Да зайди в палаты белокаменны,
 Да пройди-тко во столовую во горенку,
 На пята-то дверь ты поразмахивай,
 Еще крест клади да й по-писаному,
 Да й поклон ве-ди-тко по-ученому,
 А й ты бей челом да низко кланяйся
 А й до тых полов и до кирпичных,
 А й до самой матушки сырой земли
 Старому казаке Ильѣ Муромцу,
 Говори-тко Ильѣ да таковы слова:
 «Ай ты старья казак да Ильѣ Муромец!
 Я пришел к тебе от князя от Владимира,
 И от Опраксии от королевичной,
 Да пришел тебе позвать я на почестен пир».

Пока Добрыня исполняет это поручение, князь Владимир ходит по горенке и посматривает в окошко. Когда же Ильѣ входит во дворец,

Тут Владимир-князь до стольнё-киевской
 Со Опраксией со королевичной
 Подошли-то они к старому казаке к Ильѣ Муромцу,
 Они брали-то за ручушки за белые,
 Говорили-то они да таковы слова:
 «Ай же старья казак ты Ильѣ Муромец!
 Твое местечко было да ведь пониже всех,
 Топерь местечко за столиком повыше всех!
 Ты садись-ка да за столик за дубовый».
 Тут кормили его ествушкой сахарною,
 А й поили питьицем медвяным.

В этом тексте и в других Ильѣ Муромца называют старым казаком. Конечно же, такое название явилось к нему не раньше XVII века. И оно усиливает характеристику богатыря как личности независимой, свободной. Ведь «казак» в народном сознании — это вольный человек, смелый воин, над которым нет власти, он сам себе хозяин.

Чаще всего в былинах богатыри действуют в одиночку либо вдвоем-втроем. Но есть былины, где богатыри выступают как одна мощная группа, — они образуют богатырскую дружину.

На горах ли, горах ли да на окатистых (*крутых, обрывистых*),
 На крутых горах да на желтых песках,
 Да там стоял шатер нов белополотняной.
 Да как во том шатре новом белополотняном
 Тут стояли могучие богатыри,
 Да берегли-стерегли стольнё-Киев-град.

Или:

На славной на Московской на заставы
Стояло двенадцать богатырей без единого.
По ним, по славной Московской заставы,
Пехотою никто не прохаживал,
На добром коне никто не проезживал,
Птица черный ворон не пролетывал.

«Московская застава» — это, конечно, поздняя перемена. В былинах богатырская застава охраняет подступы к Киеву. Она может находиться на крутых горах, даже у моря, но все же обычное ее место — в «чистом поле». Печать особенной чистоты, даже святости, лежит на богатырской заставе. Ранним утром Илья Муромец выходит из белополотняного шатра, умывается ключевой водой, радуется утреннему солнцу, молится и обзирает лежащие перед ним просторы. И из открывающейся картины явствует, что застава богатырская стоит словно бы в самом центре земли, откуда видно все.

Выходил-де старой казак из бела шатра,
Он смотрел же в подзорную во трубочку
Он на все же на четыре да кругом стороны:
Во первой-то стороны да горы лютые,
И во второй-то стороны да леса темные,
Во третьей-то стороны да синё морюшко,
Во четвертой-то стороны да чисто полюшко.

Глазами богатыря былина хочет охватить чуть ли не весь мир.

Да и зрел он, смотрел на вси стороны.
Да смотрел он под сторону восточную —
Да и стоит-то-де наш там стольнѣ-Киев-град;
Да смотрел он под сторону под летную —
Да стоят там луга да там зеленые;
Да глядел он под сторону под западну —
Да стоят там да леса темные;
Да смотрел он под сторону под северну —
Да стоят-то-де там да ледяны горы;
Да смотрел он под сторону в полуночу —
Да и стоит-то-де нашо там чисто полѣ,
Сорочинско-де словно наше Кулигово.

Богатырская дружина на заставе ничем не напоминает дружину княжескую. Ее единственная цель — оборонять Русскую землю. Она и организована по-своему. Во главе ее — атаман Илья Муромец, у него есть «под-атаманье» — богатырь Самсон Колыбанович, есть писарь, повар и так далее. По существу же, все богатыри в дружине равны и различаются только тем, кто как ведет себя в сражениях и в жизни. Оказывается, что не на каждого члена дружины можно положиться: один — боярский сын, а «боярские роды хвастливые», богатырь расхвастается во время боя и погибнет «по-напрасному»; другой — из «рода поповского», позарится на золото, серебро и тоже погибнет. Но конечно, не эти характеристики определяют лицо богатырской дружины. В былине «Илья Муромец и Калин-царь» богатырь убеждается, что ему в одиночку с несметной татарской силой не справиться, и он едет за дружиной, во главе которой стоит его крестный отец Самсон Самойлович.

В старину отношения между крестным сыном и крестным отцом расценивались очень высоко, просьбы о помощи выполнялись непременно. Тем не менее Самсон отказывается участвовать со своей дружиной в сражении:

Ай же ты любимый мой крестничек,
Старый казак да Илья Муромец!
А не будем мы коней седлать,
Не поедem в раздольице й чисто полё,
В поле биться, больно й раниться,
А на тьи на удары й на тяжелые,
А на тьи ль побоища на смёртныe.
Много есть у князя й у Владимира,
Много есть господ да й бояринов,
Он их кормит, поит, да он их жалует.
Ничего ведь мы от князя й не предвидели.

Столкнулись две позиции. Одна — Ильи Муромца: хотя князь не просто обидел его, а посадил в темницу и вспомнил о нем, только когда над Киевом нависла угроза, — богатырь не колеблясь отправляется исполнить свой долг. Другая — богатырской дружины: она не может простить князю, что он пренебрегал богатырями, и остается в стороне от битвы, подвергая Русскую землю смертельной опасности. Однако же в самый критический момент сознание богатырского долга пересиливает у дружины обиду на князя.

Илья Муромец посылает стрелу, которая должна пасть Самсону на грудь и нанести ему небольшую, «невредимую» царапину.

Да й вскочил Самсон тут на резвы́ ноги,
Говорит Самсон тут таковы слова:
«Ай же мои братыца крестовые,
Вы богатыри да святорусские!
Вы вставайте, братцы, на резвы ноги,
Да й седлайте коней богатырских.
Прилетели нам гостинички-подарочки
От моего крестничка любимого,
А от старого казака Ильи Муромца.
А его ведь стрелочка каленая
Выхватила крышку й со бела шатра,
А пала мне да й на белы груди.
Вы поедemте в раздольице в чисто поле,
Постойте за веру, за отечество.
Верно — мало ему в поле можетcя.
Сохраните мы да стольний Киев-град,
Сохраните мы да й церкви божие,
Сберегёмте мы князя й Владимира».

Тут удалые дуродни добры молодцы...
Припускали добрых коней богатырских
А на эту на рать-силу великую,
Стали силы с крайчика й потапывать,
А куда поедут — падёт улицмы,
Перевернётся — дак переулками.
Они вытоптали силушку, повикололи,
А того ль собаку царя Калина
А оне да ведь и в плен брали.

Сознание долга перед своей землей, своим народом в сочетании с понятием чести, с чувством достоинства составляют основу богатырского *морально-*

20 кодекса. Нарушение этих норм решительно осуждается в былинах. Когда Илья Муромец встречает богатыря Иванищу и узнает, что тот не решился выступить против Идолища, он укоряет его:

Дурак ты, сильное могучо есть Иванищо!
Силы у тебя есте с два меня,
Смелости, ухватки — половинки нет.

Илья Муромец забирает у Иванища его оружие, переодевается в его платье — то есть он дает понять незадачливому богатырю, что намерен вместо него и как бы в его облике выполнить назначенный долг. А победив Идолище, на обратном пути Илья возвращает Иванищу его вещи и на прощание наставляет его:

Прощай-ко нунь ты, сильное могучо Иванищо!
Впредь ты так да больше не делай-ко,
А выручай-ко ты Русию от поганных.

Настоящий богатырь внутренне всегда заряжен готовностью к деяниям, к подвигам. Можно было бы сказать, что богатырь ощущает свою предназначенность к самым опасным делам. В былинах нередко богатырю дается какое-то предуказание, и он следует ему, не раздумывая о последствиях. Когда же из нескольких возможностей есть выбор, богатырь останавливается на труднейшем, опаснейшем, потому что именно он ему предуказан. Классический пример — былина о трех поездках Ильи Муромца. Богатырь едет по чистому полю: он просто гуляет, никаких забот у него нет. Впрочем, ситуацию можно истолковать и по-другому: богатырь *ищет* дело.

И увидел добрый молодец да Латырь-камешок,
И от камешка лежит три росстани (*три расходящихся дороги*),
И на камешке было подписано:
«В первую дороженку ехати — убиту быть,
В дру́гую дороженку ехать — женату быть,
Третьюю дороженку ехать — богату быть».
Стоит старенькой да издивляется,
Головой качат, сам выговариват:
«Сколько лет я во чистом поли гулял да езживал,
А еще такового чуда не нахаживал.
Но начто поеду в ту дороженку, да где богату быть?
Нету у меня да молодой жены,
И молодой жены, да любимой семьи,
Некому держать-тощить (*тратить*) да золотой казны,
Некому держать да платья цветного.
Но начто мне в ту дорожку ехать, где женату быть?
Ведь прошла моя теперь вся молодость.
Как молодинка ведь взять — да то чужа корысть (*кому-то к выгоде*),
А как старая-то взять — дак на печи лежать,
На печи лежать да киселем кормить.
Разве поеду я ведь, добрый молодец,
А й во тую дороженку, где убиту быть:
А й пожил я ведь, добрый молодец, на сем свети,
И походил-погулял ведь, добрый молодец, во чистом поли».
Но поехал добрый молодец в ту дорожку, где убиту быть.

Свой выбор Илья Муромец мотивирует житейскими причинами, но, конечно же, объяснения его по-былинному условны. На самом же деле он вы-

бирает себе ту дорогу, которую только и может выбрать богатырь, — дорогу опасности, дорогу, на которой его ждут враги, дорогу подвига. И мы узнаем из дальнейшего рассказа, что все три дороги действительно вели к гибели, но только не Илью Муромца. На них гибли другие, а Илья Муромцу было суждено, предуказано навсегда уничтожить смертельные опасности, подстерегавшие людей на этих дорогах, и сделать их безопасными. Так открывается нам основной смысл богатырских деяний — идти по предуказанным путям, спасая людей и устанавливая мир и спокойствие.

Таков же подвиг и Добрыни. И он, конечно же, тоже предуказан. Почему Добрыня так настойчиво стремится в дорогу, на гору Сорочинскую, несмотря на то, что мать отговаривает его, предупреждает об опасности? В былине прямого ответа на этот наш вопрос нет. По одним вариантам, он просто нарушает запрет, поступает вопреки благоразумным советам матери. Нарушение запрета — это один из типовых поступков богатыря. Иногда запрет является в виде грозного сновидения, иногда — в виде предсказания, или вещая птица предупреждает героя. Богатырь всегда поступает наперекор — на то он и богатырь. Можно сказать, что запрет или предупреждение — это проверка на богатырство. Настоящий богатырь никогда с ними считаться не будет. Напротив, запрет указывает на то, что долг богатыря — нарушить его.

Из некоторых вариантов можно понять, что Добрыня достиг той поры, когда богатырю надо отправляться на свой первый подвиг: он вырос, овладел богатырским оружием, и что-то непонятное влечет его из дома.

Он ведь здумал еще ехать ко синю морю,
Посмотреть ему захотелось морё синёе.

Как воспитанный сын, он просит у матери благословение, но не сразу получает его. Лишь на третий раз она разрешает поездку, но при этом строго-настрого наказывает, как вести себя в море, когда налетит «змея лютая». В отличие от Добрыни, которому просто хочется увидеть синее море, матери ведомы скрытые цели поездки сына. Благодаря ей, Добрыня Никитич оказывается подготовленным к встрече со Змеем. Но и для самого Змея приход русского богатыря не является неожиданным. Что означают следующие его слова?

А подлетела тут змея да востролютая...

«А да сказали, мне от Добрынюшки смерть придет, —

А тепере я с Добрынюшкой что хочу сделаю:

А й да хочу, Добрынюшку живком сгложу,

А я хочу-де, Добрынюшку нонь за раз убью».

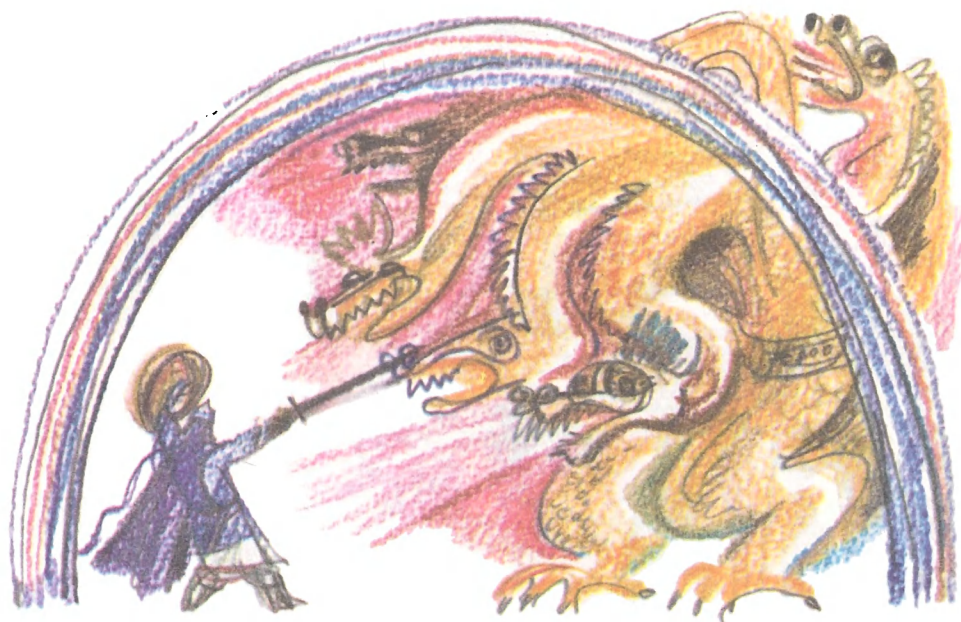
Смысл может быть только один: Змею предсказывали, что он погибнет от руки Добрыни, и когда Змей видит безоружного, беспомощного богатыря, он торжествует, так как ему кажется, что предсказание было ложным. Но предсказание сбывается, потому что Добрыня — истинный богатырь, он осуществляет назначенный подвиг.

Былина о Добрыне и Змее строится так, что богатырю приходится вступать в борьбу со своим противником дважды. Победенный в первом поединке, Змей просит Добрыню сохранить ему жизнь, обещает «не летать да на святую Русь, / А не брать же больше полону да русского». Почему Добрыня отпустил Змея в первый раз? Ответ на этот вопрос надо искать не только в рассматриваемой былине, но во всем русском эпосе. Русские богатыри беспощадны по отношению к врагам-насилъникам. Но они проявляют милосер-

дие к поверженным врагам. Когда участники сражения с татарами хотят казнить захваченного в плен Калина-царя, Илья Муромец протестует:

Ай же мои братица крестовые,
Вы богатыри да й святорусские!
Не рубите ему буйной головушки,
А свеземте его да й во стольний Киев-град
А ко ласковому князю ко Владимиру, —
Что он знает над ним, так то пусть делает.

Богатыри не только милосердны, они бывают еще и доверчивы, простодушны. Они сами никогда не нарушат данного слова, обещания, договора и поэтому верят, что другие поступят так же. Добрыне в голову не может прийти, что клятва, которую дает ему Змей, ложна. В некоторых вариантах Змей предлагает Добрыне, чтобы они стали побратимами и в знак этого обменялись бы крестами. Побратимство в далеком прошлом означало самые близкие отношения, подобные кровному родству. Богатыри-побратимы шли на битву бок о бок, выручали один другого, не щадя себя. Змей вероломно нарушает и обещание не нападать на Русь, и законы побратимства. Он уносит племянницу князя Владимир Забаву Потятичну. Добрыня надеется на мирный исход дела, предлагает Змею отдать девушку «без бою, без кровопролития». Но Змей отказывается, и лишь после тяжелейшего боя, который длится трое суток и еще три часа, богатырь окончательно расправляется со Змеем.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ БОГАТЫРЕЙ. ОБРЕТЕНИЕ СИЛЫ

*А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь...*

Бой Добрыни со Змеем — его первый богатырский подвиг. Этому подвигу предшествует время роста, мужания, воспитания, обретения силы и богатырского оружия, «своего» коня. Богатырь отличается тем, что растет невероятно быстро. Но что еще важнее — в процессе роста он начинает проявлять богатырские качества.

А растет тут ле Добрыня лет до двенадцати,
Ен стал хватать приправу богатырскую:
Он сперва схватил копейцо бурзومهцкое —
Хорошо владеет удалой доброй молодец;
Он еще хватил ле палицу буёвую —
Хорошо владеет удалой доброй молодец;
Он еще хватил саблю право ведь вострую —
Хорошо владеет удалой доброй молодец.

Фантастически быстро вырастает другой богатырь — Волх. Ему всего-то исполнилось полтора часа, а он уже «говорит, как гром гремит»:

А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену червчатую (багрянцю),
А не поясы в поясы шелковые, —
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатные,
А на буйну голову клади злат шолом,

По праву руку — палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд.

Волх среди русских богатырей занимает особое место: он — богатырь-кудесник, способный совершать волшебства и с помощью них обеспечивать победу своей дружине. Самое имя Волх, возможно, происходит от того же корня, что и волхв: так называли колдунов, кудесников в Древней Руси. И школу Волх проходит свою, особенную:

А и будет Вольх десяти годов, —
Втапоры поучился Вольх ко премудростям:
А и первой мудрости учился —
Обвертоваться ясным соколом,
Ко другой-то мудрости учился он, Вольх, —
Обвертоваться серым волком,
Ко третьей-то мудрости учился Вольх —
Обвертоваться гнедым туром — золотые рога.

В двенадцать лет он набрал себе дружину — тоже из двенадцатилетних. Поход к царству Индейскому завершился победой благодаря тому, что Волх сначала обернулся соколом и набил для своей дружины гусей-лебедей и уток, потом обернулся сказочным туром и быстро добежал до царства Индейского, там, приняв облик сокола, подслушал разговор царя, потом обернулся горностаем:

Бегал по подвалам, по погребам,
По тем по высоким по теремам,
У тугих луков тетивки накусывал,
У каленых стрел железцы повывинчивал,
У того ведь ружья у огненного
Кременья и шомполы повывергал,
А все он в землю закапывал.

И наконец, привел дружину к могучей крепости, обернул всех муравьями, и «прошли они стену белокаменну». Только внутри крепости Волх и его дружина действуют подобно другим русским богатырям, применяя свою необыкновенную физическую силу.

Еще одно, тоже особенное, описание богатырского детства дается в былине о Василии Буслаеве. Он растет в Великом Новгороде.

Будет Василий семи годов,
Стал он по городу похаживать,
На княжнецкий двор он загуливать,
Стал шутить он, пошучивать,
Шутить-то шуточки недобрые
Со боярскими детьмы, со княжнецкими:
Которого дернет за руку — рука прочь,
Которого за ногу — нога прочь,
Двух-трех вместе столкнет — без души лежат.

В семилетнем богатыре пробуждается качество, которое потом станет одним из главных, — озорство. В семнадцать лет Василий постигает «воин-

ские науки и рыцарские», ощущает «в себе силушку великую», изготавливает специальные палицу, копьё, лук и саблю. Он устраивает пир и из приглашённых выбирает себе дружину. Каждому желающему попасть к нему он предлагает испытание: поднять одной рукой чару с вином в полтора ведра, а затем выпить единым вздохом.

Прошедших это испытание Василий подвергает последнему — бьет каждого по голове «черняным вязом» (дубиной).

Как ударит Потанюшку черняным вязом.

Черняным вязом да в буйну голову:

Идет-то Потанюшка — не трёхнется,

Не трёхнется, да и не ворохнется,

Со буйной головы колпак не воротится...

Как ударит в камешек черняным вязом —

Камень тот рассыпался.

Так набирается у Василия Буслаева «тридцать удалых добрых молодцев». В описании выбора дружины, как и детских забав Буслаева, ощущается ирония. Вряд ли дружина, подобранная таким образом, способна на подвиги, подобные тем, какие совершают дружины Ильи Муромца или Самсона Самойловича.

Зато она азартно дерется на Волховом мосту с мужиками новгородскими, бражничают и заводят драки на пиру. С такой дружиной Василий Буслаев не боится властей в Новгороде и ведет себя вызывающе, наперекор принятым нормам.

Тема обретения богатырства совершенно по-другому представлена в былине «Исцеление Ильи Муромца». У Ильи нет детства. Тридцать лет и три года он прикован к одному месту, так как не может владеть ни ногами, ни руками. В древних представлениях многих народов тридцать лет или тридцать три года — это рубежный возраст. Именно в это время совершается чудесное исцеление Ильи. «Старцы незнакомые», «калики перехожие», явившиеся к нему в дом, поднимают его на ноги сначала волшебным словом, а потом дают питье, которое наполняет его «силой великой». Илья Муромец не наследует богатырство (его родители — простые крестьяне) и не овладевает постепенно качествами богатыря в детские годы, но становится богатырем благодаря вмешательству внешних чудесных сил. Уже одним этим Илья Муромец выделяется среди других русских богатырей.

Но его отличает и другое.

Выпив питье в первый раз (в некоторых вариантах — во второй раз), Илья признается старцам, что он ощутил в себе силу непомерную. Если бы в земле было кольцо, он взялся бы за это кольцо и повернул бы землю. Старцы считают, что такой силы Илье не надо, и дают ему питье еще раз. Теперь у Ильи силы вполовину — как раз столько, сколько нужно ему для свершения назначенных ему дел.

Еще силы-то во мне тепере порядосьнѣ,
Еще мог я бы ехать да во чисто полѣ,
А еще мог я бы смотреть а людей добрые,
А еще мог я бы стоять за веру православную,
А за те же за церкви да я за божьи нонь,
А за те за почѣстные монастыри,
А за тех я за вдов за благоверных,
А за ту сироту я да маломожонну (бедную).

Кроме богатырской силы, Илья Муромец получает от старцев магическую неуязвимость:

А ведь живи, Илья, да будешь воином.
А на земли тебе ведь смерть буде не писана,
А во боях тебе ли смерть буде не писана.

По смыслу большинства вариантов, старцы не наделяют Илью бессмертием, они заговаривают его от смерти на поле битвы. Значит, ему не страшны вражеские стрелы и мечи, его не погубит противник в поединке. Характерно, что об этом никогда в других былинах не вспоминается: Илья побеждает врагов не потому, что он неуязвим для них, а потому, что силен, смел, решителен и всегда бьется за справедливость.

Мотив наделения героя неуязвимостью известен древним сказаниям разных народов. Богиня Фетида выкупала своего сына Ахилла в водах подземной реки Стикс, чтобы никакое оружие не было опасно для его тела. Уязвимой осталась лишь пятка, за которую держала мальчика мать. О Зигфриде, герое германского эпоса, рассказывают, что он стал неуязвимым, выкупавшись в крови убитого им дракона, но лист с дерева, упавший ему на спину во время купанья, оставил одно место нетронутым, и именно сюда поразил Зигфрида предательский удар копья.

В русской былине мотив наделения неуязвимостью можно рассматривать лишь как след древней мифологии.

За эпизодами приобретения силы следует рассказ о добывании богатырского коня. Подобно батырам из эпоса народов Средней Азии, Илья Муромец находит своего, единственного коня, которого сам растит. И здесь ему помогают те же старцы. В одном варианте — они посылают его поднять камень, под которым находится конь, в другом варианте речь идет именно о воспитании своего коня:

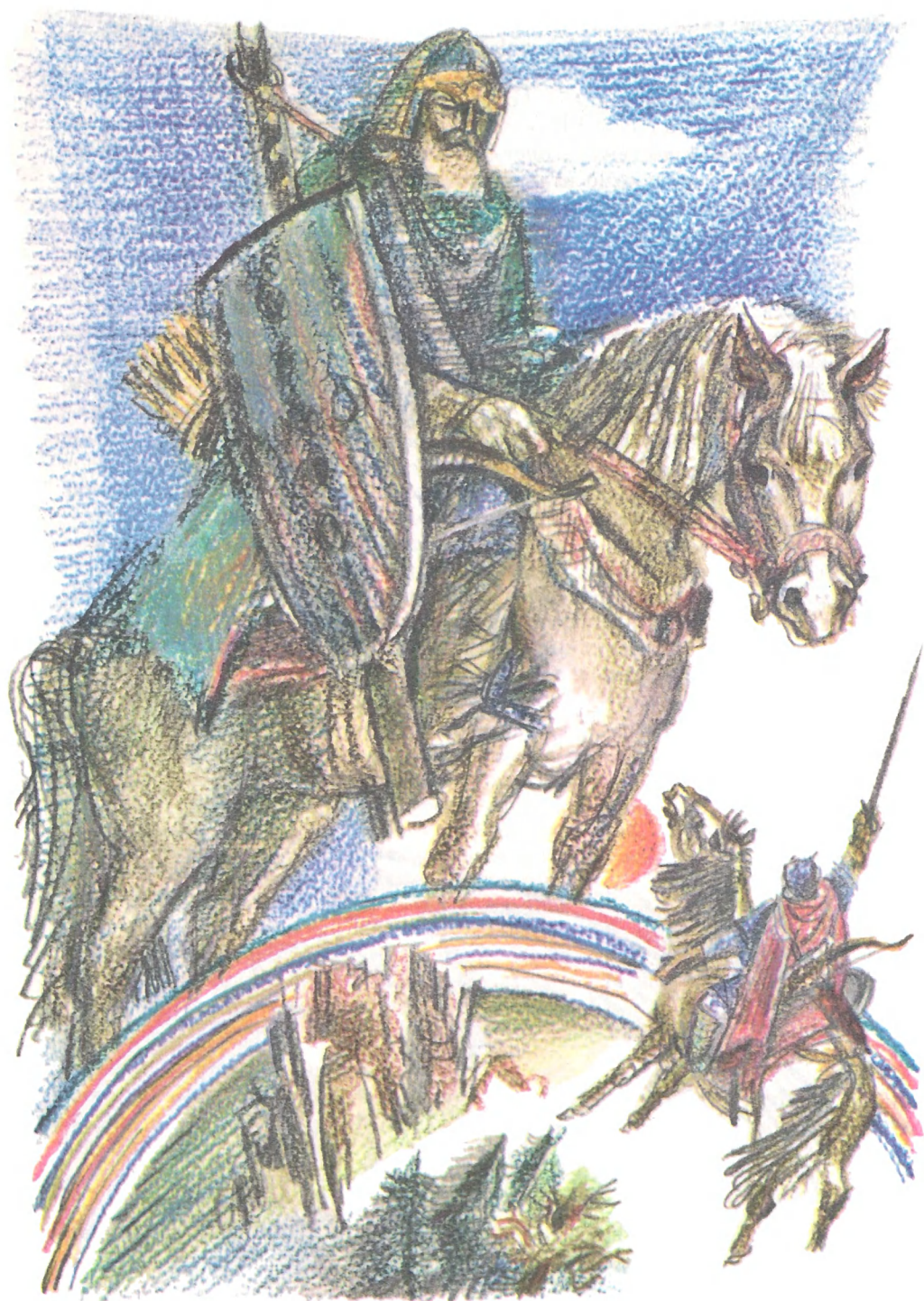
А еще встретишь в поле нонь одного крестьянина, —
А да ведет он ведь коничка-селеточка
 (родившегося в этом году).
А ты купи-тко за деньги, за золоту казну,
А да корми ёго пшеницей да белояровой,
А еще пой ёго ведь нонь да ключовой водой,
А води-тко ты на росы х̄лодные,
А давай-ко по росам ёму кататися,
А через тын железной да перехаживай,
А жеребчик у тя будёт да перескакивать, —
Еще будёт тебе конь да лошадь добрая,
Еще добра-де лошадь да богатырская...
А слуга тебе будёт да конь тут верная.

От отца-крестьянина Илья Муромец наследует не богатырские способности, но коренные нравственные понятия и правила — им он будет строго следовать в своих деяниях. Перед отъездом в Киев Илья просит отцовского благословения.

Отвечат старой крестьянин Иван Тимофеевич:
«Я на добрые дела тее благословенье дам,
А на худые дела благословенья нет.
Поедешь ты путем и дорогою —
Не помысли злом на татарина,
Не убей в чистым поле хресьянина».

В этих словах выражено народное понимание того, куда можно и нужно применять силу («на добрые дела»), а куда ее употреблять не следует. «Худые дела» для Ивана Тимофеевича — это пролитие невинной крови, притеснение беззащитных («в чистом поле крестьянина»). Но что означает — «Не помысли злом на татарина»? То ли что Илья молча должен терпеть хозяйничанье Идолища в Киеве? Или должен отказать князю Владимиру в защите от татарского нашествия? Конечно же нет. Речь идет о том, что к «чужому» («татарину») нельзя относиться с ненавистью только потому, что он «чужой»; пока он не делает зла, не нужно и самому «помыслить злом» на него. Народ всегда стоит за мирную жизнь, за мирные отношения, за «добрые дела». Все былины об Илье Муромце так или иначе раскрывают эти народные идеи. В образе Ильи Муромца очень сильно ощущается сознательное начало, и в отличие от других богатырей, которые действуют часто как бы неосознанно, словно по инерции, толкаемые скрытыми, не всегда понятными побуждениями, Илья Муромец чаще всего знает, что ему предстоит совершить, помнит, что цель его деяний — «добрые дела», и других понуждает к ним. В Илье Муромце наиболее полно воплотились качества богатыря нового типа, новой эпохи в русской истории.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ

*Да тут Святозору и славу поют,
А Илье Муромцу да хвалу дают...*

В былинах отношения героев с родителями складываются по-разному. Отец Ильи Муромца, простой крестьянин, благословляет сына на отъезд в Киев.

Они расстаются навсегда. Но именно родительскому дому Ильи обязан теми нравственными началами, которые сделали его первым среди русских богатырей.

Добрыня и Василий Буслаев — сироты, своих отцов они не помнят, но, судя по кратким былинным описаниям, ничего богатырского в них не было.

Ай да в том ле Рязани славном городе
А да жил-то Микитушка Романович,
А да жил-то Микитушка не старился,
Ай среди веку Микитушка преставился.
Вот осталася у его да молода жена,
А немножко прошло да поры — времени,
Вот родила она свое да чадо милое,
Нарекали ему баско новое имечко —
Молодыя Добрынюшка Микитич блад (молодой).

Жил Буслав в Нове-городе,
Жил Буслав девяносто лет,
С Новым-городом не спаривал,
Со Опсковым не вздоривал,
А со матушкой Москвой не перечился.
Живучись, Буславьюшка преставился,
Оставалось у Буслава чадо милое,
Молодой Васильюшка Буславьевич.

Добрыня, Волх, Василий Буслаев начинают свои подвиги совсем молодыми и уже когда их отцы ушли из жизни. Здесь смена богатырских поколений происходит без каких-либо конфликтов. Былины словно бы не замечают, когда эти богатыри становятся взрослыми. Важно лишь, что для них наступает — после школы богатырства, которую они успешно проходят, — время деяний. Но есть былины, героями которых оказываются богатыри-малолетки, не успевшие перейти необходимый возрастной рубеж. Отцы их еще живы. В былинах возникает тема отношений двух богатырских поколений. Есть былины, где встречаются богатыри младшие и старшие, между которыми нет родства.

Все былины об отношениях между богатырскими поколениями отличаются большим драматизмом.

Богатырь Данило Игнатьевич объявляет на княжеском пиру, что он уже стар и хочет сменить платье богатырское на монашеское одеяние. Князь Владимир растерян: а кто же будет у него защитником, если «навалится орда проклятая»? Данило говорит ему про своего малолетнего сына:

А й еще есть у меня да чадо милое,
А-й да и милое чадышко, любимое, —
А-й да и от роду ему да всё ведь семь годов,
А-й да по имени Михайло да сын Данильевич.
А-й да он ездит теперича на моем кони,
А-й да играет моей палицей буёвую,
А-й да и мечет ее да по поднебесью,
А-й да хватает назад ее одной рукой.
А-й навалится когда на тебя сила-армия,
А-й да не будет у тебя тогда защитников, —
Позови ты тогда да всё Михайлушка,
А-й да Михайлушка зови, моего сына,
А-й да тогда будет тебе он защитником.

Когда по прошествии еще семи лет на Киев наваливается чужеземная сила, князь Владимир собирает, как обычно, пир и спрашивает, кто «пойдет нонче из вас защитником». Среди участников пира охотников не обнаруживается — все молчат. Тогда Добрыня Никитич напоминает князю о сыне Данилы Игнатьевича. Может показаться странным, почему славный богатырь Добрыня сам не отозвался на призыв выступить против татар. Для былины, повествование в которой подчинено художественным законам, никакого нарушения логики здесь нет: поскольку сюжет посвящен подвигам Михайлушки, все остальные герои оказываются в тени. И Добрыня здесь лишь эпизодическое лицо: он напоминает князю о существовании богатыря-малолетки и ему же поручается доставить на пир Михайлушку. Здесь, однако, выступает непредвиденная сложность: четырнадцатилетний богатырь признается Добрыне, а позднее и самому князю, что ему еще не *приспело время* выступить на защиту Киева. У него нет даже богатырского снаряжения. Но

Михайлушку вынуждают начать действовать раньше определенного ему срока. В дальнейшем выясняется, что на самом деле богатырь готов к предназначенным деяниям. По другим вариантам, Михайлушка сам вызывается выступить против врагов, но князь останавливает его:

Ты смолода, глаздырь, не попурхивай,
А есть сильнее тебя и могутнее.

Глаздырь — птенец, не умеющий летать. Владимир унижает юного богатыря, называя его так и не советуя ему «попурхивать», то есть пытаться взлететь.

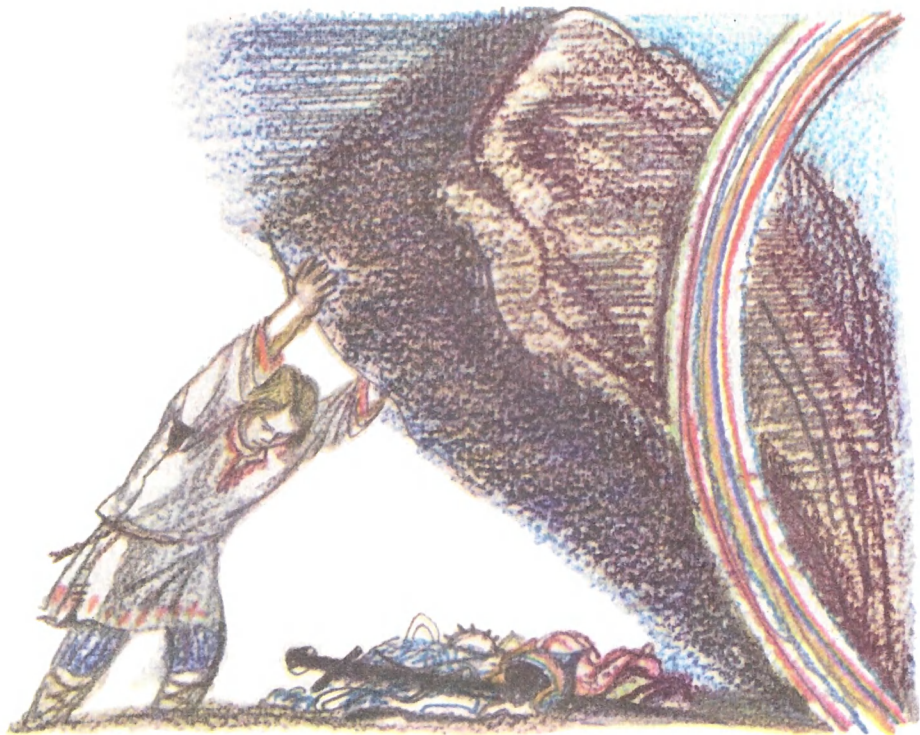
Кажущаяся неготовность Михайлушки к богатырским делам опровергается в былине следующим затем эпизодом добывания оружия и снаряжения. По просьбе богатыря-малолетка князь посылает своих богатырей в чистое поле — достать из-под «камешка Латыря» скрытые там предметы, но двенадцать сильных богатырей напрасно стараются сдвинуть камень. Тогда это делает Михайлушко — поднимает одной рукой и достает из-под него «платье цветное», сбрую лошадиную и оружие. Эпизод этот можно прочесть двояко. Очевидно, что он демонстрирует значительное превосходство юного богатыря в силе. Но дело еще и в том, что Латырь в былинах — это *священный камень*. Сдвинуть его способен не тот, кто всех сильнее, а тот, кому это *предназначено* сделать. Легко сдвигая камень, Михайлушка тем самым подтверждает свое право на вещи, которые спрятаны под ним. Здесь снова, пусть не в явной форме, обнаруживаются характерные для героического эпоса мотивы предуказанности, предназначенности, избранности богатыря для великого дела.

Готовность Михайлушки к подвигам особенно хорошо передана в варианте, где он примеряет отцовское снаряжение и оружие, а также овладевает отцовским конем.

Стал Михайло Данильевич во чисто поле справлятися,
Взял из погреба коня батюшкова
И катал-валял его по три росы вечерних
И по три росы раноутренних,
Кормил коня пшеною белояровой
И поил изварою медвяною.
И стал крутиться (*одеваться*) во платьище родительско,
Ехать далече во чисто поле:
Надевал он латы родительски —
Латы были ему тесноваты;
И саблю брал родительску —
Сабля ему была легковата.
Обседывал коня он и обуздывал,
И садился он на добра коня.
И поехал он во чисто поле.

Очень важный момент в былинном повествовании — встреча сына с отцом перед отъездом в поле. Здесь совершается обряд передачи богатырских полномочий: Данило Игнатьевич благословляет Михайлушку на ратные дела. Здесь мудрость старого богатыря предупреждает богатыря юного от ожидающих его опасностей. Здесь, наконец, отец хочет показать сыну, что он, несмотря на старость, посильнее его: Данило Игнатьевич останавливает скачущего коня Михайлушки, подставляя плечо «под грудь лошадиную».

Дальнейшее развитие сюжета подтверждает, что Михайлушка полностью унаследовал богатырские качества отца: он одерживает победу над татарски-

ми полчищами. В то же время у него проявляются еще юношеская безоглядность, несдержанность; в пылу битвы он забывает о предупреждении отца — не заезжать «во силу да всё в середочку» — и попадает в плен. Спасается он, вспомнив отцовские советы. В финале былины возникает драматическая ситуация, которая, к счастью, завершается благополучно: Данило Игнатьевич, не зная, чем кончилась битва, едет в поле и ищет среди убитых сына; отец и сын встречаются, не узнавая друг друга (мотив неузнавания — один из «вечных» в эпосе разных народов). По другому варианту, сын узнает отца и окликает его, но тот не признает его. Здесь мы сталкиваемся с характерной для былин загадкой: почему родные люди не узнают друг друга? Иногда дается простое объяснение: один из героев переодет в чужое (татарское) платье. За этим кроется древнее представление, согласно которому герой, побывавший в «ином» мире, внешне преобразается: Добрыню, вернувшегося из дальней земли, не узнают ни мать, ни жена. В былине о Михайле Даниловиче мы находим след такого представления. Узнавание здесь происходит благодаря тому, что сын показывает отцу знак на своем теле. Так в былине столкновение отца и сына — богатырей — возникает лишь как возможность, но предотвращается. Есть в мировом эпосе, в том числе и в русских былинах, сюжеты, где столкновение выливается в боевой поединок. В старогерманских сагах Гильдебранд и его сын встречаются на поле битвы, ожесточенно бьются, и отец одерживает победу. Один из самых известных сюжетов на эту тему — иранское сказание о Рустаме и Сухрабе. Великий богатырь Рустам женится, но проводит со своей женой всего один день —

он должен уехать. Сухраб, родившийся от этого брака, отправляется на поиски отца. Драматизм ситуации усиливается от того, что Сухраб приходит в землю отца во главе тюркского войска (мать его — тюрчанка): он рассчитывает победить иранского правителя Кейкавуса и передать власть над страной отцу. Кейкавус же предлагает Рустаму выступить против Сухраба. Юный богатырь смутно догадывается, что его противник — это Рустам, даже спрашивает у него имя, но тот не признается. Три дня длится поединок. Однажды побеждает Сухраб, но Рустам доказывает ему, что победителем можно считать только того, кто одолел противника дважды. В конце концов Рустам смертельно ранит Сухраба, и тот перед смертью называет имя отца, надеясь, что он отомстит за гибель сына. Сухраба еще можно было спасти, но Кейкавус отказался дать бальзам, спасающий от смертельных ран. Рустам увозит тело сына к себе и оплакивает его.

В иранском сказании отец и сын достойны друг друга: это великие богатыри, исполненные силы и понятий о чести и справедливости. Гибель их — следствие трагических случайностей и вероломства тех, кто им завидует и их ненавидит.

Содержание иранского сказания бросает свет на былинный сюжет о поединке Ильи Муромца с сыном. Здесь есть немало сходного, есть совпадения в подробностях, но самая суть конфликта отца и сына в былинке иная. События, предшествующие главному эпизоду, встрече отца и сына на поле битвы, восстанавливаются при сопоставлении вариантов. Илья Муромец, странствуя по свету, заехал в какую-то далекую землю и там некоторое время жил у бога-

тырки Златыгорки. Она — представительница «чужого» мира, в ее образе смутно проглядывают мифологические черты: может быть, она «хозяйка» гор (варианты ее имени — Латыгорка, Горынинка). Согласно понятиям былинного кодекса, русский богатырь не может находиться в постоянном браке с нею: Илья Муромец покидает ее. При отъезде он оставляет Златыгорке крест — для будущего сына.

Много, мало тому времени минуется,
А от той-де от бабы от Златыгорки,
От ней рождается молоденькой Сокольник.
Он не по годам растет Сокольник — по часам:
Каковы-то люди в людях во сёмнадцать лет,
А у нас был Сокольник семи годов.
Еще стало Сокольнику двенадцать лет,
А тут стал выходить да на красно крыльцо,
Он зрить-смотреть стал в трубочку подзорную...

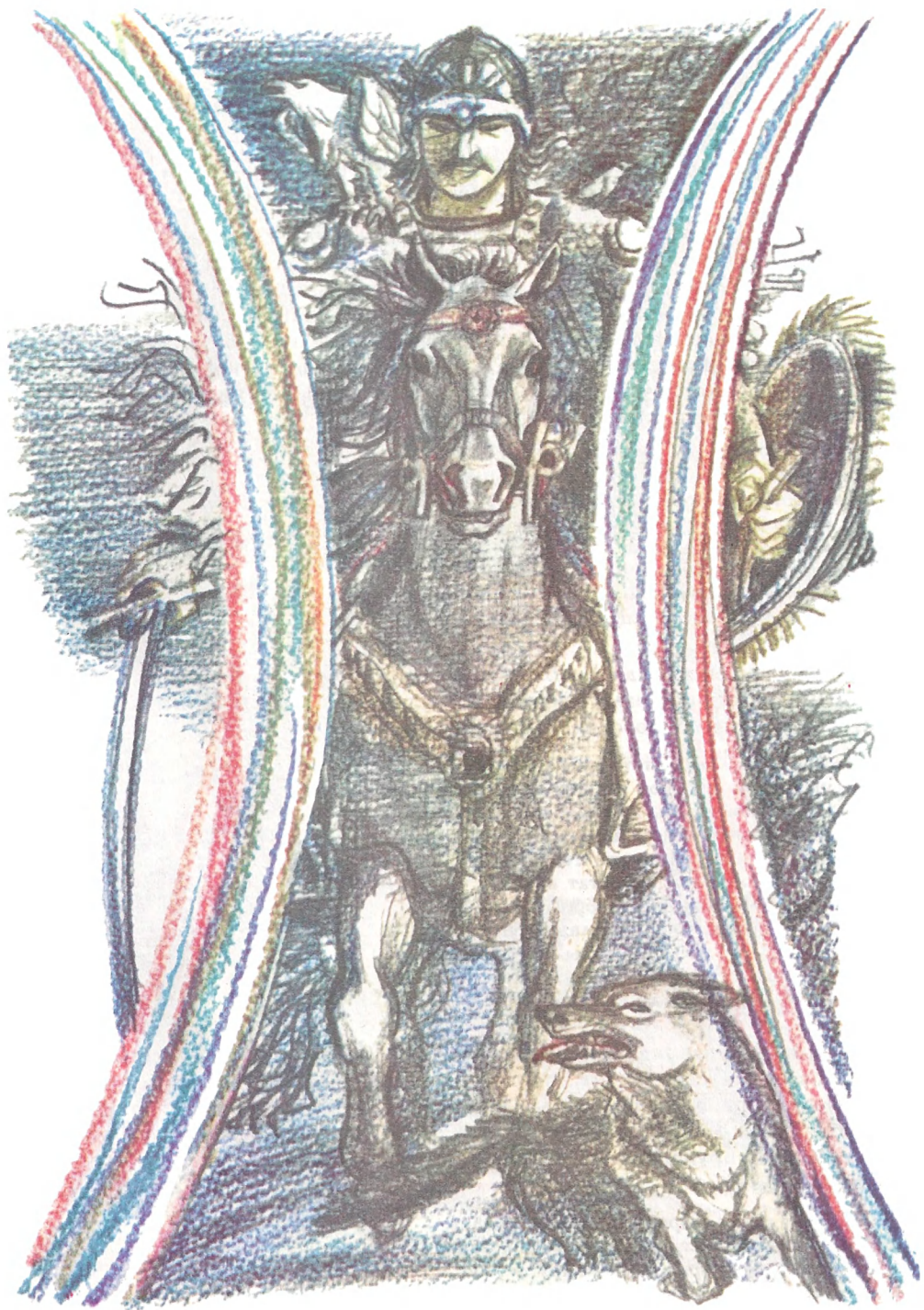
Необыкновенный, «по часам», рост Сокольника — свидетельство его принадлежности к богатырям. В двенадцать лет для него наступает рубеж — его тянет «в чисто поле», на подвиги. Мать дает ему благословение, но настрого предупреждает — при встрече со «старым казаком» пасть ему в ноги: ведь это его отец. Упоминание об отце вызывает в Сокольнике чувство злобы и желание мести. Почему? Из других вариантов выясняется, что сверстники Сокольника дразнят его, называя «безотцовщиной», «подзаборником». Сокольник чувствует себя униженным, оскорбленным и ненавидит отца, которого никогда не видел и о котором ничего не знает. Мать открылась ему, и теперь Сокольник видит свою цель в том, чтобы найти отца и расправиться с ним. Есть и другое важное обстоятельство: для Сокольника Русская земля — чужая, он ей враг, свои подвиги он намерен совершить против русских богатырей. На Русь он является как богатырь-нахвалящик, злой татарин.

А тут выехал Сокольник на чисто полё,
Он и стал по чисту полю разъезживать,
Он и ездит во поле, потешается,
Он татарскими утехами забавляется —
Он и свищот копье свое по поднебесью,
Он и правой рукой бросит, левой подхватит,
Он ведь сам ко копейцу приговариват:
«Уж я коль лёгко владею нонь тобой, копье,
Столь лёгко мне повладеть старым казаком».

А вот как видится приближение Сокольника со стороны Заставы:

В копоти-то там, в тумане не знай зверь бежит,
Не знай зверь там бежит, не знай сокол летит,
Да Буян ле славной остров там шатается,
Да Саратовы ле горы да знаменуются (показываются),
А богатырь ле там едёт да потешается.
Попереды-то его да бежит серой волк,
Позади-то его бежит черной вожлок,
На правом-то плече, знать, воробей сидит,
На левом-то плече, да знать, белой кречет.

Свита из зверей и птиц явно указывает на то, что богатырь принадлежит «чужому» миру, что помимо богатырского оружия он обладает еще и какими-то колдовскими качествами и победить его будет непросто. Сокольник бросает к шатру Ильи Муромца «грамотку».

Да и то у него тут написано:
«Да и еду я нонь да в стольнёй Киев-град,
Я грометь-шурмовать да в стольнё-Киев-град,
Я соборны больши церкви я на дым спущу,
Я царевы больши кабаки на огни сожгу,
Я печатны больши книги да во грязи стопчу,
Чудны образы-иконы на поплав воды,
Самого я князя да в котле сварю,
Да саму я княгиню да за себя возьму».

Илья Муромец не подозревает, что чужеземный нахвальщик — его сын и что он ищет встречи с отцом, чтобы убить его. Для Ильи Сокольник — это враг, которого надо победить ради благополучия Киева.

Былина показывает неизбежность поединка Ильи с Сокольником: поочередно против него выступают богатыри с заставы, но либо напуганные видом нахвальщика поворачивают назад, либо Сокольник легко отбивает их наскоки. Илья Муромец убеждается, что он сам должен вступить в бой, и готовится к этому поединку как ни к одному другому.

Он и взял свои доспехи да богатырские,
Он и взял все три булатные все копыща,
Подвязал же старой он да себе вострой меч,
Он и брал ведь тугой лук разрывчивой,
Надевал же он латы да всё кольчужные,
Как на те же на латы на кольчужные
Надевал же налучище каленых стрел,
Он и брал же чинжалище булатное.

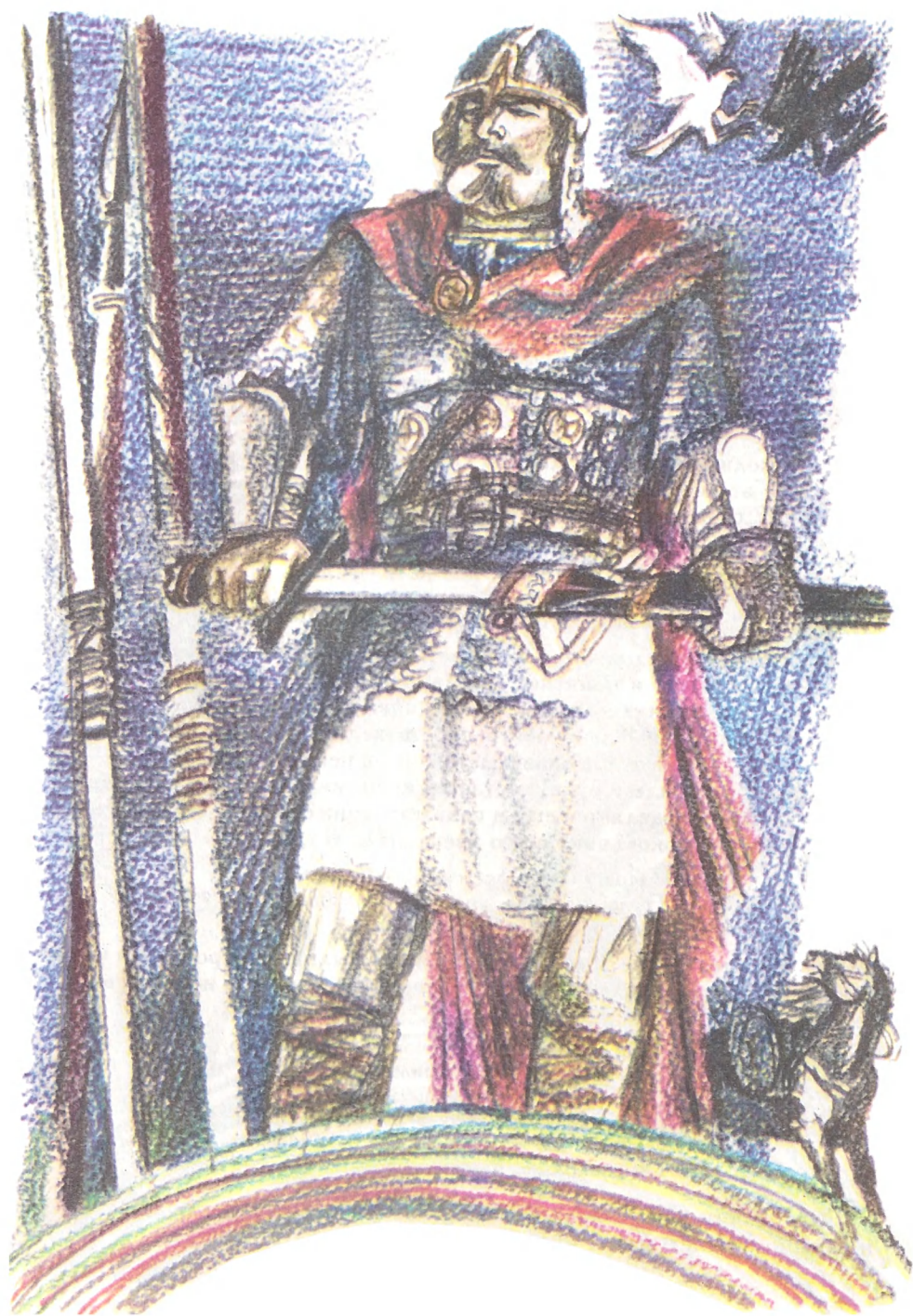
И Сокольник, видя приближение Ильи Муромца, понимает, что настал самый главный момент его жизни. В поединок он готов вступить как воин, отстранив своих колдовских помощников.

А говорит молодец-от таковы слова:
«А уж вы ой еси, мои вы два серы волка,
Два серы мои волки, да серы выжлоки!
Побежите вы-ка тепере во темны леса,
А тепере мне-ка не до вас стало —
Как наехал на меня супостат велик,
Супостат-де велик, дак доброй молодец.
А уж ты ой еси, мой да млад ясён сокол,
Уж ты ой еси, мой да млады бел кречат!
Полетите-ка теперь во темны леса,
А тепере мне-ка не до вас стало».

Во всех сказаниях на тему единоборства отца и сына физические силы бойцов равны. Это значит, что сын полностью унаследовал богатырские способности отца. В поединке Илья и Сокольник ни в чем не уступают один другому. У них ломаются копья, потом сабли, «тяги железные»... Трое суток они бьются врукопашную. Как и в иранском сказании, первый успех приходит к сыну.

Оскользнула у старого да ножка правая,
А преуслабла у старого да ручка левая,
Как упал же старой он на сыру землю.
Тут насккакивал Сокольник да на белы груди,
А он расстегивал латы его кольчужные,

Он вымал же чинжалищо булатноё,
Он и хочот у старого пороть белы груди,
Он и хочот смотреть да ретиво сердце.

В такие моменты эпический герой прибегает либо к уловке, либо к чьей-то помощи. Рустам обманул Сухраба, заявив ему, что настоящая победа считается только после второго успеха в поединке. Илья Муромец принадлежит к героям, которые никогда к уловкам не прибегают, а действуют прямо, открыто. И на этот раз Илья обращается за помощью к силам небесным и сразу же ощущает возрождение своей мощи.

А он брал же Сокольника во белы руки,
Как выметывал Сокольника по поднебесью,
Выше лесу его да он стоячего,
Ниже облака его да всё ходячего,
Как выметывал его, всё подхватывал,
Тут скакал же ему да на белы груди,
Как расстегивал латы его кольчужные...

Происходит узнавание. Данило Игнатьевич узнавал своего сына по знаку на теле, — это мотив очень древний, знакомый еще мифологии. Илья Муромец узнает сына по нательному кресту.

Тут и брал его старой-от да за белы руки,
Поднимал тут его да на резвы ноги,
Целовал его во уста да во сахарные,
Называл его сыном да всё любимым.

Илья Муромец словно бы забывает, что его «сын любимый» явился как враг Киева. Но это и понятно: нательный крест — знак не только родства кровного, но и принадлежности Сокольника к православным, к одной вере, а значит, его вызов Киеву — это просто недоразумение. Сюжет движется к счастливой развязке. Но оказывается, что к ней готов лишь отец, — сын же продолжает ненавидеть отца и остается непримиримым врагом Киева. К его злым чувствам добавляется еще и сознание униженности: когда Илья Муромец узнает, что Сокольник всего двенадцать лет, он отправляет его к матери:

Подрасти-кося лет еще двенадцать ты,
Тогда и будёшь по полю поляковать
(ездить в поисках подвигов).

Начинаются самые трагические эпизоды былины. Выросший в ненависти к отцу, к Русской земле, Сокольник теперь проникается ненавистью и к матери.

Поскакал-де Сокольникочко ко синю морю,
Как поехал он к маменьке родимое,
Да встречает его маменька родимая,
Он и слова со матерью не молвил же,
Он взял же копейцо да всё булатноё,
Он сколол же маменьку родимую.

Жестокости Сокольника нет предела: он тут же возвращается к заставе и теперь не шлет вызов отцу, а намерен убить его спящим.

Сомутились у Сокольника очи ясные,
Расходились у Сокольника руки белые,
Еще брал же Сокольникочко востро копьё,

Еще хочот сколоть да Илью Муромца,
Еще прямо направил да в ретиво сердце.

И во второй раз чудо оберегает Илью от верной гибели — знак того, что на его стороне справедливость.

На груди у Ильи да был имянной крест,
И из чистого он был как золота,
Не велик и не мал — да ровно три пуда.
А как попало копейцо да в имянной-от крест,
Скользёнуло оно да во сыру землю,
Как ушло оно в землю да всё во пять сажон.

Убедившись в вероломстве Сокольника, Илья убивает его.

Так трагически завершается судьба юного богатыря, рожденного на подвиги, но потерявшего сыновнее чувство и подчинившего все свои помыслы кровавым целям. Но трагическим предстает и положение Ильи Муромца, вынужденного поднять руку на сына-злодея...

Совершенно по-особому тема отношений между поколениями богатырей разрабатывается в былинах о Святогоре и Илье Муромце. Здесь встречаются не «отцы» и «сыновья», а богатыри «старшие» и «младшие», то есть богатыри, принадлежащие разным эпохам народной истории, в которой слышатся отголоски древней мифологии. Представитель «старших» — Святогор, один из самых загадочных былинных персонажей: в сюжетах о нем немало непонятного, недосказанного. Скорее всего он не принадлежит к русскому богатырству.

Не ездил он на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля.

Святогор обладает непомерной силой, и он не знает, куда ее приложить. Он не совершает воинских подвигов, не участвует в богатырских поединках, у него нет противников. Он пытается состязаться с силой самой земли.

Снарядился Святогор во в чисто поле гуляти,
Заседает своего добра коня
И едет по чисту полю.
Не с кем Святогору силой померяться,
А сила-то по жилочкам
Так живчиком и переливается,
Грузно от силушки, как от тяжелого беремени.
Вот и говорит Святогор:
«Как бы я тяги нашел,
Так бы я всю землю поднял».
Наезжает Святогор в степи
На маленькую сумочку переметную,
Берет погонялку, пощупает сумочку —
Она не скрянется,
Двинет перстом ее — не сворохнется,
Хватит с коня рукою — не подымется.
«Много годов я по свету ездживал,
А эдакого чуда не наездживал,
Такого дива не видывал —
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется».

Слезает Святогор с добра коня,
Ухватил он сумочку обома руками,
Поднял сумочку повыше колен,
И по колена Святогор в землю угрыз,
А по белу лицу не слезы, а кровь течет.
Где Святогор угрыз, тут и встать не мог,
Тут ему было и кончение.

Что значит эта «сумочка переметная»? В былинах такие сумочки носят странники; в них могут находиться предметы, обладающие волшебными свойствами. Свойство сумочки, которую находит Святогор, в том, что ее невозможно ни поднять, ни стронуть с места даже такому богатырю. В ней как бы сосредоточилась вся мощь земли. Попытки Святогора не только безнадежны, но они и не имеют смысла: землю не нужно ни поднимать, ни переворачивать — ее надо устраивать и оберегать. Но как раз на эти дела Святогор, богатырь старого времени, неспособен. И поэтому он обречен.

По другому варианту, конь Святогора в последний момент вытаскивает хозяина из земли. Он остается жив, и гибель к нему приходит совсем другим путем. Об этом рассказывает былина «Илья и Святогор». Где встречаются два богатыря — неясно: заезжает ли киевский богатырь в Святые горы, владения «старшего» богатыря, или Святогор спускается в «чистое поле»... Силы их оказываются совершенно несоизмеримыми: Илья пытается разбудить дремлющего на коне Святогора ударом «шалапуги» в сорок пудов весом, но для Святогора удар этот — всего лишь укус «русской мухи».

Он берет Илью да за желты кудри,
Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадьё да богатырской,
И поехал он да по святым горам.

Все же конь Святогора не в силах больше трех суток возить на себе двух богатырей. Святогор выпускает Илью на волю и предлагает ему помериться силой в чистом поле. Однако Илья Муромец признает превосходство Святогора и предлагает побрататься.

Святогор-богатырь соглашается,
Со добра коня да опускается.
И раскинули они тут бел шатёр,
А коней спустили во луга зеленые,
Во зеленые луга они стреножили.
Сошли они оба во белой шатёр,
Они друг другу порассказались,
Золотыми крестами поменялись,
Они с друг другом да побратались,
Обнялись они, поцеловались:
Святогор-богатырь да будет больший брат,
Илья Муромец да будет меньший брат;
Хлеба-соли они тут откушали,
Белой лебеди порушали
И легли в шатёр да опочив держать...

Братание и обмен крестами означает как будто, что Святогор вошел в круг киевских богатырей. Но дальнейшие события показывают, что это невозможно, что Святогор обречен и что союз его с Ильей Муромцем (а значит, и с Русской землей) невозможен.

Повествование в былинах нередко строится на резких переходах от спокойного состояния к взрывному, от неподвижности — к неожиданным переменам. В былине о Святогоре и Илье Муромце такой переход происходит, когда богатыри наезжают на пустой гроб. Илья Муромцу гроб оказывается велик, а Святогору — как раз по росту.

Говорит Святогор да Ильи Муромцу:
«Ай же ты Илья да мой меньший брат!
Ты покрой-ка крышечку дубовую,
Полежу в гробу я, поллюбуюся».
Как закрыл Илья крышечку дубовую,
Говорит Святогор таковы слова:
«Ай же ты Ильющенька да Муромец!
Мни в гробу лежать да тяжелёшенько,
Мни дышать-то нечем да тошнёхонько.
Ты открой-ка крышечку дубовую,
Ты подай-ка мне да свежа воздуху».
Как крышечка не поднимается,
Даже щилочка не открывается.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Ты разбей-ка крышечку саблей востроу».
Илья Святогора послушался,
Берет он саблю вострую,
Ударяет по гробу дубовому, —
А куда ударит Илья Муромец,
Тут становятся обручи железные.
Начал бить Илья да вдоль и поперек, —
Всё железные обручи становятся.
Говорит Святогор да таковы слова:
«Видно, тут мни, богатырю, кончинушка,
Ты схорони меня да во сыру землю...»

Какая трагическая ситуация! Илья Муромец исполняет просьбы Святогора, чтобы вызволить его из гроба, но каждое его действие лишь приближает гибель, делает освобождение старшего богатыря невозможным. Перед смертью, которая оказывается неизбежной, Святогор хочет передать свою силу Илье Муромцу, то есть он хочет, чтобы Илья стал полным его наследником. По одним вариантам, Святогор просит Илью наклониться к гробу, и он дыхнет ему в лицо. По другим — сила должна передаваться через слюну. Однако Илья отказывается.

Говорит Илья да таковы слова:
«У меня головушка есть с проседью,
Мни твоей-то силушки не надобно,
А мне своей-то силушки достаточно.
Если силушки у меня да прибавится,
Меня не будет носить да мать сыра земля».

Отказывается Илья и от коня Святогора.

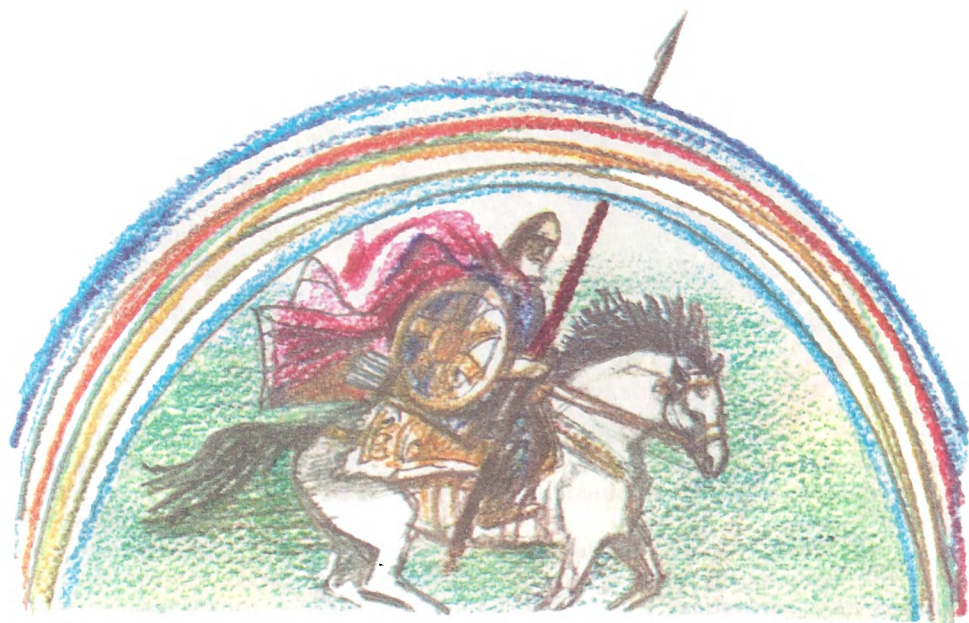
Былина говорит не просто о смене поколений богатырей: уходит навсегда старое богатство — малоподвижное, не связанное еще по-настоящему с миром людей, далекое от интересов и забот Русской земли, его сменяют молодые богатыри, сила которых будет направлена на служение людям, на защиту справедливости, на оборону Русской земли.

За Ильей Муромцем нет вины: он был честным побратимом Святогору и сделал все, чтобы спасти его, но воля событий оказалась сильнее. Илья Му-

ромец своими действиями как бы подчинился ей, сам того не желая и не ведая, что творил. Былина о Святогоре и Илье выражает народное понимание истории. В этом понимании много фантастического, загадочного, и одна из главных идей заключается в том, что события, поступки, деяния, кажущиеся случайными, на самом деле совершаются по каким-то предначертаниям.

На долю Ильи Муромца выпадает великий и трагический подвиг — утверждение на Руси нового богатырства. Он по праву выступает главным среди русских богатырей, самым сильным, мудрым, рассудительным. За ним всегда последнее слово, он идет на самые трудные дела. Лишь в былине о чудесном исцелении он молод, во всех других былинах его называют старым казаком. Былины редко рисуют внешность богатырей, но Илья всегда изображается величественным старцем, полностью сохранившим свою силу.

Ехал стар по чисту полю,
По тому раздолью широкому.
Голова бела, борода седа,
По белым грудям расстилается,
Как скатен жемчуг рассыпается.
Да под старым конь накубел-белой,
Да ведь хвост и грива научёр-черна.

ОТ МИФА К ИСТОРИИ

*А убита Змея та проклятая,
Не унесет боле полону русского...*

*А сдлайте-ка ко́ней богатырских,
Мы поедемте в раздольице в чисто поле,
Постоимте за веру й за отечество,
Сохранимте мы да й стольний Киев-град...*

Т лавным делом богатырей была защита Киева, князя и княгини, всей Русской земли, центром которой был Киев, всех простых людей, живших на этой земле. Постоянно возникает в былинах ситуация: над Киевом нависает опасность и устранить ее могут только богатыри. У князя Владимира много слуг и служителей, на его пирах всегда много представителей разных сословий, которые охотно хвастают своим богатством, общественным положением, но никто из них неспособен выступить против врагов. В отличие от них всех богатыри в любой момент готовы исполнить свой воинский долг — в этом их предназначение. С идеей предназначения связана идея неизбежности победы богатырей. Богатыри рождены и воспитаны, чтобы бороться и побеждать. Эта их настроенность на подвиги и на победу, с одной стороны, — качество врожденное или приобретенное благодаря фантастическим средствам, а с другой — вполне сознательное, идущее от их миропонимания, от чувства коренных связей с народом, с Русской землей. Богатыри — это скорее всего первое в русской культуре образное воплощение активной и самоотверженной любви к родной земле.

С кем же ведут борьбу богатыри в былинах?

Это, прежде всего, персонажи, в которых очень мало или вовсе нет чего-либо человеческого. Согласно законам эпического творчества, они говорят

человеческим языком — тем же, что и богатыри, но это фантастические существа, чудовища. Представить их в полном виде трудно, так как былины, описывая внешность, выхватывают лишь отдельные выразительные детали. Характеристики их отчасти даны уже в именах. Соловей-разбойник сидит на семи дубах: неясно, то ли он такой огромный, что не помещается на одном дереве, то ли у него семь ног. Главное его оружие — это невероятной силы соловий посвист, и к нему добавляется еще «покрик звериный» и «пошип змеиный». Действие его на всё окружающее лучше всего видно из заключительного эпизода былины: Илья привозит пленного Соловья в Киев и князь, наслышанный о разбойнике, сам хочет убедиться в его необычайных способностях. Илья Муромец, зная вероятные последствия, велит Соловью засвистать «на полсвиста», но тот, в предчувствии скорой гибели, поступает по-своему.

Засвистел Соловей во полный свист,
Закричал, собака, во полный крик,
Зашипел, проклятый, во полный шип.
Так тут все травушки-муравушки улетаются,
Все лазоревы цветочки отсыплются,
Малы лесушки к земле да преклоняются,
А что есть людей вблизи — все мертвы лежат.
А из тех ли теремов высоких
Все хрустальные стеколышки посыпались,
А Владимир-князь да стольно-киевский
А он по двору да в кружки бегаёт,
Куньей шубкой да укрывается.

По многочисленным былинным вариантам трудно представить себе внешний облик Соловья. Живет он в своей усадьбе с семьей. Сыновья (или зятья) Соловья-разбойника пытаются отбить его у Ильи Муромца, бросаются на богатыря с «рогатиными звериными», но вынуждены отступить. В одном варианте, они

Хочут обернуться черными воронами
Со темя носы железными,
Они хочут расклевать добра молодца.

В образе Соловья слиты черты человеческие и фантастические. Он свистит по-соловьиному, и этот птичий свист губителен для окружающих, но имя Соловей в Древней Руси давали обыкновенным людям. Истоки образа следует искать в мифологии древних славян — у них существовало представление о гигантской птице, обладавшей фантастическим криком (свистом). Птица эта преграждала дорогу людям, убивала всех, кто пытался там пройти. Возможно, что она была стражем у входа в «чужой» мир. Согласно мифам, нашелся герой, решивший освободить свой род (племя) от чудовища. Он совершил великий подвиг, уничтожив преграды, мешавшие его людям выходить за пределы своей территории, открыв пути в другие земли. Такие мифы известны у многих народов мира.

Мифология не остается в застывшем виде, она изменяется и — что особенно важно — в новых исторических условиях преобразуется, дает жизнь новым представлениям. В эпоху Киевской Руси, когда складывалось Русское государство и между отдельными областями устанавливались постоянные связи, когда далекие окраины тянулись к Киеву, старый миф приобрел новое содержание: чудовищная птица залегла теперь на пути к Киеву, она стала врагом молодой Руси; на мифический персонаж были перенесены черты

реальных врагов государственного единства: мелких феодалов, разбойников, — а вместе с тем в описаниях его стало преобладать человеческое начало. Другим стал и герой: это богатырь из далекой Муромской земли, он совершает подвиг государственного, общерусского значения, очищая от чудовища дорогу к Киеву. Он привозит плененного Соловья в Киев, чтобы показать его князю Владимиру...

Другим врагом Киевской Руси в былинах является Змей. Он тоже пришел из древней мифологии. Кажется, нет такого народа, в древних сказаниях которого не было бы мотивов борьбы героя с фантастическим змеем, с драконом. Разумеется, безосновательно связывать происхождение мифических змеев с реальными воспоминаниями людей о некогда существовавших на земле гигантских рептилиях. Змеи эти — продукт мифологического творчества, порождение народной фантазии. В древности люди верили, что разные сферы природы: горы, леса, реки и озера — охраняются мифическими существами — «хозяевами» и принадлежат им. Былинный Змей — это типичный «хозяин» гор. Он рисуется в былине «Добрыня и Змей» многоголовым, у него «двенадцать хоботов». Он способен летать. Иногда говорится, что из его пасти пышет огонь. Живет он на горах, окруженный малыми змеевичами. Путь к нему преграждает огненная река. Согласно мифологическим представлениям, чтобы пользоваться благами природы, люди должны были задабривать «хозяев»: приносить им жертвы, устраивать в их честь обряды. «Хозяева» могли и сами забирать жертвы, похищая людей. Пещеры былинного Змея переполнены пленниками, — это, конечно, похищенные жертвы. В былине происходит еще одно похищение. Змей прилетает в Киев и уносит племянницу князя. В мифах и сказках многих народов рассказывается, как жители города (люди какого-либо племени) должны регулярно отдавать Змею девушку или Змей сам забирает ее. Некогда такие действия считались даже нормой, поскольку благодаря человеческой жертве «хозяин» не только оставлял людей в покое, но и способствовал якобы их благополучию. В былине, однако, это старое представление отброшено: похищение трактуется как беда, похититель — враг, которого надо уничтожить. Появляется понятие «полоня»: чужеземный враг, нападая на Русскую землю, уводит в плен беззащитных людей. Добрыня в былине осуществляет как бы два разных подвига. В первой части он подобен герою мифа, который совершает подвиг во имя интересов рода: делает доступными горы, охранявшиеся Змеем. Характерно, что в этой части Киев даже не упоминается, — это свидетельство глубокой древности сюжета, связи его с мифологией. Во второй части подвиг Добрыни приобретает окраску государственного, общерусского. Князь посылает богатыря «в пещерушку змеиную», и теперь уже Добрыня действует как истинный киевский богатырь: выводит из конюшни отцовского коня, снаряжается как должно, получает от матери волшебное оружие — «плетку шамахинскую». Победа над Змеем здесь означает полное освобождение от опасности, висевшей над Русской землей..

Опускается Добрынюшка с добра коня
И пошел же по пещерам по змеиным.
Из тии же из пещеры из змеиноу
Стал же выводить да полону он русского.
Много вывел он было князей, князевичев,
Много королей да королевичев,
Много он девиц да королевичных,
Много нунь девиц да и князевичных

А из той было пещеры из змеиною, —
 А не може он найти Забавы дочь Потятичной.
 Много он прошел пещер змеинных,
 И заходит он в пещеру во последнюю, —
 Он нашел же там Забаву дочь Потятичну,
 В той последнею пещеры во змеиною.
 А выводит он Забаву дочь Потятичну
 А из той было пещерушки змеиною,
 Да выводит он Забавушку на белый свет,
 Говорит же королям да королевичам
 И девицам королевичным,
 И девицам он да нунь князевичным:
 «Кто откуль вы да унёсены,
 Вся ступайте в свою сторону,
 А собирайтесь вси да по своим местам,
 И не троне вас змея боле проклятая, —
 А убита е змея да та проклятая,
 А пропущена да кровь она змеиная
 От востока кровь да вниз до запада;
 Не унесет нунь боле полону да русского
 И народу христианского,
 А убита е змея да у Добрынюшки,
 И прикончена да жизнь нунчу змеиная».

На примере былин «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и «Добрыня и Змей» можно видеть один из путей сложения былин в древности: былин-ные сюжеты вырастали на почве мифов, путем переработки мифов, придания их персонажам новых значений, переосмысления их в духе героической борь-

бы за создание и сохранение молодого Русского государства. Враги и герои приносили из мифов свои характерные черты (Змей, например, в былине внешне никак не изменился), но к ним в былинах добавлялись новые существенные качества. Главное же — менялись обстоятельства, условия, окружение, историческая обстановка, и поступки персонажей приобретали другой характер, и сами персонажи наполнялись новым содержанием.

Направление, по которому шла переработка старых мифов в былины, очень наглядно выступает в былине «Алеша и Змей Тугарин». Если Змей, с которым борется Добрыня, совершает набеги на Киев, чтобы захватить полон, то Змей Тугарин открыто хозяйничает в Киеве.

Что во Киеве беда там случилася:
Покорился Киев Тугарину Эмеевичу,
Поклонился Тугарину поганому.
Садился Тугарин в оголовь стола,
Овладал он у Владимира Евпраксию...
Опоганил он церкви православные,
Осмердил (*поработил*) девиц, молодых вдовиц,
Истоптал он конем всех малых детей,
Попленил Тугарин всех купцов, гостей.

Тугарин внешне мало похож на Змея. Одна характерная деталь появляется, когда Алеша зовет его биться в поле: у Тугарина обнаруживаются крылья — это, конечно, след образа крылатого змея. Кроме того, он пугает окружающих змеиным свистом; его отличает гигантская чудовищная голова:

Голова у собаки со пивной большой котел,
Глаза у собаки ровно чашищи,
Между-то очей кленова стрела лежит.

К этому еще добавляются необыкновенные размеры его тела:

Вышина у собаки ведь уже трех сажон,
Ширина у собаки ведь двух охват.

За княжеским столом он ведет себя вызывающе, оскорбляя своим поведением окружающих. Былины всегда обращают внимание слушателей на то, как держат себя персонажи, как соблюдают правила обращения. Богатыри всегда являют собою пример вежества, обходительности. И в этой былине Алеша с товарищем входят «во гриденку во светлую»,

Да крест-от кладут-де по-писаному,
Поклон-от ведут да по-ученому,
Молитву творят да всё Иисову,
Они быют челом на вси чотыре стороны,
А князю с княгиней на особинку:
«Ты здравствуй, Владимир стольно-киевской!
Ты здравствуй, княгиня мать Апраксия!»

В свою очередь, согласно обычаю, князь спрашивает богатырей, кто они, и, получив ответ, предлагает садиться за стол. Выражением особого почтения является предложение сесть рядом с князем, или напротив него, или выбрать место по желанию. Культура обхождения входит в моральный кодекс киевских богатырей и вообще — хозяев и гостей Киева. Вот почему резким диссонансом оказывается поведение Тугарина.

Да лазат-то Чудо поганое,
Собака Тугарин был Змеевич-от:
Да богу собака не молится,
Да князю с княгиней он не кланется,
Князьям и боярам он челом не бьет.

Другое нарушение этикета — он садится между князем и княгиней. Наконец, принадлежность к другому миру, к «антикультуре» выдает то, как ест Тугарин:

Принесли-то на стол да как белу лебедь,
Вынимал-то собака свой булатен нож.
Поддел-то собака он белу лебедь,
Он кинул, собака, ей себе в гортань,
Со щеки-то на щеку перемётыват,
Лебежьё косьё да вон выплюиват.

Таков облик чужеземного захватчика, явившегося из иного мира и противостоящего всему тому, что связано с былинным русским миром.

Тугарин соединяет в себе черты мифического персонажа (чудовищные формы, прожорливость) и исторического лица — иноземного захватчика. Напрасно бы мы стали искать в древних русских летописях реального прототипа Тугарина. Былина воссоздает не какое-то конкретное событие Киевской Руси, но вымышленную ситуацию. Имя Тугарин, возможно, надо объяснять, выделив в нем корень «туг» со значениями «обида», «гнет», «горе». Алеша Попович, убивая Тугарина, освобождает Киев от насильника.

Былина об «Илье Муромце и Идолище» — почти повторение предыду-

щей. Идолище внешне очень похож на Тугарина — такой же громадный и уродливый, такой же прожорливый. Он чувствует себя полным хозяином в Киеве: сидит за столом с княгиней, а князь Владимир прислуживает ему. В вариантах Идолище иногда называют татаринцом, то есть его прямо включают в состав главных врагов Руси. От былин о борьбе богатырей с чудовищами — прямой путь к былинам о борьбе с татарским нашествием.

Враги в этих былинах уже не напоминают мифических персонажей, они явно пришли из реальной истории, но и в их изображении преобладает художественный вымысел. Как же соотносятся история действительная и история былинная, эпическая?

Припомним основные вехи монголо-татарского нашествия, последовавшего за ним полуторавекового ига и освобождения от него Руси.

1223 год — битва на реке Калке, где русское войско, ослабленное княжескими раздорами, потерпело первое крупное поражение.

1237—1238 годы — поход хана Батия на Русь, осада и разгром Рязани, опустошительный поход по Северо-Восточной Руси, с уничтожением и разорением многих городов и сел.

1239—1240 годы — новый опустошительный поход, на этот раз на южно-русские земли, захват и разорение Киева. Огромное число русских людей погибло, было уведено в плен, множество городов и сел сожжено. Героическое сопротивление народа спасло Русь от гибели и помешало захватчикам двигаться дальше на Запад.

В течение всего ига в разных местах вспыхивали восстания — особенно памятно народное восстание 1327 года в Твери. Долго и трудно поднималась Русь, набирая силы. Куликовская битва 1380 года, завершившаяся великой победой русского войска, ознаменовала уничтожение ига.

В былинах картина нашествия воссоздана такой, какой увидели ее современники и запомнили многие поколения.

Да из Орды, Золотой земли,
Из тое Могозеи богатая
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович
Ко стольному городу ко Киеву
Со своею силою с поганою.
Не дошед он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Непра.
Сбиралось с ним силы на сто верст
Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнется,
Зачем не расступится?
А от пару было от коннова
А и месяц, солнце померкнула,
Не видеть луча света белого;
А от духу татарского
Неможно крещеным нам живым быть.

Описание нашествия по другому варианту:

А-й из-за Дону, Дону, Дунай-Дунай,
Поднимался вор собака Кудрёванко-царь
И под тот же стольный красён Киев-град.
В ёго сорок царей, сорок царевичей,
И сорок королей, сорок королевичей,

И со тем же со сыном он со Коршуном,
 И со тем же со зятём он со Коршаком, —
 И под каждым царем силы по сороку тысячей,
 И под каждым королем по сорок тысячей,
 Под любимым-то сыном триста тысячей,
 Под любимым-то зятём двести тысячей,
 Под самим Кудрёванком числа-смету нет.
 И подходили они под красён Киев-град,
 И разоставили шатры чернополотняны, —
 И приумолкла луна да светла месяца,
 И закрыло-де свет да солнца красного,
 И от того-де от пару лошадиного,
 И от того-де от духу от татарского.

Имена татарских царей варьируются, иногда (очень редко) они совпадают с историческими (например, Мамай), иногда близки к историческим (Батыга — Батый), — но для общего смысла былины это не имеет значения, так как образ татарского царя во всех текстах, независимо от имени, одинаков. Его жестокие намерения обычно выражены в наставлении, которое он дает своему послу: пусть он ведет себя в Киеве подчеркнуто грубо, вызывая, пусть откровенно нарушает принятые обычаи — при входе в палаты не крестится, не кланяется князю... Татарский царь требует открыть ему город и отдать его на разграбление. Иногда он требует выдать ему богатырей.

...Дашь, не дашь, за боём возьму,
 Сильных богатырей под меч склоню,
 Князя со княгинею в полон возьму,
 Божьи церкви на дым спущу,
 Чудны иконы по плавь реки,
 Добрых молодцев полоню станицами (*толпами*),
 Красных девушек пленницами (*большими группами*),
 Добрых коней табунами.

В истории действительно все эти и другие угрозы врагов в конце концов осуществляются. Но в былинах история движется своими путями: здесь торжествует богатырская сила, отстаивающая правое дело; полчища врагов разбиты, рассеяны, их предводитель или убит, или захвачен в плен, или бежит вместе с остатками своего войска.

А-й тот ли Батыга на уход пошел,
 А-й бежит-то Батыга, запинается,
 Запинается Батыга, заклинается:
 «Не дай боже, не дай бог, да не дай детям моим,
 Не дай детям моим да моим внучатам
 А во Киеве бывать да ведь Киева видать!»

Среди былины нет ни одного сюжета, который бы рассказывал о поражении русских, о гибели городов, об установлении ига. Как известно, тяжелейшим бременем для Руси стала выплата дани в пользу татаро-монгольских правителей. Лишь в одной былине эта тема оказывается главной, но разработана она в духе совершенно противоположном реальной истории. Князь Владимир посылает Василия Казимировича отвезти «во Большу орду», к «Батею сыну Батеевичу» дани-пошлины за двенадцать лет с добавлением подарков. Василий берет в провожатые Добрыню Никитича. Вопреки «нормальному» течению событий, Василий по приезду в Орду заявляет, что он не привез ни дани, ни подарков от князя. Сразу же возникает конфликт, но он при-

нимает чисто былинные формы, сюжет движется по законам условной «игры». Царь Батей Батеевич грозит казнить Василия, если он потерпит поражения в предлагаемых состязаниях: в стрельбе в цель, в игре в шахматы и в борьбе. Во всех трех состязаниях побеждает Добрыня. Характерная для эпоса разных народов и для многих сказок ситуация: у главного героя есть помощник, который способен выполнить трудные задачи. После того как Добрыня поборол трех татарских борцов,

А богатырская тут кровь да раскипелася,
А могучи ёго плеча расходилися,
А белы ёго руки примахалися,
А резвы ёго ноги приходилися, —
Ухватил он татарина всё за ноги,
А стал он татаринoм помахивать:
А перёд тут махнет — да всё как улками,
А назад-от махнет — да переулками;
А сам где татарину приговариват:
«А едрён где татарин на жилки — не порвется,
А могутён на косы — не переломится».

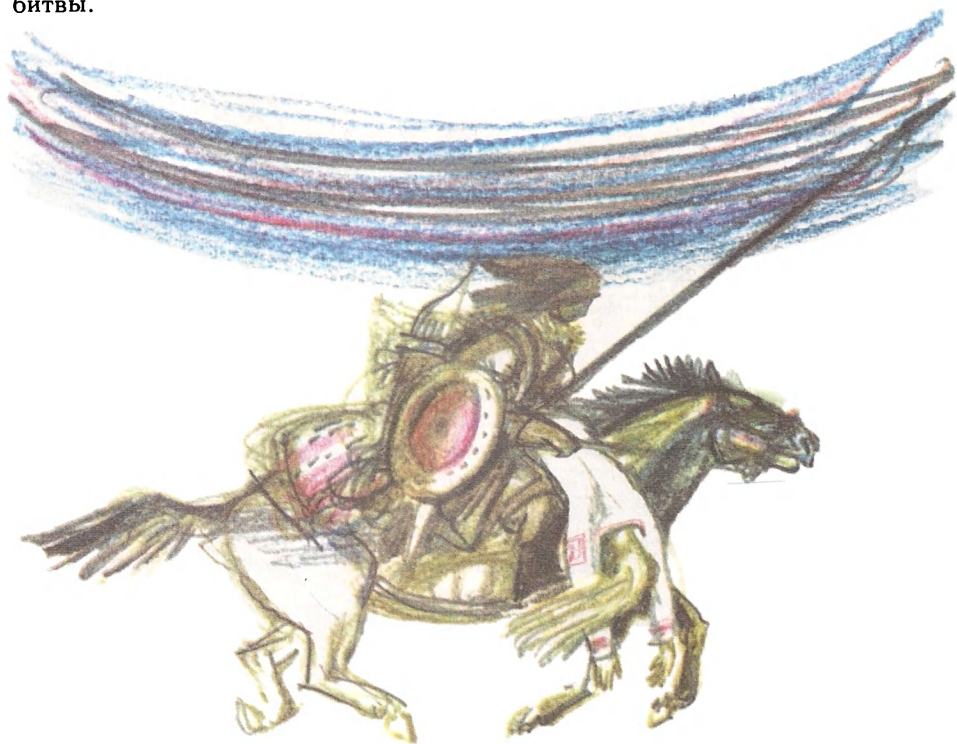
Батей Батеевич, боясь, что богатыри не оставят ему «татар хотя на семена», сам предлагает за двенадцать лет вперед золото, серебро, жемчуг и еще подарки в придачу. Так русские богатыри не только избавляют киевского князя от дани, но и превращают в данника татарского царя.

Как же мы можем объяснить такое несоответствие содержания былин реальной истории? Есть в науке несколько соображений по этому поводу. Одно из них: былины о татарском нашествии сложились в эпоху после Куликовской битвы, они не касаются более раннего времени. Второе: в былинах, как они складывались в XIII—XIV веках, были и картины поражений, и разорения Русской земли, и ига, но позднее, после Куликовской битвы, они были переработаны в духе победы. И третье, которое представляется наиболее верным, отвечающим самому духу эпоса: содержанием былин, так же как и содержанием эпических сказаний других народов, является эпическое прошлое; оно всегда обозначено наличием некоего центра, куда стягиваются все события (в былинах — это Киев), правителя, соединяющего в себе и величие, и слабость (в былинах — это князь Владимир), и героев, от которых зависит судьба народа и государства (богатыри). Отчасти опираясь на воспоминания о времени расцвета Киевского государства, о правлении Владимира Святославовича, а в еще большей мере питаясь собственными понятиями, мифологическими представлениями, народ конструирует историческое прошлое, время великих свершений, время деяний богатырей, допуская для этого времени возможность самых фантастических, самых невероятных событий. Эпическое прошлое в сознании народа противостоит «настоящему»: движущаяся история полна бед, несправедливостей, в ней постоянно торжествует зло; в прошлом же все было наоборот, торжествовала правда — и это потому, что, в первую очередь, там были богатыри. Былины о борьбе богатырей с татарами — это не былины о временах XIII—XIV веков, они обращены в прошлое, они говорят: вот как было дело при богатырях; приходили под Киев те же самые татары, с теми же самыми угрозами, но богатыри побеждали и прогоняли их с Русской земли; не киевский князь платил дань Золотой Орде, а золотоордынские ханы, боясь богатырей, выплачивали дань Киеву.

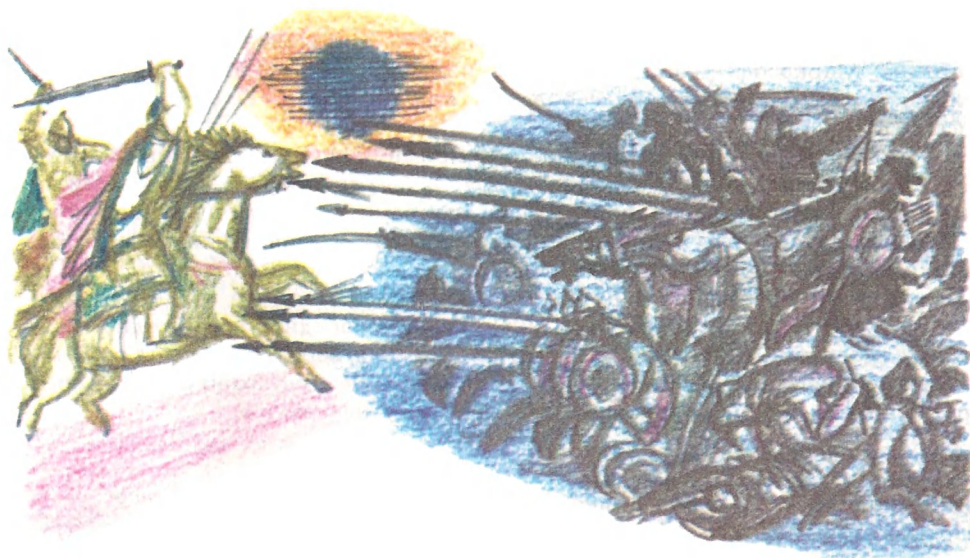
Самое понятие «татары» в былинах не имеет какого-то определенного

этнического и исторического содержания, творцы былин и сказители не относили его к конкретному народу. Этим собирательным термином былина обозначала врагов, совершавших нашествия и набеги на Русь с Востока и Юга. Для врагов с Запада существовало другое былинное слово — «литва», тоже не связанное с определенным народом. Эпитет «поганые», часто применяемый в былинах к татарам (и к «литве»), означал «иноверцы», «люди другой, не православной веры», «язычники». Эпитет заключал осудительный смысл — но только со стороны религиозной. Конечно, «татары поганые» появились в жизни, в сознании, в языке русских людей вместе с трагическими событиями реальной истории, но в былинах они получили характер обобщенного образа чужеземных врагов. Для создателей былин очевидным было, что история повторяется, но без богатырей она приобретает трагический характер. Былины о богатырских победах должны были возбуждать в народных массах и надежды, и героический дух, и веру в возможность одолеть врага, они воспитывали во многих поколениях русских людей готовность к борьбе за свою землю. Куликовская битва была итогом длительной подготовки народа к сокрушению татарского ига. И в подготовке духовной, в созревании уверенности в победе свою немалую роль сыграли былины. Не случайно на Куликовом поле, согласно сказаниям, закрепленным древней русской литературой, в русском войске явился богатырь.

Когда начали сходитьсь полки, из татарского полка выехал «злой печенег», похожий на былинного Тугарина: «...пять сажен высота его, а трех сажен ширина его». Навстречу ему выехал Александр Пересвет, монах, в облике которого не было ничего необыкновенного. Они «ударилась крепко копьями, едва земля не проломилась под ними. И упали оба с коней на землю и скончались». Единоборство богатырей послужило сигналом к началу битвы.

СУДЬБА БОГАТЫРСТВА

*И тут же Ильюшечке славы поют,
Еще нонь же старого в старицах скажут...*

Согласно былинам, богатырство как могущественная и непобедимая сила, обеспечивавшая мир и благополучие Русской земле, принадлежало далекому прошлому. Его нельзя датировать и нельзя определить, как долго оно длилось. Былинное время оказывается замкнутым и по-своему даже неподвижным: событий происходит много, но каждый раз все возвращается к исходным состояниям. Богатыри совершают подвиги ради восстановления нарушенного порядка жизни. В сознании народа, творившего эпос, история распадается как бы на две неравные части: первая — это эпоха богатырства, вторая — следующая за ней. Эта вторая, в которой происходят непрерывные изменения, отражена и осмыслена народом в исторических песнях, в преданиях, рассказах. Богатырей здесь уже нет... Что же стало с ними, почему прекратила свое существование богатырская эпоха?

Эпосы разных народов, каждый по-своему, отвечают на эти вопросы. Например, герой казахского эпоса Кобланды-батыр, одержав победу над врагами, освободив землю, сам становится ее правителем. Он устанавливает порядки, при которых народ благоденствует, а враги боятся встречи с ним. Такую картину можно признать утопической: богатыри больше не нужны, потому что настало время полного благополучия и мира. Герой сербского эпоса, великий юнак Марко Кралевић, некоторыми чертами напоминающий Илью Муромца, совершает множество подвигов: бьется с чудовищем Арапином, с турками и другими врагами. Его оружие — сабля и палица, они достались ему от отца, тоже великого юнака. Он — несравненный мастер рукопашного

боя, других способов борьбы он не знает. И когда появляется огнестрельное оружие, Марко понимает, что юнакам, полагавшимся на собственную силу, ловкость, на мастерство, благородство, пришел конец. И он исчезает навсегда.

Что же происходит с киевскими богатырями? Их судьбе посвящена былина о Камском побоище. В отличие от других былин о борьбе с татарским нашествием, здесь — после победы над татарами — богатыри ввязываются в другую, совершенно непривычную для них битву. Зачинщиками ее становятся или некоторые участники первого, главного, сражения, или даже те, кто в нем не участвовал, карауля шатры. Им кажется, что после такой победы над татарскими полчищами они способны победить кого угодно, даже «силу небесную». Вот как описывается в разных версиях былины этот момент хвастовства: Матфей и Лука, «дети боярские», остававшиеся при шатрах, увидев, как богатыри «прибили всю силу неверную»,

И сами говорят да таково слово:

«Уж что же нам сила та неверная?

Была бы у нас на небо-то листница —

Прирубили бы мы всю силу небесную».

Согласно другой версии:

Еще тут приехало два братёлка два Суздальца,

Еще тут же они да прирасхвастались,

Говорили бы они, удалы добры молодцы:

«Кабы был еще тут бы во земли-то столб —

Мы бы всю землю-матушку перерыли же;

Было бы нонь на небо листница,

Мы всю бы небесну силу попленили же».

Хвастовство в былинах почти всегда осуждается. Оно не свойственно богатырям. В данном же случае хвастовство касается самого святого — земли и неба. Вспомним, что Илья Муромец мог получить силу, достаточную для того, чтобы перевернуть землю, но странники избавили его от этого. Земля и небо в сознании народа неприкосновенны: земля — источник всего живого, а на небе обитают силы, против которых выступать нельзя. Таким образом, хвастающие совершают тяжкий грех, который не может остаться без возмездия. Здесь героическая фантастика былин сливается с фантастикой мифологической. Богатыри оказываются лицом к лицу с силами, которые они вызвали своим хвастовством и о могуществе которых не догадывались. Один лишь Илья Муромец пытается остановить хвастунов, но — поздно.

Да тут восстала опять силушка Кудреванкова:

Де кого били и сёкли надвое — де тех вдвою стало.

Де опять съехались добрые молодцы,

Де они бились и дрались шесть дней и шесть ночей,

И де без питенья, да всё без ёденья,

Да тут стали резвы кони бродить в крови до резва брюха́.

По другому варианту:

А которого рубили ведь как надвое,

Из того-де стаёт да два татарина,

А которого рубили они натроё,

Из того-де стаёт да три татарина.

Они снова напускались рубить силу неверную, —
Они сколько же рубят, нету убили.

Смысл этой фантастической картины заключается в том, что богатырям приходится биться с мертвыми, полем битвы оказывается царство умерших. Безднадежность такой борьбы понимает Илья Муромец:

Уж вы ой еси, дружинушки хоробрые,
Уж вы сильни могучие богатыри!
Нам живыма с мертвыма не ратиться,
И отступите вы от дела от ратного.

По одним вариантам, богатыри прекращают битву и мирно возвращаются в Киев. Но по другим — богатыри продолжают сражаться или бегут.

Устрашились они да этой силушки,
А уехали они да на уез от ей,
А во ту же ведь гору, да во шорлопину (*в гору, в скалу*),
А они же ведь тут все закаменели
Да на тех-де коничках на добрых же.

По одному из вариантов, Илье Муромцу удастся доехать до стен Киева, и здесь он вместе с конем окаменевают.

Превращение в камень — удел героев сказаний многих народов. Оно означает, конечно же, не только гибель. Камень — символ вечности, каменные фигуры — это памятники прошлого. Но есть в этом и еще один смысл: камень может ожить. Богатыри, превратившиеся в камни, укрывшиеся в пещерах, не ушли безвозвратно — народ верит, что наступит момент, когда они оживут ради новых деяний. Этого последнего мотива в былинах нет, но он есть в народных преданиях...

Смерть богатыря как событие трагическое, противоестественное — тема нескольких былин.

Богатырь Сухман вызвался привезти князю Владимиру живую «лебедь белую». Но охотником он оказался неудачливым. Зато богатырские его качества обнаруживаются сразу же, как только он узнает о появлении чужеземного войска. Нашествие пытается остановить река, и Сухман приходит ей на помощь.

«Что ты, матушка Непра-река,
Что же ты текешь не по-старому,
Не по-старому текешь, не по-прежнему? —
А вода с песком помутилась?»
Испроговит матушка Непра-река:
«Как же мне течи было по-старому,
По-старому течи, по-прежнему,
Как за мной, за матушкой Непрой-рекой,
Стоит сила татарская неверная,
Сорок тысячей татаровей поганных!
Мостят они мосты калиновы, —
Днем мостят, а ночью я повырою:
Из сил матушка повыбилась».

Поэтический образ реки, преграждающей путь врагам и изнемогающей в борьбе с ними, единственный раз появляется в былинах. Столь же неповто-

римым оказывается в эпосе и образ Сухмана. Судьба его не знает аналогий в русском эпосе. Победа, которую он в одиночку одерживает над татарами, оборачивается для него трагедией. Князь Владимир рассержен тем, что Сухман не привез ему обещанной живой «белой лебеди», и не верит рассказу богатыря о его сражении с татарами. Сухман заточен в погреб, и Добрыню посылают проверить рассказ. Узнав правду, князь готов «жаловать-миловать» богатыря. Но Сухман, оскорбленный недоверием, отказывается идти к князю. Не оправившийся от ран, нанесенных ему татарами, он

Выходил на далече-далече чисто поле,
И говорил молодец таковы слова:
«Не умел меня солнышко миловать,
Не умел меня солнышко жаловать, —
А теперь не видать меня во ясны очи».
Выдергивал листочки маковые
Со тых с ран с кровавых,
Сам Сухмантий приговаривал:
«Потеки Сухман-река
От моя от крови от горячия,
От горячия крови от напрасныя».

Реки образуются из крови невинно убитых, — мотив этот встречается в мифологии и эпосе разных народов. В нашей былине этот мотив принимает особенные формы: герой убивает себя в знак протеста против несправедливого к нему отношения. Конфликт богатыря с властью — это всегда конфликт правды с грубой силой, народной моральной нормы с проявлениями безнравственности. Победа на стороне богатыря, но былина о Сухмане показывает, какой дорогой ценой подчас она достигается: чтобы утвердить свою правду, богатырь лишает себя жизни. Подобная развязка для героического эпоса не обычна. Она встречается в народных балладах, где герои и героини, не в силах противостоять злу, но и не желая мириться с ним, кончают самоубийством. Смерть их — протест против зла и его осуждение. Былина о Сухмане своей трагической развязкой напоминает баллады.

В этом же ряду находится былина о Даниле Ловчанине.

Князь Владимир оказывается виновником гибели двух благороднейших людей — богатыря Данилы Ловчанина и его жены Василисы Никуличны. Ловчанин — то есть ловчий, охотник; такую службу нес Данила при княжеском дворе. Сюжет былины о нем — один из самых драматичных в русском эпосе. Князь Владимир просит гостей на пиру подыскать ему подходящую невесту. Мишатычка Путятин указывает на жену Данилы, расхваливая ее необыкновенную красоту, ум, образованность. Поначалу князь возмущен:

Еще где это видано, где слыхано —
От живого мужа жону отнять!

Но хитрый придворный находит выход: послать Данилу на охоту с таким заданием, чтобы ему не вернуться живым («убить ему льва лютого»). И вот этот коварный совет Владимир принимает. Илья Муромец пытается вразумить князя, но за правдивые слова его заточают в погреб. Тут же князь посылает Мишатычку осуществить намеченное.

В былинах князь Владимир время от времени совершает несправедливые поступки, может проявить трусость, может отдать распоряжение, с которым богатыри несогласны, его поведение может — как в случае с Сухманом — вызвать трагические последствия. В былине о Даниле Ловчанине князь сознательно совершает преступление ради своей прихоти. По мнению ученых, ситуация, обрисованная в былине, могла быть подсказана певцам поздними историческими впечатлениями: так поступить мог, например, Иван Грозный.

Редко можно встретить в былинах, чтобы судьба героев изображалась бы с таким сочувствием, описывалась бы так трогательно, как судьба Василисы и Данилы. Когда Василиса узнает, какая участь ей и ее мужу уготована, она переодевается в «платье молодецкое» и спешит в поле. Она хочет снарядить Данилу к предстоящей борьбе: ей ведомо, что мужу предстоит сражение, о котором он и не подозревает, со своими братьями-богатырями.

Здесь в былине возникает картина, единственная в своем роде, — подобных картин в русском эпосе больше нет.

Берет Данила трубыньку подзорную,
Глядит ко городу ко Киеву.
Не белы снега забелелися,
Не черные грязи зачернелися, —
Забелелася, зачернелася сила русская
На того ли на Данилу на Денисьича.
Тут заплакал Данила горючьми слезми,
Возговорит он таково слово:
«Знать, гораздо я князю стал ненадобен,
Знать, Володимиру не слуга я был».

Даниле остается одно — защищаться. Он «прирубил силу русскую». Но когда он видит, как на него двигаются два богатыря — один родной брат, другой названный, Данила приходит в отчаяние.

«Уж и вправду, знать, на меня господь прогневался...
Еще где это слыхано, где видано, —
Брат на брата со боём идет!»
Берет Данила свое остро копьё,
Тупым концом втыкат во сыру землю,
А на острый конец сам упал.
Спорол сее Данила груди белые,
Покрыл сее Денисьич очи ясные.
Подъезжали к нему два богатыря,
Заплакали об нем горючьми слезми.

Но даже трагическая гибель Данилы не останавливает намерений князя. Редкий в былинах случай — Владимир сам выезжает из Киева, чтобы привезти домой невесту.

Теперь все внимание певцов приковано к Василисе: как она дальше поведет себя? Когда князь Владимир на правах самозванного жениха целует ее «во уста сахарные», она отвечает ему:

Не целуй меня в уста во кровавы...

В этом образе кровавых уст передано и горе женщины, потерявшей любимого мужа, и отчаяние «невесты», силой захватываемой виновником гибели Данилы, и предсказание скорой новой беды.

Василиса покорно наряжается в «платье светное, подвенечное», но прячет в платье «булатный нож». И когда свадебный поезд едет мимо места гибели

Данилы, Василиса просит разрешить ей проститься с «милым дружкой» и тут же кончает с собой. Последние ее слова к провожатым:

Вы подите скажите князю Володимиру,
Чтобы не дал нам валяться по чисту полю,
По чисту полю со милым дружкой,
Со тем ли Данилой Денисьичом.

На какую нравственную высоту поднимаются герои этой былины! Не в силах перебороть зло, они в то же время не могут с ним смириться. Сознательный уход из жизни для них — не только единственное решение в создавшейся обстановке, но и протест против зла. В финале былины князь Владимир вынужден признать свою неправоту: он выпускает на свободу Илью Муромца и казнит Мишатку. Но этого, конечно, недостаточно, чтобы оправдать его собственную вину, его преступление. В былине выражено народное понимание того, что единоличная, бесконтрольная, опирающаяся на грубую силу власть закономерно приводит к преступлениям против человечности.

Гибель еще одного богатыря — новгородца Василия Буслаева окутана загадочностью. В отличие от киевских богатырей он совершает свои подвиги на городских улицах, на берегу Волхова, в купеческих и боярских хоромах, воюет с новгородцами. Утомившись от этих дел, он отправляется в далекое путешествие — в Иерусалим-град —

Святой святыне помолитися,
Ко господней святыне приложитися.
У мя с молоду было бито-граблено,
Под старость ту надо душа спасти.
Нас тридесать удалых добрых молодцов.

Паломничество в Иерусалим и в другие святыне места христианской веры было распространено в Древней Руси. Паломникам предстоял не только долгий и трудный путь: они должны были строго придерживаться определенных правил, соблюдать благочестие, молиться. Озорнику Василию Буслаеву выдержать эти испытания оказалось не под силу. Можно даже подумать, что он отправился в странствие не ради того, чтобы «душа спасти», а чтобы нарочно нарушить предписанные правила и доказать, что ему, новгородскому богатырю, ничего не страшно и все позволено. Вопреки строгому запрету Василий Буслаев купается в Иордани, раздевшись догола. Ему грозят самыми тяжелыми последствиями за такое святотатство, но богатырь отвечает словами, которые выражают его отношение к жизни: он не верует «ни в сон, ни в чох», а верует только «в свой червленый вяз». Это значит, что ему не страшны никакие предсказания, запреты, нормы — всему он противопоставляет богатырскую силу.

Богатыри часто идут наперекор разным предсказаниям и запретам и, как правило, побеждают, тем самым опровергая их. Деяния богатырей часто направлены на то, чтобы снять запрет. Но успех сопровождает богатырей лишь тогда, когда они делают это во имя высокой цели. Неясно, есть ли такая цель у Василия Буслаева. Можно его поведение трактовать как бунт против общепринятых норм, как вызов не только обществу, в котором он живет, но и силам «чужого» мира. Именно в столкновении с этими силами Василий Буслаев и гибнет. Еще на пути в Иерусалим он попадает на гору Сорочинскую, здесь он видит человеческий череп и грубо пинает его ногой.

Говорит голова, кость человеческа:
«Не попинывай, Василий, меня, сухую кость,
Суху голову, кость человеческу, —
Да был молодец я не в твою пору,
Не в твою пору, да не в твою ровню,
Как убила сорочина долгополая,
Как та жо ли чудь да двоёглазая.
Не бывать тебе, Василий, на святой Руси,
Не видать тебе, Василий, своей матушки...»

Что означает это грозное предупреждение? Будет ли наказан Василий за то, что нанес оскорбление мертвому богатырю, который считает себя гораздо значительнее Василия? Или погибнет из-за какого-то другого своего проступка? На Василия Буслаева, во всяком случае, это предупреждение не действует. На обратном пути он снова останавливается на том же месте и видит теперь «сер горюч камень» больших размеров с надписью:

А кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться-забавляться,
Вдоль скакать по камню —
Сломить будет буйну голову.

Надпись эта как будто специально для Василия Буслаева: он понимает ее не как предупреждение, но как вызов ему, богатырю. Он предлагает своим дружинникам прыгать, и для них все проходит благополучно. Затем прыгает сам Василий. В первый раз и с ним ничего не случается. Раззадорившись, богатырь решает усложнить прыжок: «Я назад пятми скочу и опять перескочу».

Скочил-то Василий назад пятми,
Задел-то он ногой правую,
Пал-то на леву руку,
Обломила у него рука белая,
Пал на сер горюч камень, !
Разломил-то себе буйну голову.

По другой версии, Василий разбился оттого, что стал перескакивать камень не поперек, а вдоль, вопреки запрету.

В чем же состоит вина Василия Буслаева? За что он так наказан? Из текста былины можно понять лишь, что он пострадал из-за того, что нарушил запрет. Вся ситуация оказывается достаточно таинственной, и чтобы ее разъяснить, надо понять смысл камня. Камень этот — могильный, под ним погребен богатырь. Прыгать вдоль камня — это значит оскорблять память умершего. Но камень вместе с тем — символ царства Смерти. Нарушая запрет, Василий Буслаев словно бы пытается проникнуть в это царство. И Смерть забирает его. В мифах и сказаниях многих народов герои отправляются в мир умерших и нередко возвращаются из него благополучно, потому что соблюдают все правила и запреты. Василию Буслаеву вернуться не суждено...

БОГАТЫРИ НА ЗАЩИТЕ СЕМЕЙНЫХ СВЯЗЕЙ

*Ты отколь, девица, отколь, красная,
Ты с каких земель да с каких городов?*

В эпоху общинно-первобытного строя богатыри выступали представителями родовых коллективов, племен, и подвиги каждого из них были направлены на сохранение и укрепление своего рода и племени.

Таковы якутские поэмы олонхо, сказания эвенков и нивхов. Такими, вероятно, были когда-то и древние героические песни славян. Былины — порождение эпохи классового общества и ранней государственности. В них на первом плане — защита Русской земли, Киева как государственного центра, борьба за благополучие всего народа. О прежних, родоплеменных отношениях в былинах вспоминают нечасто («Ты откуль родом, откуль племенем?» — спрашивает князь Владимир приезжего богатыря.) Но для богатырей очень важны семейные связи. Создание и сохранение семьи, поддержание ее благополучия входит в круг обязательных дел почти всех богатырей. Заметно, что особенно ценятся в былинах связи кровнородственные: между сыном и матерью, братьями, братом и сестрой. Мать выступает как хранительница дома, семейных традиций и, что особенно существенно, жизненно важных (обычно потаенных) знаний, касающихся сына-богатыря и других своих детей. Типовая ситуация: мать растит сына и в положенный срок либо снаряжает его на подвиг, сообщает о грозящей опасности, снабжает нужным оружием, либо открывает семейную тайну, разрешить которую суждено выросшему сыну. Былины создают собирательный образ матери богатыря — мудрой, вещей женщины, терпеливо ждущей сына домой, глубоко переживающей за него, стойко переносящей все беды.

Сюжеты на тему восстановления кровнородственных связей совершенно органично входят в общий фонд героических сюжетов, по-своему развивая главную тему русского эпоса. В семейных бедах виноваты враги Русской земли, они уводят в полон брата, сестру богатыря. Поиски их и спасение одно-

временно оказываются делом и семейным, и общенародным, поскольку богатырь вступает в борьбу с теми, кто несет беду всей земле. Сюжеты этого типа по-особому драматичны: ведь в них те угрозы насилий, разорения и плена, которые в былинах о татарском нашествии не осуществляются, становятся реальностью народного быта. Татарский царь, осадивший Киев, хочет забрать княгиню, но ему это не удастся. В былине о Михаиле Козарине участники набега на Русь забирают сестру богатыря.

Из славное матки Кубань-реки
Подымалася сила татарская,
Что татарская сила, басурманская,
Что на славную матку святую Русь.
Полонили матку каменну Москву.
Да доставалася девица трем татаринам,
Трем татаринам девица, басурманинам...

(Упоминание в этом тексте Кубани-реки и «каменной Москвы» уводит события из былинных времен Киева в более позднюю эпоху.)

Спасение сестры — главный подвиг Михаила Козарина. Богатырь приходит к нему непростыми путями. В сюжете былины есть загадка, которую не так легко разъяснить: Михаил Козарин в детстве отлучен от дома, он вырастает вдали от родителей. По одним вариантам, его воспитывает бабушка и он с детства проявляет свои богатырские качества, а когда приходит срок, Михаил отправляется на поиски родителей, но те не принимают его. По другим вариантам, по достижении богатырского возраста родители отвозят сына в поле, дают ему коня и оружие и бросают там на произвол судьбы. Чем провинился Михаил, до поры, до времени остается неизвестным. Наступает время богатырского подвига, но Михаил не знает, в чем он должен состоять. В былинах обычно богатырь либо получает задание, либо его влечет какая-то непонятная сила, а о том, что его ожидает, он узнает от матери или от посторонних. Михаилу Козарину уготована встреча с вещей птицей.

Ездил Козарин ровно двадцать лет,
Не видал Козарин он ни конного,
Он ни конного, ни пешего, —
Увидал Козарин черна ворона,
Черна ворона, да вороневича, —
Черной-от ворон да на дубу сидел.
Черна ворона он подстрелить хотел,
Заряжал Козарин ружье востроё,
Ружье востроё, да пулю быструю, —
Черной-от ворон да слово промолвил:
«Не стреляй меня, да черного ворона,
Не рони перья да по чисту полю,
Не пусти крови да по сыру дубу, —
Я скажу тебе да три словечушка:
Поезжай, Козарин, по чисту полю,
По тому раздольищу широкому,
Во чистом поли да три шатра стоит,
Три шатра стоит белы полотняны;
Как во тех шатрах живет три татарина,
Три татарина да три поганяя,
Три поганяя, да три неверные;
У них унесёна да красна девица,
Красна девица, бела лебёдушка».

Слова вещей птицы означают, что дело, которое ожидает богатыря, ему предуказано. В других вариантах Михаил наезжает на татарские шатры нечаянно. В любом случае он слышит плач русской девушки.

Ты коса моя, да коса русая!
Когда я была девка малёшенькой,
Мыла меня маменька в баенке,
Да чесала маменька буйну голову,
Да плела маменька трубчату косу,
Она сама косы да приговариват:
«Ты коса, коса ль, да девья русая!
Ты кому, коса девья, достанешься, —
Ты князьям ли ты, да боярам ли ты,
Ты какому купцу-гостю торговому?»
Доставалась коса да моя русая
Трем татаринам да трем поганым.

Поэтическое прощание с косой — постоянный мотив свадебных причитаний невесты. В былине девушка-полонянка уподобляет свою судьбу судьбе невесты, которую силой выдают замуж за татарина. И действительно, в вариантах татары, захватившие ее, предлагают ей на выбор: один — стать женой его старшего сына, другой — среднего, третий — младшего. Но брак с татаринцом — это также и символ смерти: один грозит девицу мечом убить, другой — копьем сколоть, третий — конем стоптать. Появление Михаила Козарина кладет конец этим угрозам: Козарин убивает похитителей и освобождает девушку. Полонянка сообщает своему спасителю, кто она, чьих родителей, и здесь выясняется, что Козарин спас сестру. Но в вариантах ситуация осложняется. В соответствии с жестокими законами военного быта освобожденная девушка становится собственностью спасителя, он волен поступать с нею как хочет. Девушка упрекает его: он «хуже трех татар». Иногда богатырь предлагает ей стать его женой. И только когда полонянка называет себя, опасность кровосмесительного брака исчезает. Брат везет сестру к родителям.

Мотив предотвращения инцеста (кровосмешения) как будто позволяет понять загадочное начало былины, связанное с отлучением Козарина от дома. Разгадке способствуют еще подробности, извлекаемые из аналогичных сюжетов об инцесте, известных эпосу других народов (например, из сербско-хорватских юнацких песен). Родителям ведомо, что их детям, брату и сестре, предуказано стать мужем и женой. Никаких объяснений этой ситуации не дается — мы имеем здесь дело с непонятными и неотвратимыми силами, что очень характерно для сознания творцов эпоса. Чтобы предотвратить ужасный брак, родители разлучают детей, отсылая сына. Достигнув богатырского возраста, сын отправляется на первый подвиг. Одновременно сила предсказания влечет его на поиски сестры-суженой. Сюжет строится так, что оба дела совпадают: спасенная девушка — это его сестра и невеста. Предсказанная опасность брака устраняется, когда герой узнает в девушке свою сестру.

В народном быту Древней Руси набеги врагов, разорение городов и сел, увод полона, разлучение семей случались постоянно. Былина не просто отразила эти реальные стороны быта эпохи, но преобразовала реальность в соответствии с художественными законами былинного мира: драматические ситуации, возникшие в жизни, приобрели еще большую остроту, обогатились вымыслом, главное же — они из сферы житейской перешли в сферу богатырскую, где невозможное оказывается вполне возможным, фантастическое — реальным...

Рядом с былиной о Михаиле Козарине должна стоять былина «Королевици из Крякова» — о встрече братьев, разлученных татарским набегом.

Былина начинается типовой, знакомой уже нам, сценой: молодой богатырь Лука Петрович просит у матери благословение — поехать в далекое поле на охоту; мать отказывает ему, и сын отправляется без разрешения. Почему Лука Петрович, несмотря ни на что, решается на поездку, мы можем догадываться: подошел богатырский возраст и что-то неудержимо влечет богатыря из дома. Но почему мать не дает ему благословения на поездку? Скорее всего потому, что ей ведома опасность, ожидающая сына.

Охота — это лишь внешний повод для поездки, и очень скоро выясняется, что богатырю уготована преуказанная встреча. Как и Михаилу Козарину, Луку Петровича наводит на нее черный ворон.

Да вдруг со восточную стороны
Не темной облак накатается, —
Налетел на дуб черной ворон.
Как загорал ворон по-ворониному, —
Да как дуб по коренью шатается.
Говорит Лука Петрович дворянской сын:
«А ой же ты черной ворон!
Как я выну свой тугой лук из залучника,
А каленую стрелу из заплечника,
Натяну я свой тугой лук,
Я пушу в тебя, черного ворона, —
Ушибет твоё черно мясо о сыру землю,
Потекет твоя черна кровь во корень дубовоё,
Полетит твоё черно перьё по чисту полю,
Полетит твой белой пух по поднёбесью».
Во ту было пору, во то время
Возговорит ворон по-человечески:
«А ой же ты молодой Лука Петрович дворянской сын!
Тебе ворона убить — не корысть получить,
А тебе старца убить — спасенья нет.
А лучше ты, молодой Лука Петрович,
Ты стань поутру ранешенько,
Ты до самой красной зари до утренной,
Поезжай ты во далёчо чисто полё, —
Там приедет татарин касимовской,
Ты побейся, подерись с татариним касимовским».
И во ту пору ворон невидим бысть.

Лука Петрович видит в вороне темную силу, которую надо уничтожить; на самом же деле ворон принадлежит к разряду тех чудесных сил, которые действуют на стороне богатыря. Вещее указание его неполно, но можно догадываться, что встреча с касимовским татариним таит какое-то благо. Лука Петрович, однако, об этом не думает, он отправляется на свой первый поединок. Силы противников равны, они бьются палицами, потом саблями, и лишь в рукопашной схватке Лука Петрович одолевает татарина. Но он не спешит расправиться с противником — как будто подозревая, что за их встречей что-то скрывается.

«Да однако скажи, татарин касимовской,
Ты какой орды, какой земли,
Ты какого роду и племени?»

Говорит татарин касимовской:
«А ой же ты удал доброй молодец!
Кабы я сидел на твоих на белых грудях,
Я не спрашивал бы ни роду, ни племени, —
Я порол бы твои белые груди...»

И лишь на третий раз татарин признается, что он «из славного из города из Крякова», «Василий Петрович дворянской сын». Так происходит встреча братьев, и старший брат, Василий Петрович, вспоминает, как касимовские татары налетели на Кряков-град, отца «смерти предали», его «малолетнего в полон взяли», а Лука «остался во качелюшке». Братья едут домой. Предстоит встреча с матерью, и сын обыгрывает эту встречу, нарочито задерживая весть о возвращении брата.

Государыня да родна матушка!
Я сегодня был в раздольице чистом поле,
Наехал я в чистом поле татарина,
Кормил я его ествушкой сахарной,
А поил его питьцем медвяным,
А дарил ему дары драгоценные.

Мать возмущена: надо было не угощать татарина, а колоть его «рогатиной звериною», — ведь татары когда-то увезли маленького Василия.

«Ай же свет ты мой да государыня!
Я наехал в раздольице в чистом поле,
Я наехал я да не татарина,
А наехал я да братца родного,
Молодого Луку Петровича (в этом тексте
похищенный — Лука).
А теперя он у нас на широком дворе,
По широкому двору похаживает,
Да добрых коней за поводы поваживает». —
Так тут свет честна вдова заплакала,
Поскорешеньку выбегает на широкий двор —
Увидала сыночка любимого,
Называла его Лукой Петровичем,
Своим сынком любимым.
Брала его за ручки за белые,
Брала его за перстни золоченые,
Целовала в уста его сахарные,
Проводила й их в палаты белокаменные,
Проводила их за столики дубовые,
Да за теи за скамеечки окольные,
А кормила их ествушкой сахарной,
Да поила их питьцем медвяным,
Да й дарила им дары драгоценные,
Спать ложила на кроваточку тесовую,
На тую ль на перинушку ль пуховую,
Закрывала одеяльцами их теплыми.

Стали жить да быть да век коротати.
Да тем былиночка й покончилась.

Загадочным в этой былине остается приезд Василия Петровича в обличье татарина. Нечто похожее встречалось в былине «Илья Муромец и сын»: там сын является на Русь как чужеземный богатырь, враг. Но та ситуация объ-

яснена. В былине «Королевици из Крякова» о жизни Василия Петровича в плену ничего не сказано, и можно лишь гадать: прикинулся ли он татарин, чтобы ему было легче попасть к дому, или он вырос татарин, но, оказавшись в родных местах, сразу же сбросил с себя навязанный пологом облик. Варианты былины редко содержат ответ на загадку. Василий может говорить, что он отправился на Русь «поискать себе роду, племени», и это точно соответствует логике сюжета.

Объяснение же загадочному мотиву надо искать в художественных законах, по которым описывается былинный мир: узнавание братьев должно непременно носить конфликтный характер; для Луки Петровича поиск брата совпадает с первым подвигом; традиционный противник богатыря — татарин, и брат принимает облик татарина, это тем более просто, что едет он из татарского плена.

Тема восстановления семейных связей, разрушенных в результате вражеского нашествия, тема спасения из плена широко представлены в песнях-балладах. В этих песнях нет богатырей, и вся тяжесть борьбы падает на плечи обыкновенных людей, часто женщин. Их решительность, нравственная стойкость, сила их любви торжествуют над злом и жестокостью. Нередко борьба кончается трагически: не найдя пути к спасению, девушка бросается в реку.

Одна из самых замечательных песен времен татарского нашествия — «Авдотья Рязаночка». Рязань первой подверглась разгрому полчищами Батыя в 1237 году.

В песне в отличие от былин картина разорения города воссоздается в соответствии с реальностью (в тексте Рязань сказители заменили на Казань, а татарского хана — на «короля турецкого»: такие анахронизмы в балладах и исторических песнях — обычное дело).

Славные старые король Бахмет турецкие,
 Воевал он на землю Российскую,
 Добывал он старые Казань-город подлесные.
 Он-де стоял под городом
 Со своей силой-армией.
 Много поры этой было, времени,
 Да й разорил Казань-город подлесные,
 Разорил Казань-де-город напусто.
 Он в Казани князей-бояр всех вырубил,
 Да и княгинь-боярыней
 Тех живых в полон побрал.
 Полонил он народу многи тысячи,
 Он повел-де в свою землю турецкую.

В былинах о татарском нашествии встречалась сходная картина, но разница в том, что враги только угрожали Киеву разорением, уничтожением людей и захватом полона, в песне же страшные угрозы описаны как свершившиеся. Героиня песни — Авдотья Рязаночка, простая горожанка. В плен увели ее брата, мужа и свекра, и она решает отправиться в землю врагов, чтобы попытаться выкупить хоть одного из них. На пути Авдотьи встают фантастические преграды, которые воздвиг Бахмет, но она все преодолевает: обходит «темные леса» с «лютými зверями», минует разбойничьи заставы, переплывает глубокие реки... И вот Авдотья стоит перед «королем турецким». Из его слов выясняется, что тяжелый путь Рязаночки — это *первое ее испытание*.

Ты Авдотья жёнка Рязаночка!
 Когда ты умела пройти путем да и дорогою,
 Так умей-ка попросить и головушки
 Из трех единых.
 А не умешь ты попросить головушки,
 Так я срублю тебе по плеч буйну голову.

Трудная задача — один из постоянных мотивов в сказке и в эпосе. Авдотья Рязаночка должна найти правильный ответ, который позволит ей увести из плена кого-то из трех близких ей людей. Вот ее ответ: когда она выйдет замуж, у нее будут муж и свекор, появятся сын и дочь, а потом и зять; только никогда у нее не будет «брatца родимого». Перед нами — один из тех «мудрых ответов», которые требуются для успеха задачи. В данном случае слова Авдотьи о брате оказывают особое действие: Бахмет признается, что при осаде города был убит его брат, и он понимает, как тяжела такая утрата. В награду за то, что Авдотья Рязаночка выдержала испытания, Бахмет разрешает ей взять «полону сколько надобно: кто в родстве, в кумовстве, в крестном братовстве». В результате Авдотья забирает весь полон, ведет его на родину.

Привела-де полон во свою Казань-город подлесную,
 Расселила Казань-город по-старому,
 По-старому до по-прежнему.

В том, что Авдотья выбирает брата среди других родных, проявляется не просто ее мудрость. И дело не в том, что она угадывает, как надо было ответить Бахмету. Мотив с выбором брата уводит нас в отношения первобытно-родового общества. Среди связей, которые объединяли первобытный коллектив, на первом месте стояли связи родовые, стояла принадлежность людей к одному роду. По законам первобытного общества жена принадлежала

к одному роду, а муж и дети — к другому. С точки зрения родовых связей самым близким женщине был брат.

Авдотья Рязаночка, выбирая среди трех родных брата, конечно, не догадывалась, что тем самым она следует древним нормам отношений. Перед нами тот случай, когда общественные явления далекого прошлого сохраняются как смутное воспоминание и художественно переосмысляются, давая материал поэтическим мотивам.

В песне об Авдотье Рязаночке слились впечатления народа от страшных последствий вражеского нашествия и его надежды на возрождение и на возвращение к прежней мирной трудовой жизни.

Особую тематическую группу составляют былины, повествующие о похищении врагами жены богатыря и о борьбе героя за ее спасение.

Исходная ситуация в них примерно одинакова: богатыря нет дома, он в отъезде, на охоте или выполняет какое-то важное поручение, и в его отсутствие является чужеземный царь (либо его посланник), который увозит женщину обманом (силой) или склоняет ее к отъезду соблазнительными обещаниями. Вернувшийся муж отправляется на поиски увезенной жены. Как разворачиваются события — это зависит в основном от поведения женщины.

Здесь в былинах возникает тема жены-предательницы.

Былина о Михаиле Потыке. Рассказ об увозе Марьи лебеди белой, жены Михаила Потыка, известен в нескольких версиях. По одной, к Киеву подступает король Ляхетский и требует от князя Владимира, чтобы тот отдал ему Марью. Князь Владимир вынужден согласиться, так как в этот момент у него все богатыри в разъезде. По другой версии, царь Иван Окулевич, явившись с войском, зовет Марью с собой:

А будешь слыть за мной ты царицею,
А за Михайлом будешь слыть не царицею,
А будешь-станешь слыть портомойница
У стольного у князя у Владимира.

Марья поддается на уговоры. Наконец, есть версия, где Марья сама посылает к королю Политовскому, прося, чтобы он увез ее в свою землю. Остальное содержание былин составляют перипетии борьбы мужей-богатырей за возвращение жен. Драматизм этой борьбы заключается в том, что они, сами того не ведая, борются не столько с похитителями, сколько с женщинами, которые предали их и готовы на всё, только чтобы сохранить свое новое положение.

Михаил Потык предан своей жене, слепо верит ей, и эта его доверчивость едва не стоит ему жизни. При встрече с бывшим мужем (Михаил Потык, конечно же, не знает, что он уже ей не муж) Марья прибегает к колдовским средствам.

Подносит ему чару зелена вина...
Где выпил, тут и в сон заснул.
Подскочила тут к коню да к богатырскому,
Принимает на плечо да на волшебное,
Спустила тут его было через плечо,
Сама же тут Михайлы приговариват:
«Где был молодой Михайла Потык сын Иванович —
Стань-ка нын горючий белой камешок,
Будь-ка, ты, Михайло, нын во камени».

По другому варианту, она уточняет условие колдовства:

Окаменей-ка ты, Михайла, ровно на три годышка, —
Как три годы пройдет, пройди да сквозь сыру землю.

Потыка освобождают от колдовства богатыри, отправившиеся специально на его поиски. В былинах обычно богатыри не обладают колдовскими способностями и знаниями, им кто-нибудь помогает. На этот раз в роли чудесного помощника Ильи Муромца и Добрыни Никитича выступает неизвестный странник — «калика незнакомая». Он предлагает им поднять и бросить через голову дорожный камень, но Добрыня поднимает только до колен, а Илья — по грудь.

Брал-то тут калика да незнаема
Этот-то да бел горяч камень,
Кидал он через свою да буйну голову.
Испроговорил калика таково слово:
«Впереди стань, доброй молодец,
Лучше стань ты, лучше прежнего». Пробуждался он со сну да богатырского,
Испроговорил Михайла таково слово:
«Ай же вы мои братцы крестовые!
Как я долго спал». Испроговяют его братья крестовые:
«Как бы не было у нас этого товарища, —
Не был бы теперь ты в живности».

И вновь, словно бы забыв о том, как поступила с ним жена, Потык устремляется на поиски ее. Психологически его настойчивость можно объяснить только одним: он любит жену и не верит в ее предательство. Во второй раз Марья поступает с прежним мужем не менее безжалостно: опоив его, она велит прибить его к стене и сама идет в кузницу, чтобы сковать гвоздь, который можно было бы забить ему в грудь.

Как жестоки бывают люди в былинах! Они предают своих противников мучительной казни, обрекают на физические страдания, которые даже трудно представить. Отчасти это соответствует нравам тех времен, к которым относится эпос. В эпоху первобытности «чужие», а тем более враги не считались людьми, с ними можно было поступать как угодно. Но и во времена феодализма жестокость в отношениях между людьми, особенно между врагами, соперниками, была самым обычным делом. Но былины не бесстрастно живописуют жестокости. Богатыря вынуждают к жестоким поступкам обстоятельства, необходимость отстаивать справедливость, хотя крайности, к которым они иногда прибегают в наказании зла, трудно оправдать. Богатырь просто и естественно переходит от жестокости к милосердию, к прощению. Но для сил зла жестокость — их постоянное и устойчивое качество, они не могут быть другими. Такова и Марья лебедь белая. К этому надо еще добавить, что противники богатырей часто связаны с «чужим», нечеловеческим миром, порождены им, и потому простые человеческие чувства, в том числе и милосердие, не свойственны этим персонажам. Цель Марьи — погубить Потыка, и для нее все средства хороши.

Одна из главных идей былинного эпоса заключается в том, что силы зла победить не могут, что богатыри — в своей борьбе за справедливость — рано или поздно торжествуют. Если у них в этой борьбе иссякают собственные

силы — им на помощь приходят другие. В былине о Потыке эту помощь предлагает дочь Ляхетского короля Настасья-королевична. Получив предварительно согласие Потыка — взять ее замуж, — она велит слугам снять со стены богатыря, а на его место прибить татарина (вот снова — милосердие и жестокость рядом!), и вылечивает Потыка от ран. В третий раз является Михайла Потык перед Марьей и в третий раз едва не поддается на ее обман.

Наливала Марья зелена вина...
Полагала туды зелья лютого,
Выходила она да на крылечко на переное,
Испроговорит Марья таково слово:
«Прости мя, дуру, жонку-страмницу, —
Муж по дрова, жена замуж пошла.
Выпей-ка чару зелена вина.
Твое дело есть дорожное,
Мое дело есть да подневольнее».

Потык уже готов выпить предложенное зелье, но Настасья-королевична велит ему взглянуть на свои руки — на них остались следы «ран превеликих».

Спомнил тут он прежний завет-то свой,
Кидал он эту чару зелена вина...
Хватал тут Марью лебедь белу, королевичну,
Кидал он Марью о сыру землю.

Былина о царе Соломане и Василии Окуловиче. Соломан — это не кто иной, как превращенный в былинного героя Соломон, иудейский царь, сын Давида, знаменитый персонаж библейской истории. В средние века в Европе были распространены книжные и устные сказания о мудром Соломоне. Эти сказания были известны и в Древней Руси, и одно из них получило самостоятельную былинную обработку. В былине Соломан — русский богатырь, но он отличается от других богатырей тем, что главное оружие его — не физическая сила, а мудрость. Соломан прозорлив — он предугадывает ход событий. Когда жена рассказывает ему «сон преужасный» (лебедь белая улетела из их сада, с правой руки ее скатился перстень, а камешки драгоценные рассыпались по горнице), царь предупреждает ее: она должна опасаться мужчин, ее могут обмануть.

В отсутствие царя Соломана Ивашка Поваренин, слуга царя Василия Окульевича, привозит Соломаниде богатые подарки, завлекает ее на корабль, дает ей «питья забудущие», то есть усыпляющие, и увозит. Соломанида с легкостью соглашается стать женой Василия.

Отправляясь на поиски похищенной жены, Соломан словно бы наперед рассчитывает, что с ним произойдет, заранее знает, где его подстерегает смертельная опасность, но предпринимает защитительные меры, которые обеспечат ему конечный успех. Если Потык действительно доверчив, то Соломан как бы играет доверчивого мужа. В действительности же он хочет убедиться, что он прав, подозревая жену в предательстве, а царя Василия Окуловича — в бесчестии, и намерен покарать их. Сюжет былины развивается в двух планах: Соломанида и Василий Окулович уверены, что каждый их очередной поступок приближает Соломана к гибели, но в действительности событиями управляет мудрый Соломан, а его противников в конце ждет расплата.

Соломан берет «силу несметную», добирается до царства Василия, оставляет силу в засаде и отправляется к Соломаниде. Когда появляется Василий, царица прячет Соломана, будто бы боясь гнева своего нового мужа. На самом деле она предает прежнего мужа. Василий готов тут же на месте казнить пришельца.

Спроговорит Соломан-царь Василью Окулевичу:
«Ай же ты прекрасный царь Василь Окулевич!
Уж не бей ты меня по-холопью,
А уж бей ты меня да по-царскому:
Прикажи казнить во чистом поли,
Прикажи поставить столбички точеные,
Прикажи класть гряточку орлёную (*перекладину*
с царскими знаками)
И поставить лестницы клейменные,
И повесить две петельки шелко́вые,
Чтобы знали, что царь царя казнил во чистом поли».

Царица Соломанида подозревает, что в просьбе Соломана кроется какой-то тайный смысл, поэтому она советует мужу повесить три петли: первую Соломан минует с помощью хитрости, вторую — с помощью мудрости, но третью ему миновать не удастся. Василий не принимает во внимание ее совета, и тогда она сама вешает третью, сняв с мужа пояс. Всё это подробности, которые, с одной стороны, проясняют поведение персонажей, а с другой — скажутся в финале.

Еще один эпизод выразительно характеризует участников конфликта. Соломана ведут на казнь, Василий и Соломанида едут в карете. Соломан говорит загадочную фразу:

Как передни-то колеса да как кони тянут,
А задни-то колеса да как ведь черт несет.

Василий не понимает смысла этих слов, он видит в них доказательство глупости Соломана.

Нам сказали, Соломан да нонь хитёр-мудёр,
А наконец-тко Соломана глупе тут нет.

Но Соломанида лучше знает своего бывшего мужа и снова подозревает подвох с его стороны, поэтому она торопит Василия поскорее исполнить казнь.

Уж ты ой еси, царь да сын Окулович!
Не давай ты невольки да ему ни на часок,
Как вези-тко ко рели да превысокой.

Смысл иносказания в самом тексте былины так и не разъясняется. Сказители это место комментируют так: передние колеса — это Василий, а задние — его жена; Соломан хочет сказать, что Василия понуждает к действиям Соломанида, а ее самое «черт несет», то есть злая сила, которой она служит.

Казнь превращается в триумф Соломана, полностью сумевшего осуществить свой план мщения. Он просит перед смертью разрешить ему протрубить в турий рог. Реакция Василия однозначна:

Да сказали, что Соломан хитёр-мудёр, —
Тебя, Соломана, глупея нет:
При смерти хочешь наигратися.

Звуками турьего рога Соломан одновременно достигает двух целей: собирает зверей и птиц «на царскую смеретушку» и дает сигнал своему войску — быть на месте казни.

Как затрубил — в реках вода застоялася,
Да высокие горы пошаталися,
Сильный пошел у моря шум великий,
Все птицы, звери заволновались,
Все летят на царскую смеретушку.
И второй раз затрубил во турий рог Соломан-царь, —
И поднялся у моря шум великий,
Вси звери и птицы зрадовались,
И скликают друг друга они,
Вси летят на царскую смеретушку.
Как поспешно затрубил и третий раз
Во турий рог Соломан-царь, —
Как налетела тут сила великая,
Которы люди, кони крылатые.

Становится понятным, почему Соломан просил две петли:

В первую петлю клали Ивашку Поваренина,
Во вторую петлю клали прекрасного царя
Василья Окульевича.

Соломанида же сама предопределила свою судьбу, повесив третью петлю. Соломан не винит ее ни за то, что она поддалась на уговоры Ивашки и пришла на корабль и выпила «питья забудущие» («Во первой вины тебя бог простит»), ни за то, что стала женой Василия («И во второй вине тебя бог простит»), но он не может простить ее за предательство («посадила меня в окован ларец») и за то, что готова была казнить его и даже сделала сама петлю.

Предательство расценивается в эпосе едва ли не всех народов как одно из самых тяжелых преступлений. Оно подлежит безусловному наказанию, но оно еще и подвергается нравственному суду. Ближайшую параллель к русским былинам о женах, предавших богатырей, представляет южнославянская юнацкая песня о воеводе Момчиле, его жене Видосаве и царе Вукашине, известная более всего в сербских и болгарских версиях. Воевода Момчил — великий юнак (то есть богатырь), он живет в суровом глухом краю. О красоте его жены Видосавы узнает король Вукашин. Он пишет ей письмо, предлагая ей отравить мужа и стать его женой. Мрачному виду Дурмитора, вечно покрытого льдом и снегом, он противопоставляет красоту своего города — Скадра, окруженного виноградниками и маслинами. Главное же — она будет у него ходить в бархате, «в парче заморской»... Видосава, собирая мужа на охоту, подпаливает крылья у его чудесного коня и заливает соленой кровью саблю, обладающую волшебными свойствами. Из-за этого предательства Момчил в час опасности оказывается беспомощным и гибнет. Но Вукашин, увидя, как безжалостно расправилась Видосава с Момчилом, боится, что когда-нибудь она предаст и его, и велит казнить женщину.

В эпосе многих народов историям о женах-предательницах противопоставлены сказания о женах, сохраняющих верность своим супругам и своей земле: они стойко сопротивляются похитителям, ждут спасения и сами иногда активно борются за свое освобождение. Таковы песни о великом сербском юнаке Марке Кралевиче и его верной жене, среднеазиатская поэма об

Алпамыше и Барчин, киргизское сказание «Семетей и Айчурек»... Сюда же можно отнести отчасти русскую балладу «Князь Роман и Марья Юрьевна».

Как это часто бывает в эпосе, Марья Юрьевна видит сон, предсказывающий несчастье: перстень упал с ее пальца и рассыпался. Она сама толкует сон:

Прибегут ко мне из-за моря
Три червлённых три корабля,
Увезут меня, Марью, за сине море...

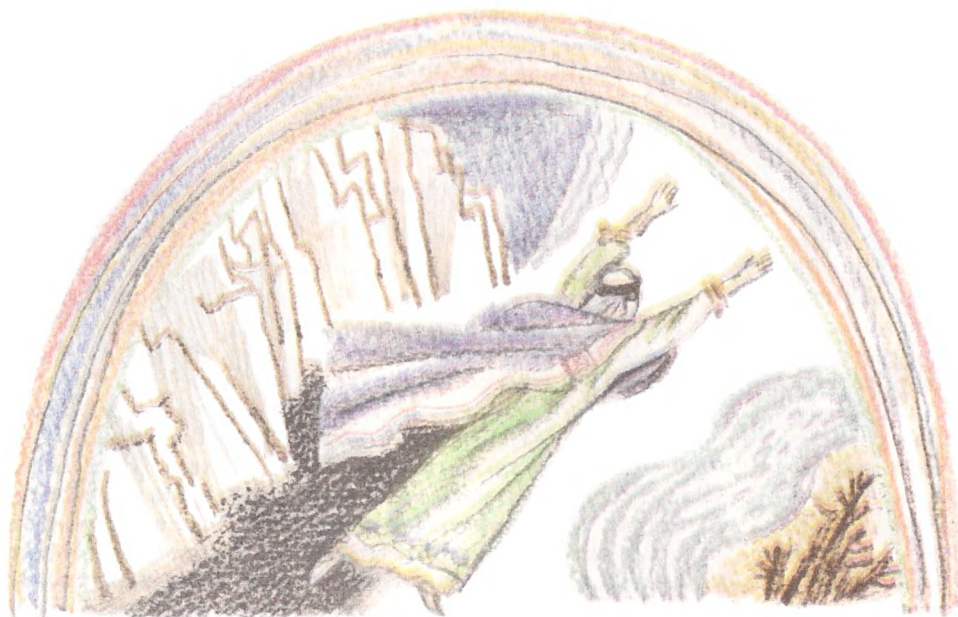
Муж ее, не веря в силу сновидений, оставляет жену одну и отправляется на охоту, но предсказание исполняется: появляются три чужих корабля. Марья Юрьевна пытается укрыться в саду, но ее обнаруживают по ее следам, хватают и увозят «за сине море». Чужеземный царь сразу же хочет жениться на ней, но она просит дать ей срок. В отсутствие царя Марья Юрьевна сумела напоить служанок и бежала. Картина бегства — одна из самых поэтических в русских балладах. На пути женщины встают горы, которые сталкиваются всякий раз, когда кто-то пытается пройти их; Дарья-река без мостов и бродов; море. Ко всем к ним Марья Юрьевна обращается с призывом:

Пропустите Марьюшку на святую Русь.

Горы, река, море откликаются на ее просьбу; они поступают так потому, что

Постояла Марья за закон божий,
Не срамила с головы да золоты венцы,

то есть, сохранила верность своему первому браку, не поддавалась на уговоры чужого царя.

БОГАТЫРСКИЕ СВАДЬБЫ

*Уж ты батюшко Владимир стольникийский!
Еще все у тя в пиру испоженены,
Еще красны те девки да замуж выданы,
Еще я на пиру един холост сижю,
Да холост-де сижю, да неженат слыву.
Благослови-ткосе, Владимир-князь, женитися.*

В эпосе всех народов тема сватовства и брака богатыря занимает одно из главных мест, и в разработке ее эпические памятники обнаруживают много общего. У богатыря где-то есть «суженая», предназначенная ему в жены девушка, и он должен найти ее. Часто встреча богатыря с будущей невестой выглядит случайной, но на самом деле она predetermined. В других версиях богатырь точно знает, кто его суженая, и в положенный срок отправляется за ней. Общим мотивом в эпосе является то, что богатырь на пути к предназначенному браку должен преодолеть тяжелейшие препятствия, пройти сложные испытания, принять участие в жестокой борьбе, которая иногда кончается кровавой развязкой. На пути жениха встают соперники, другие претенденты, ему препятствуют родители невесты, а иногда и сама невеста оказывает сопротивление. Другими словами, сватовство богатыря приобретает характер героического подвига. Это особенно очевидно, когда богатырь отправляется за невестой в чужую землю, а иногда — в землю врагов.

Поиски невесты и женитьба героя составляют содержание многих сказок. В них герой тоже проходит разного рода испытания, терпит временные неудачи, но в конце концов сказки завершаются счастливым браком. В достижении успеха герою помогают чудесные силы и волшебные слуги. Дальнейшая судьба молодой семьи сказку никогда не интересует: довольно того, что они «стали жить-поживать и добра наживать». Не то в эпосе. Женитьба богатыря — это важный этап в его героической биографии, но с нею не кончаются

богатырские деяния. Верная, любящая жена становится соучастницей этих деяний. В казахской поэме «Кобланды-батыр» Кортка — идеальная жена: она дает мужу мудрые советы, предохраняя его от ошибок, она терпеливо ждет его из походов. Отчасти похожа на Кортку жена Добрыни. Богатырь даже хвастает ею на княжеском пиру.

Вот и нечем топерь мни выхвастывать:
Ах и нету ни имения, ни богатства,
Ах и нету-то без счету золотой казны, —
Только есть одна по ндраву молода жена,
Молода жена да любимá семья,
Любима семья, Наталья свет Никулична.

В картинах прощания Натальи с отъезжающим в поход мужем выразился крестьянский взгляд на отношения в семье, какими они должны быть.

Тут бежала Настасья свет Никулична
Да скоренько да на широкой двор,
Увидала там Добрынюшку свет Никитича:
Он сидит там на добром коне,
Он да держит-то во ручке плеточку шелковую.
Подбегала она тут к нему скорёшенько,
Забегала-то с плеча, да боку правого,
Да ко той ко правой стремяночке,
Тут смотрела она на него еще прямёшенько,
Говорила она ему милёшенько:
«Ай же ты Добрыня свет Никитинич!
Ты куда топерь от нас отправляешься?
Ты далече ли отдаляешься,
Нам во терем сегодня не являешься?
Нам когда тебя пождать, когда в окошечко посматривать?»

Ждать ей придется, по словам мужа, двенадцать лет, и она не должна верить слухам о его смерти, и лишь по прошествии срока она вправе остаться вдовой или выйти замуж снова. Настасья твердо соблюдает условие и сама к назначенным годам ожидания добавляет еще несколько лет.

Но образ верной, любящей жены богатыря в былинах редок. Столь же редко богатырское сватовство завершается благополучно. Встреча с суженой почему-то оборачивается для богатыря и для невесты несчастьем, трагической развязкой.

«**Дунай Иванович**». Дунай в Киеве — заезжий богатырь, прежде чем появиться при дворе князя Владимира, он служил у литовского короля. Именно поэтому, когда Владимир хочет жениться на королевской дочери, он посылает сватом Дуная. Но, кроме этого, князь полагается на богатырские силы Дуная и его провожатых.

Ты уж силы-то бери, да сколько тебе надобно,
Поезжайте за Опраксеей да королевичней.
А добром король дает, дак вы и добром берите,
А добром-то не даст — берите силою,
А силой возьмите да богатырскою,
А грозою увезите да княженецкою.

Дунай берет с собою Илью Муромца и Добрыню Никитича, и они втроем справляются с задачей: литовский король отказывается отдать дочь за Вла-

димира, которого он называет «бывшим холопищем», и богатыри наводят страх на город, увозят Опраксею.

По дороге домой богатыри видят след коня, а на следу — надпись:

Кто-де за мной в сугон погонится,
А тому от меня да живому не быть.

Неизвестный богатырь бросает вызов, и принимает его Дунай. Поединок кончается тем, что Дунай сшибает противника с коня. Поверженный богатырь оказывается женщиной.

Гой еси ты, удалой доброй молодец!
Не коли ты меня, девицу, до смерти.
Я у батюшка сударя отпрошалася —
Кто мене побьет во чистом поле,
За того мне, девице, замуж идти.

Дунай сразу догадывается, что побежденная им богатырка — это его суженая.

Служил я, Дунай, во семи ордах,
В семи ордах семи королям,
А не мог себе выжить красныя девицы.
Ноне я нашел во чистом поле
Обручницу-сопротивницу.

Женщина-богатырка — персонаж, хорошо знакомый эпосу многих народов. В сказаниях эвенков девушка богатырской силы, достигнув совершеннолетия, отправляется на поиски своего суженого. Встречая богатырей, она вступает с ними в состязания (скачка на оленях) и побеждает — пока ей не попадается на пути тот единственный, кому суждено победить девушку и стать ее мужем.

В сказаниях среднеазиатских народов герой должен вступить в состязание или в поединок с богатырской девой. Иногда она сама предлагает: «Если ты победишь меня, то я выйду за тебя замуж». Борьба продолжается долго, и победа мужчины означает, что девушка действительно предназначена ему в жены.

Представления о девушках-богатырках уходят в глубокую древность, в мифологию. В героическом эпосе эти представления сохранились отчасти в виде следов (мотив: девушка живет в «небесном мире», она — дочь властителя этого мира, обладает чудесными качествами), отчасти получили новое истолкование (девушка принадлежит «чужому», враждебному миру, она — дочь иноземного правителя). Сохраняется главный мотив: мужем богатырки может стать лишь богатырь, способный укротить ее. Будучи побежденной, она становится обыкновенной женщиной. Но в случае с Дунаем и Настасьей этого не происходит. В Настасье сохраняются еще какие-то остатки богатырской природы, и они дают о себе знать, а это приводит к трагедии. На княжеском пиру пьяный Дунай вздумал хвастать тем, что нет в Киве лучшего, чем он, стрелка из лука. Настасья возражает мужу: она не уступит ему в стрельбе. Тут же устраивается состязание: участники по очереди должны стрелять в кольцо, которое у них будет на голове. Первой стреляет Настасья — и сшибает кольцо с головы Дуная. Теперь очередь жены — стать с кольцом на голове, а Дунаю стрелять в него. Присутствующие уговаривают богатыря отложить состязание. Но он непреклонен.

В былинах встречаются ситуации, когда богатыри проявляют необъяснимое упрямство, действуя вопреки рассудку, наперекор здравым советам. В данном случае упрямство Дуная вызвано одним только стремлением доказать свое превосходство.

Становил стоять молодѹ жену.
И втапоры его молода жена
Стала ему кланяться и перед ним убиваться:
«Гой еси ты, мой любезной ладушка!
Молоды Дунай сын Иванович!
Оставь шутку на три дни,
Хошь не для меня, но для своего сына нерожденного, —
Завтра рожу тебе богатыря,
Что не будет ему сопротивления».
Тому-то Дунай не поверовал,
Становил свою молодѹ жену Настасьѹ-королевичну
На мету с золотым кольцом,
И велели держать кольцо на буйной главе.
Стрелял Дунай за целу версту из туга лука,
А и первой стрелой он не дострелил,
Другой стрелой перестрелил,
А третью стрелой в ее угодил.

В утробе погибшей женщины находят ребенка,
который по всем приметам обещал стать вели-
ким богатырем. Дунай в отчаянии закаляется.
А где пала Настасья Никулична,
Пускай падет Дунай Иванович.

Таков трагический финал былины. Но героическому эпосу чужда идея полной, необратимой смерти. Герои, погибая, дают жизнь рекам:

От Настасьи текла да речка Черная,
От Дуная текла да вот Дунай-река.

Представление о реках, рождающихся из крови погибших героев, восходит к мифологии. В былине этот мотив служит утверждением бессмертия богатырей. А заключительные слова в некоторых вариантах былины говорят и о вечном движении рек и вносят в рассказ о трагедии умиротворяющее начало.

Вода с водой да не стекается, —
Теките от века и до века,
В одно место сходитесь и расходитесь,
Вода с водой не мешайтесь.

«Иван Годинович». В отличие от Дуная Иван Годинович точно знает, кто его суженая. Правда, варианты называют разные имена, но один признак устойчив: девушка принадлежит чужой земле; при этом у нее может быть русское имя. Конфликт возникает оттого, что суженой девушка оказывается лишь в представлении богатыря, а в действительности либо она просватана за другого, либо родители не желают отдавать ее за Ивана Годиновича. Богатырь вынужден вести борьбу за невесту в несколько этапов. Сначала ему предстоит преодолеть сопротивление родителей и отчасти самой невесты. Отец сопровождает отказ оскорбительными замечаниями:

За царя отдать — ей царицою слыть,
Панове все поклонятся,
Пановя и улановя,
А немецких языков счету нет;
За тебя, Иван, отдать — холопкой слыть,
Избы мести, заходы скрести.

Иногда еще более резко:

У меня срошена собака на моем дворе, —
Отдать за тебя, Иванушко Годинович.

Иван Годинович в ответ учиняет настоящий разгром в чужом царстве, врывается в комнату, где его «суженая» вышивает «шириночку», «шелками заморскими», украшая «красным золотом», «чистым серебром» и «скатным жемчугом», и всё — для своего жениха «царища Вахрамеища». Тем не менее она вынуждена подчиниться богатырю. На прощание она укоряет отца, который не сумел выдать ее замуж должным образом, «без драки да без кроволитною». Теперь настает момент, когда унижен король.

А и перепался он со страху ту с великого,
Он под стол-то, король, он да запихался же,
А и он же куньей-то же шубой сам закрывался же,
И говорил тогда король да королевы своей...
«Ты поди-поди скорё да провожай же ты
Э и ты свою ту дочь любимую, Настасью Митреяновну,
Э и ты давай с собой придано-то сколько надобно:
Э и ты давай первую телегу красна золота,
И насыпай втору телегу чиста серебра,
А и ты третью ту телегу насыпай дорогого скатна жемчуга».

Почему Иван Годинович с таким упрямством хочет получить невесту, даже зная, как он ей не мил? Отчасти это можно объяснить тем, что отказ ущемляет богатырскую гордость, затрагивает честь жениха, а иногда и честь князя Владимира. Проявляется и строптивость богатыря, который раз решив что-нибудь не отступит от своих намерений. Но здесь еще дает себя знать и одна из устойчивых идей былин о сватовстве: дочь короля — суженая Ивана Годиновича, брак с нею предопределен, богатырь не может отказаться от него — это его судьба. Трагическая ситуация возникает потому, что представление о суженой сталкивается в былине с другой столь же важной идеей, согласно которой богатыри не должны входить в родственные, мирные, добрые отношения с «чужим» миром. Брак с женщинами из этого мира — чужеземных царей и королей, богатырок, волшебниц — противоречит нравственному кодексу богатырского мира. И он либо не совершается (что-то мешает), либо влечет несчастные последствия. На пути Ивана Годиновича встает претендент, «законный» жених, которого ждала Настасья.

На ту пору, да на то время
Не шум шумит, да не гром гремит, —
Налетел-то Кошей-то Бессмертный,
Зарычал Кошей да во всю голову,
Мать сыра земля всколыбалася,
Сыры дубья пошаталися:
«Ай же ты Иванушко Годинович!
Выходи-тко ты из бела шатра,

Станем-ка, Иван, со мной бой держать, —
Кому на бою будет божья помочь,
Кому владеть Настасьей дочерью Митриевою».

Наступает самый драматический момент в сюжете былины: Ивану Годиновичу удастся возобладать в поединке, но тут на помощь Кощей приходит Настасья. Кощей не напоминает ей, что она за него просватана. Он заново предлагает сделать выбор между двумя претендентами:

За Иваном быть тебе — крестьянкой слыть,
А за мной-то быть тебе — княгиней слыть.

В вариантах разница в будущем положении еще разительнее: с Иваном — быть ей «портомойницей» у князя Владимира, за Кошеем — царицей быть. И выбор Настасьи определяется не прежним договором о сватовстве, а соображениями корыстными: она хочет быть княгиней, царицей.

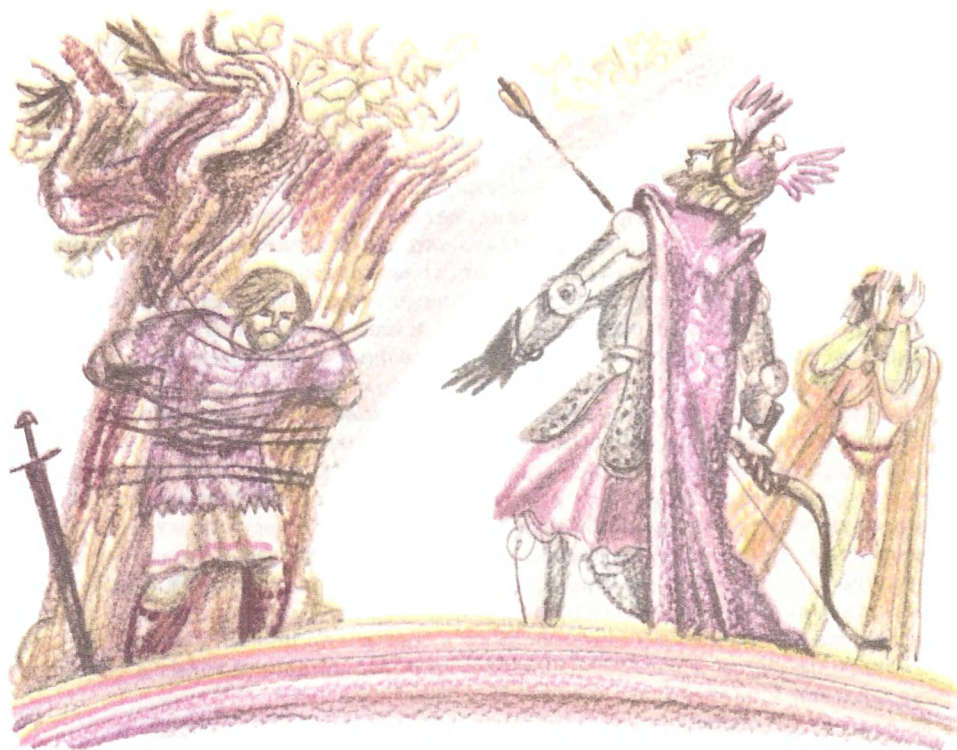
Она брала Ивана Годиновича за желты кудри
И стащила с Кошея Бессмертного...
И приковали Иванушка ко сыру дубу...
И расставили шатер белополотняный,
И зашли с Кошеем да забавляться.

Здесь в события включается чудо. В былинах именно чудо приходит на помощь богатырю, когда положение его кажется безнадежным, и чудо является, чтобы восстановить справедливость и покарать зло. В былине оно возникает в виде двух голубков, которые садятся на дуб, развлекают Ивана и вызывают раздражение у Кошея. Ему не нравится «любовь голубиная» — может быть, он усматривает насмешку над его с Настасьей отношениями, лишенными настоящей любви. Он хочет застрелить голубей, но Настасья советует ему стрелять в Ивана. Однако стрела, пущенная им, отскакивает от дуба и возвращается, чтобы поразить самого Кошея. В финале былины Иван казнит Настасью.

Суженые из чужого мира в разных былинах принимают различный облик и ведут себя неодинаково. Марья лебедь белая, могущественная волшебница, прикидывается суженой Потыка с единственной целью — увлечь его в царство смерти. Вереницы девушек, среди которых Садко должен выбрать невесту, все — кроме одной — мнимые суженые: брак с любой из них навсегда делает Садко обитателем Морского царства. Маринка-волшебница «привораживает» Добрыню, внушает ему мысль, что она его суженая, и только чудо возвращает ему человеческое состояние. Встречи с «сужеными» — представительницами чужого мира — это одно из самых трудных испытаний для богатырей, и проходят они его по-разному. Но в былинах на эту тему звучит одна и та же мысль — о том, что браки, совершенные не по правилам, вопреки моральным нормам, приносят богатырям одну беду.

«Правильная», «нормальная» богатырская свадьба со счастливым концом разыграна в **былине о Соловье Будимировиче**. Необычно начало былины: развертыванию сюжета предшествует поэтический запев, с сюжетом прямо не связанный.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота, окиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские.

Всего в четырех стихах передано поэтическое ощущение просторов русской земли, ее необъятности.

Но картина эта включает в себе также след древнего мифологического образа мира — с обязательным членением его на три сферы: верхнюю («Высота ли, высота...»), нижнюю («Глубота, глубота...») и среднюю («...по всей земли»).

Такое начало задает тон всему былинному повествованию: можно понять, что пойдет рассказ о событии, важном для целого мира, то есть «обыкновенная» свадьба приобретает значение необыкновенное. Уже само появление жениха в Киеве описано с особенной красочностью.

А из-под дуба, дуба, дуба сырого,
А из-под того с-под камешка с-под яхонта,
А выходила-выбегала там Волга мать-река,
Да как устьём бежит да во синё море,
А во то во сине море во Турецкое.
А по той ли по матушки по Волги-реки
А бежало-бежит а тридцать три корабля,
А еще там бежало-бежит да без óдного,
А один тот корабль есть лучше-краше всех, —
Да как тут в кораблю было написанноё,
Да как тут в кораблю напечатанноё:
А написан-то нос-от по-змеиному,
А корма-то была по-звериному,
Тут кодолы-канаты были шелковые,
А паруса тут были из семи шелков...

Да как тут было в том кораблю
Да млад сидит Соловей да сын Будимирович
А со своим со дружинами с хоробрыма,
А хоробрыма дружинами Соловьёвыми,
Ино со своею со родною со матушкою.

Маршрут кораблей Соловья Будимировича — Волга, море Турецкое (Черное?), Киев — с точки зрения реальной географии прежних времен невозможен. Неверно думать, однако, что певцы здесь просто ошиблись, проявили плохое знание карты Руси. Былинная география никогда не бывает точной, в ней всегда есть нарушения или даже фантастика. Поэтические задачи здесь всегда на первом плане. В данном случае певцам очень хотелось воспеть Волгу и чтобы корабли Соловья непременно плыли по ней.

Соловей Будимирович является в Киев сказочно богатым гостем. Каждый его шаг отмечен по-особенному: мать Соловья сходит с корабля на берег «по серебряным сходенкам», а сам Соловей — «по золотым». Он подносит князю и княгине драгоценные подарки — «сорок сороков черных соболев», заморскую ткань, взамен же просит только разрешить ему поставить в центре Киева «три терема златоверхних». Дружина Соловья сооружает терема за одну ночь. В вариантах их строят, вырубив предварительно сад. Наутро любящая племянница князя Владимира видит эти терема и идет к ним. Внутри они так же сказочно красивы, росписи в них воспроизводят небесный свод с солнцем, месяцем и звездами. Любавушка Забавишна заходит в терем, где развлекается Соловей:

Там вси скачут, пляшут они, песенки поют,
Во музыки да во скрыпочки наигрывают.

Любавушка обращается к Соловью с неожиданным предложением: «А возьми-тко меня ты за себя замуж». Соловей выговаривает ей: девушке не пристало самой себя просватывать. Она убегает.

Вслед за тем уже сам Соловей идет во дворец «большим сватом». Он изысканно вежлив, он знает и соблюдает правила сватовства, совершает обряд рукобитья, молодых венчают в церкви. Соловей увозит жену «за синё море».

А начал он тут да жить-то быть,
А жить-то, быть да семью сводить,
А семью сводить да детей наживать...

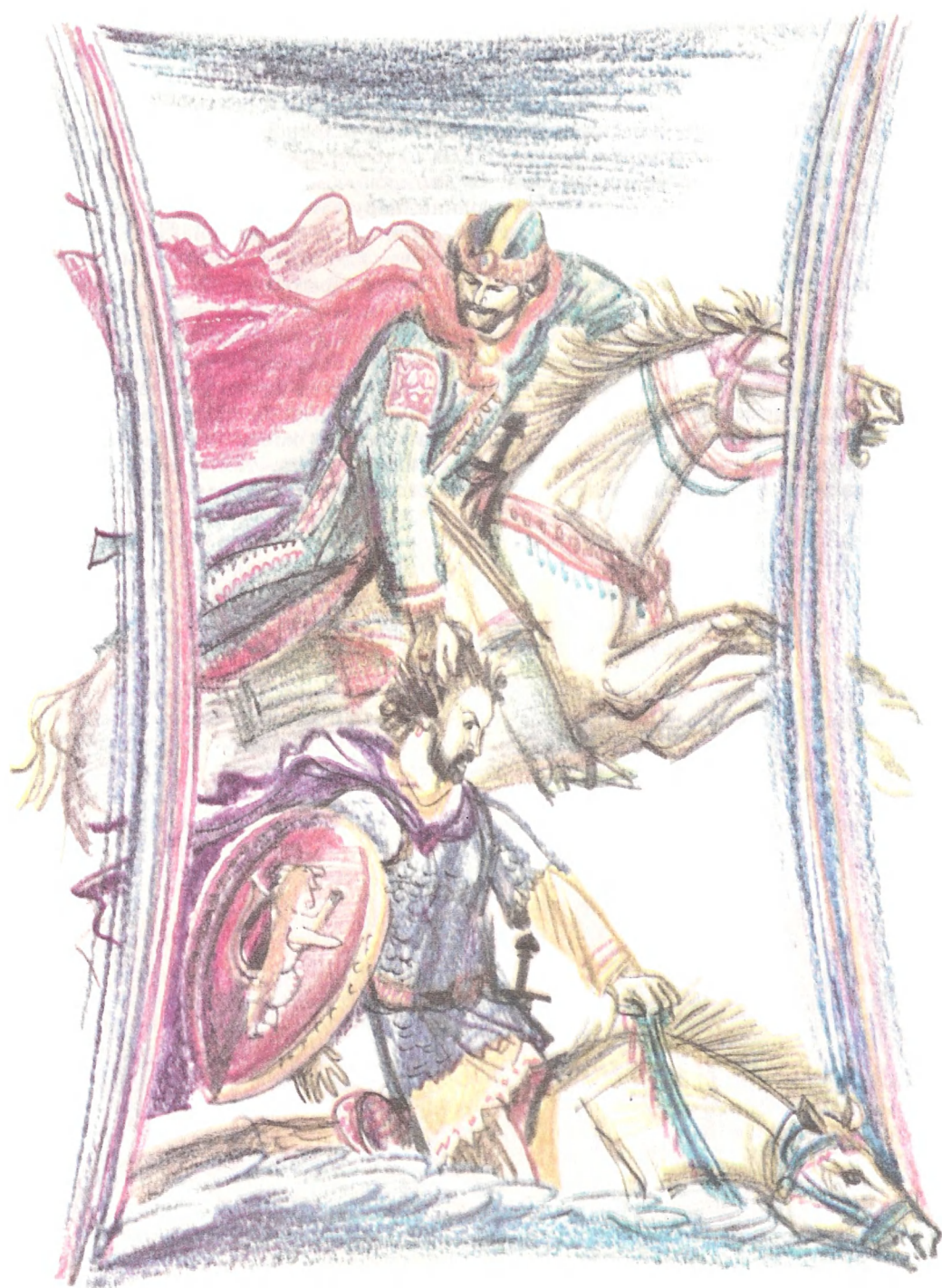
Теперь, в свете этого счастливого финала, прочитаем былинку заново. В ней отчетливо обнаруживается символический план, который покрывает весь ее сюжет и который может быть разъяснен с привлечением свадебного обрядового фольклора.

Соловей Будимирович является в Киев как жених. Не случайно с ним приезжает матушка — без ее участия «нормальный» брак состояться не может. В народных песнях жених часто изображается приплывающим издалека на корабле. Так что о Соловье Будимировиче трудно сказать — реален ли его приезд Волгой и Турецким морем либо это всего лишь символ появления жениха. То же самое можно сказать и относительно принадлежности Соловья к купеческому сословию. То ли он настоящий купец, то ли жених, которому предстоит выкупить невесту, одарить родителей богатыми подарками.

В сказках, в песнях жениху, чтобы взять невесту, надо выполнить разного рода трудные задачи, и среди них — построить в небывало короткий срок дворец или терема. В песнях задачи эти — игра, но былинный жених оказывается способным по-настоящему решить условие.

Соловей Будимирович — это как бы превратившийся в реальность песенный персонаж. То, что в песнях изображалось как условность, как воображаемое, в былине воплотилось в зримые дела. С точки зрения народных обрядов и народного понимания Соловей Будимирович — идеальный жених. А невеста? Почему она ведет себя так странно, нарушая якобы нормы поведения девушки? Здесь мы сталкиваемся с условностью былинной. Поведение Любавушки объясняется просто. Она знает, что где-то есть ее суженый, который явится к ней рано или поздно. Она узнает своего суженого по его делам — по выполнению им трудной свадебной задачи. Увидя выстроенные за ночь терема, девушка идет к ним и в Соловье Будимировиче узнает суженого. Ее слова: «Возьми меня ты за себя замуж» означают не что иное, как признание того, что она встретила предназначенного ей жениха. Кстати сказать, мотив «самопросватывания» попадаетея и в других былинах, но там он привязывается к мнимой суженой, которая обманом хочет завлечь героя. Соловей Будимирович, найдя настоящую суженую, хочет, чтобы их брак совершился по всем правилам. Это должно обеспечить их счастливую жизнь.

БОГАТЫРСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ

*И ударились они о велик заклад,
Да не о ста они и не о тысяче —
Да ударились они о своих буйных головах.*

Загану-то я тебе шесть загадок хитроумных...

Известно немало былин, герои которых не мечут копьё, не стреляют из луков, не вступают в рукопашную. Соперничество, несогласие, конфликты разрешаются здесь через разного рода состязания, и побеждает тот, кто умнее, хитрее, кто может выдержать назначенные испытания, решить трудные задачи. Герои былин обладают качествами, необходимыми для победы. Соперниками их часто оказываются князья или их приближенные. Тем самым конфликты приобретают социальную окраску. Герои-победители как бы воплощают народное начало. В роли соперников выступают также персонажи из «чужого» мира. Былины о состязаниях заключают немало веселых, подчас смешных подробностей, ярких описаний, занимательных эпизодов. Сюжеты их так разнообразны, что лучше всего рассматривать их каждый в отдельности.

«**Садко и Морской царь**». Былина эта удивительным образом соединяет реальные картинки жизни древнего Новгорода с причудливой фантастикой. Но такую двуплановость былины видит только современный читатель, что же касается древних слагателей ее, то для них все от начала до конца было реальностью. В первых эпизодах былины воссоздана ситуация, хорошо знакомая новгородцам: богатый купец Садко нагружает корабли товарами и отправляется в чужие страны. С редкой для былин точностью передается его маршрут: Волхов — Ладожское озеро — Нева — море. Правда, тут же эта

точность нарушена: морем герой попадает в Золотую Орду. То, что происходит на обратном пути, представляется нам как фантастика, но для новгородцев это — реальность: корабли Садко застывают на месте, хотя буря рвет паруса. Северные сказители в этом месте былины вносят детали, характерные для мореплавания в северных же морях: Садко посылает своих слуг проверить, не сели ли корабли на «луду подводную» (на подводную россыпь камней, каких много на Белом море). Но причина в другом, и новгородские мореходы сразу же догадываются о ней: это Морской царь напомнил, что ему давно не платили дань. В былине отражено воспоминание об очень древней и безжалостной форме дани — человеческой жертве. Морской царь отвергает бочки с золотом, серебром, жемчугом, ему нужен человек. Но скоро выясняется, что ему нужен только Садко: корабельщики несколько раз бросают жребий, кому идти в море, и каждый раз жребий указывает на Садко.

Из дальнейшего повествования становится очевидным, что Садко нужен Морскому царю вовсе не в качестве жертвы. Тем самым былина резко расходится с мифологической быличкой. В рассказе о пребывании Садко в морском царстве сплетаются противоречивые мотивы, и не так просто понять, зачем в конце концов Морской царь призвал его. Самим сказителям было не все ясно, и поэтому приходится распутывать сохраненные ими варианты, чтобы добраться до смысла. На долю Садко выпадает три испытания. Первое — он должен подтвердить славу великого музыканта, повеселить царя игрой на гуслях. Но игра оборачивается бедой.

А й как начал играть Садке во гусли во яровчаты,
А как начал плясать царь Морской топерь в синём мори,
А от него сколебалося всё сине море,
А сходилася волна да на синём мори,
А й как стал он разбивать много черных кораблей да на синём мори,
А й как много стало ведь тонуть народу да в синё морё...

Как остановить разгулявшуюся стихию? Рядом с Садко оказывается старичок, которого Морской царь не видит: он советует порвать струны и выломать «шпенечки». Вновь фантастический былинный мотив оказывается отражением бытовых представлений новгородских мореходов: «старичок» — это святой Микола Можайский (или Микола Мокрый), которого новгородцы почитали как покровителя, защитника от бурь и морских бедствий. Характерно, что в былине идет скрытая борьба «языческого» (Морской царь — это персонаж дохристианской мифологии) и христианского (Святой Микола). Садко поступает соответственно советам Микола и благодаря им в конце концов спасается.

Второе испытание — Садко должен разгадать трудную загадку. В некоторых вариантах ему приходится решать, кто прав — царь или царица. В сказках и эпических сказаниях от верного решения задачи зависит — иногда жизнь героя, иногда успех его дела. Очень часто отгадка — условие женитьбы героя.

Говорит Поддонный царь:
«...Ты скажи-скажи и поведай мне,
Что у вас на Руси есть дорого?
У нас с царицею разговор идет,
Злато или серебро на Руси есть дорого
Или булат-железо есть дорого?»

Говорит ему Садко-купец, богатый гость:
«Ай же ты Поддонный царь!
Я скажу тебе и поведаю —
У нас злато-серебро на Руси дорого,
А булат-железо не дешевлея;
Потому оно дорого,
Что без злата-серебра сколько можно жить,
А без булату-железа жить-то невозможно...»

Мифологические, сказочные и эпические загадки всегда заключают в себе некоторую каверзу: простой и поверхностный ответ будет ошибочным. Глубинный и, следовательно, правильный ответ известен герою. Давая его, герой подтверждает, что это именно он — тот, кого ждали.

Из следующих слов Морского царя становится ясным, что ждали и испытывали жениха.

А й не угодно ли тебе, Садке, жениться в синем море
А й на душечке как на красной на девушке...
А й завтра выбирай себе девицу да красавицу
По уму себе да по разуму.

Выбор невесты, суженой — последнее, самое важное испытание для Садко: три группы по триста девиц каждая пройдут мимо жениха и он должен остановить свой выбор на одной. Все дело, однако, в том, что Садко не

должен жениться в морском царстве, иначе он навсегда останется здесь. И снова на выручку приходит Микола Можайский: он указывает Садко ту, которую ему надо выбрать, чтобы вернуться домой, — девушку Чернаву. Опять загадка — почему именно ее? По одним вариантам, она — единственная земная девушка и это обеспечивает возвращение жениха домой. Но по другим вариантам, девушка эта — воплощение реки, текущей близ Новгорода. Когда Садко просыпается после брака, он видит себя лежащим на берегу реки Чернавы.

Вот как причудливо слились в былине мифология и реальный быт, вера народа в существование фантастического морского царства и опыт мореплавателей. В образе Садко проглядывают черты и мифического героя, волшебного музыканта, и эпического жениха, который должен найти свою суженую, и богатого новгородца... И трудно обнаружить достаточно точно, где кончается один и начинается другой. Во всяком случае, Садко мало похож на киевских богатырей-воинов. Все, что с ним происходит, делается по чьей-то воле. Но именно то, что он проходит эпические испытания и благополучно возвращается домой, и определяет его принадлежность к когорте богатырей.

Среди многочисленных персонажей, населяющих былинный мир и выступающих антагонистами богатырей, свое особое место занимают женщины, наделенные сверхчеловеческими волшебными способностями. С помощью колдовских средств, хитростью они пытаются завлечь богатырей, с тем чтобы погубить их. Богатырям удается избежать гибели только потому, что они или вовремя разгадывают коварные замыслы колдуний и опережают их, или правильно решают трудные задачи, им задаваемые, или, наконец, получают чью-то помощь. Именно богатырь обыкновенно кладет конец «победам» женщин-волшебниц: Илья Муромец сбрасывает в погреб, уготованный ему, «душечку красну девицу» и выводит оттуда на волю заточенных волшебницей богатырей («Три поездки Ильи Муромца»); Добрыню, которого Маринка Игнатьевна превращает в гнедого тура, спасает мать. В обоих сюжетах прослеживается один и тот же мотив: волшебница хочет стать женой богатыря, но только лишь для того, чтобы легче было погубить его; препятствуя этому браку, богатырь тем самым сохраняет свою жизнь. Сходный мотив, но в других сюжетных обстоятельствах, развивается и в былине «Глеб Володьевич и Маринка Кайдаловна». Маринка не просто волшебница, она еще и правительница страны: по одним вариантам, это — «земля Арапская», по другим — «Корсуньская». Название не имеет значения, важно, что это «чужая» земля, а город, где живет правительница, стоит у моря. Былину надо читать с оглядкой на былинку «Садко и Морской царь» — между ними есть несомненная перекличка. Корабли, посланные Глебом Володьевичем, буря забрасывает к Маринке, и она взимает с попавших в беду пошлину.

Паруса ронили — брала пошлину,
Якори-ти бросали — брала пошлину,
Шлюпки на воду спускали — брала пошлину,
А как в шляпочки садились — брала пошлину,
А к мосту приставали — мостову брала,
А как по мосту шли — да мостову брала,
Как в таможду заходили — не пропустила через таможду),
Набирала она дани-пошлины не множку, не мало — сорок тысячей.

Особую ценность составили «трои перчаточки»:

А как эти перчаточки а не шиты были, не вязаны,
А вышиваны ти были красным золотом,
А высаживаны дорогим-то скатным жемчугом,
А как всажено было каменьё самоцветной;
А как первы ти перчатки во пятьсот рублей,
А други ти перчатки в целу тысячу,
А как третьим перчаткам цены не было:
Везены эти перчатки в подареньицо
А тому же ведь князю всё Володьему.

Былинные певцы любят описывать вещи, предметы, почти всегда наделяя их особенной красотой, изысканностью. Почти любая вещь в былинах оказывается необыкновенно красивой и богатой, ей придана какая-то особенная ценность. В данном случае «третьи перчаточки» особо дороги потому, что предназначены в дар князю киевскому. Забирая их, Маринка словно бы бросает вызов самому Киеву. В то же время в ее поступках есть скрытая цель — заполучить в город Глеба Володьевича. Ради этого она заточает корабельщиков, а троих из них отсылает к Глебу, чтобы тот узнал о случившемся. Маринка готова вернуть Глебу всё, ею захваченное, но при условии, что он возьмет ее «взамужество».

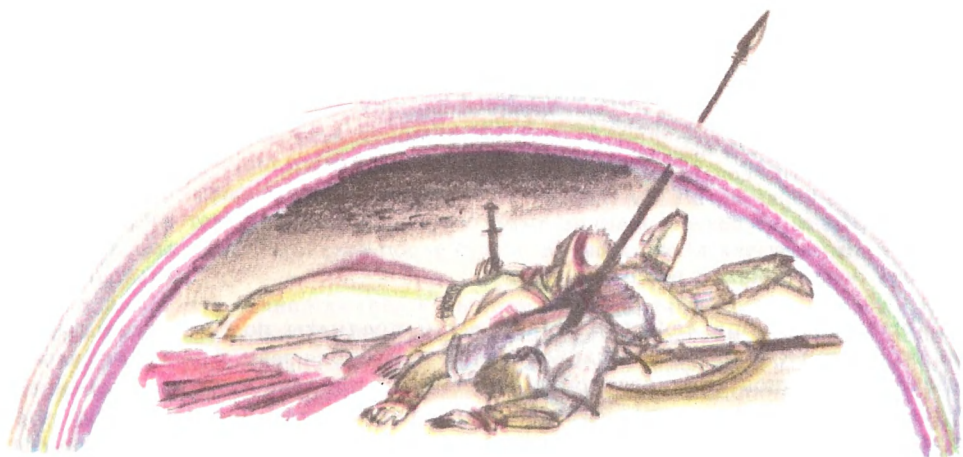
Глеб решительно отказывается, и тогда Маринка выдвигает другое условие: он должен отгадать «шесть загадок хитромудрых».

Шчо перва-то загадка хитромудрая:
Еще краше-то свету, свету белого?
Шчо друга-то есть загадка хитромудрая:
Еще выше-то лесу, лесу темного?
Шчо третья-то есть загадка хитромудрая:
Без кореньица она да всё случается?
Ай четверта есть загадка хитромудрая:
Еще чаще, чаще лесу, лесу частого?
Как еще ведь есть-то пята всё загадочка:
Без замочков-то еще же есть загадочка?
Да еще-то есть у нас хитра загадочка:
Шчо у вас-то есть да на святой Руси?
У тебя, князь, это есть у широка двора, —
Ай стоит-то высока́ гора великая,
На горе-то есть ведь кипарис растет всё, дерево,
Как на дереве-то есть да тут сокол сидит,
Как сокол-от сидит, да он висём висит.

Для Глеба Володьевича отгадать загадки не составляет трудностей.

Ах ты дура, еретица, всё безбожница!
Не хитры твои загадки хитромудрые:
Шчо перва та всё загадка хитромудрая —
Еще краше ведь свету красно солнышко;
Еще выше-то лесу млад светёл месяц,
Еще чаще-то лесу звезды божьи ти,
Без кореньица падут снежки белые,
Без замочков-то течут да речки быстрые;
А гора та у нас есть на святой Руси,
Ай гора та — мой-то богатырской доброй конь,
Кипарисно то деревцо мое да всё седёлышко,
Ай седёлышко мое да на добром кони,
Да сокол-то ведь сидит — ведь я же, доброй молодец,

Я ведь русской сильной-от, могучей всё богатырь-от,
Еще тот ли я князь да Глеб Володьевич.
Ты отдай теперь мои ведь чёрны корабли.

В вариантах появляются и другие загадки, например:

— «Еще что же в лете бело, да в зимы зелёно?»...
— «А как в лете-то бело — господь хлеб дает,
А в зимы-то зелёно — да тут ведь ель цветет»...
— «А да что без кореньица растет да без лыж катится?»...
— «Без кореньица растут белы снеги,
А без лыж-то катятся быстры ручьи».

Глеб Володьевич уверен, что спор окончен, — Маринка обязана вернуть ему награбленное.

Но у Маринки совсем другое на уме; убедившись, что Глеб верно ответил на ее вопросы, она заявляет:

Я теперь же за тебя да я замуж иду.

По логике былинного повествования она права: загадки — это испытания для жениха. Разгадав загадки, герой утверждает себя в роли суженого. Невеста ждет именно отгадчика. Садко не догадывался, что в морском царстве его испытывают как жениха. Не знает (или не желает знать) этого и Глеб. Для него испытание загадками — это путь к возвращению кораблей с богатствами. Намерения Маринки совершенно иные: она хочет женить на себе Глеба, чтобы затем погубить его. Она — *мнимая* невеста, девушка из враждебного Руси мира. И когда обнаруживается, что Глеб ее мужем не будет, она прибегает к колдовскому средству: подносит ему отраву под видом прощального питья.

Он хотел же пить да из чарочки да золоченою
Дорогого напитокку да всё заморского,
Его доброй-от же конь да богатырской-от
Взял подтолкнул своей да ножкой правую
Как его-то чарочку да золоченую,
Он же вылил из чарочки на матушку да на сыру землю —
Сырая земля да загорела же
От того напитокка да всё заморского.

В гнев Глеб Володьевич казнит Маринку и вместе с дружиной своей разоряет ее землю.

«**Вавило и скоморохи**». Былина эта дошла до нас в одном-единственном варианте и записана она от Марии Дмитриевны Кривополеновой, замечательной сказительницы с Пинеги. Скоморохами в Древней Руси называли бродячих артистов, одинаково хорошо владевших искусством игры на музыкальных инструментах, театральных представлений, танца, веселых прибауток и песен. Их называли еще «веселыми людьми» — они были желанными участниками народных празднеств, игрищ. Скоморохи умели потешить публику, посмешить, но также и сатирически осмеять разные явления жизни, выразить тем самым народную точку зрения. В XVII веке на скоморохов обрушились гонения, им запрещали выступать, инструменты их разбивали и сжигали. Много скоморохов укрылось от преследований на Севере. Не исключено, что М. Д. Кривополенова унаследовала через ряд поколений кое-что из поэтического репертуара скоморохов. В былине искусство скоморохов возвеличивается, а сами скоморохи оказываются святыми людьми. «Веселые люди, не простые, / Не простые люди, скоморохи» зовут крестьянского сына Вавилу идти с ними.

Мы пошли на инишое (*иное, чужое*) царство
Переигрывать царя Собаку,
Еще сына его да Перегуду,
Еще зятя его да Пересвета,
Еще дочь его да Перекрасу.

На пути скоморохи совершают чудеса. Первое чудо: Вавило признается, что он не знает песен и не умеет играть на гудке (род древнерусской скрипки).

Но скоморохи велят ему играть, и у него все получается. Сверх того, кнут в его руках превращается в гудок, а вожжи — в струны. Следующее чудо — в доме матери Вавилы:

Еще тут честна вдова да тут Ненила
Еще стала тут да их кормити,
Понесла она хлебы те ржаные —
А и стали хлебы те пшонные (*пшеничные*).
Понесла она куру-то варёну —
Еще кура тут да ведь взлетела,
На печней столб села да запела.

Чудеса продолжают и по дороге: для тех, кто предрекает скоморохам неудачу, чудеса оборачиваются бедой, для тех, кто желает им успеха, — благом. Так, у торговца горшки превращаются в черепки, а у красной девицы холщовые полотна становятся атласными и шелковыми. И все это происходит под скоморошью музыку. Сама война с царем Собакой носит характер музыкального состязания: чья музыка окажется сильнее, та произведет большее волшебство.

Заиграл да тут да царь Собака,
Заиграл Собака во гудочек,
А во звончатой во переладец (*вероятно, то же, что гудок*) —
Еще стала вода да прибывати:
Он хочё водой их потопити.

«Заиграй, Вавило, во гудочек,
 А во звончатой во переладец,
 А Кузьма с Демьяном припособит».
 Заиграл Вавило во гудочек,
 А во звончатой во переладец,
 А Кузьма с Демьяном припособил:
 И пошли быки те тут стадами,
 А стадами тут, да табунами,
 Еще стали воду да упивати —
 Еще стала вода да убывати.

Заиграл Вавило во гудочек,
 А во звончатой во переладец,
 А Кузьма с Демьяном припособил:
 Загорелось инищее царство
 И сгорело с краю и до краю.
 Посадили тут Вавилушка на царство,
 Он привез ведь тут да свою мать.

Имена Кузьма и Демьян даны скomorохам не случайно. Это имена святых, которые особо почитались крестьянством: они считались замечательными мастерами и покровителями ремесленников. Кроме того, их считали покровителями девушек. Соединение в одном лице скomorоха и святого накладывает свой отпечаток на все содержание былины, на характер подвигов и чудес, которые совершают герои.

«Ставер Годиневич и его жена». Сюжет этой былины строится на полной условности. Герои ее словно бы договорились не замечать всех странностей,

возникающих по ходу событий, каждый из них ведет свою роль, «подыгрывая» друг другу подобно актерам на сцене, где разворачивается спектакль по заранее написанному сценарию.

Ставер — чужой человек в Киеве. На княжеском пиру он неосторожно хвастает своей женой:

У меня молодая жена Василиса Микулична
Вас, купцов и бояр, продаст и выкупит,
А тебя, князя Владимира, с ума сведет.

Князь велит заточить Ставра в погреб: пусть попробует жена вызволит его. Такова завязка. Теперь на сцене появляется Василиса Микулична. В многочисленных текстах былины выделяются три версии, по-разному рисующие ее образ и по-разному трактующие ее роль. Но в одном все версии сходятся: Василиса меняет свой облик, переодевается в мужское платье и приезжает в Киев как мужчина.

Согласно одной версии, это Василий Никулич, сын короля Ляховицкого, приехавший свататься к дочери киевского князя. Согласно второй, это чужеземный богатырь. Притвориться богатырем Василиса Микулична не может — значит, она была богатыркой, но только не проявляла до сих пор этого качества.

А одевала ёна платьица мужские...
Выводила ли коня, да коня доброго...
Ай она брала ли палицу во рученьки —
А была палица ли ту да во девяносто пуд,
А бросила ёна палицу под облако,
А имала она палицу единой рукой...
А будто молния в чистом поле смелькается,
А будто вихорь ли по чисту полю завивается.
Подъезжал ён ко славному ко городу ко Киеву,
А ён крикнул голосом богатырским:
«Уж ты солнышко князь стольнё-киевской!
А ты давай-ка мне да поединщика,
А если нет у тебя мне-ка поединщика,
То давай-ка ты мне да во замужество
А ты мне свою любимую племянницу».

Василиса Микулична в облике богатыря ведет себя в данном случае как настоящий эпический враг: во многих сказаниях целью чужеземного нашествия или набега является захват жены или дочери правителя страны. По третьей версии, Василиса Микулична называет себя «грозным послом»:

А и едем мы из дальней орды, Золотой земли,
От грозна короля Етмануила Етмануиловича
Ко городу ко Киеву,
Ко великому князю Владимиру
Брать с него дани-невыплаты
Не много, не мало — за двенадцать лет,
За всякой год по три тысячи.

Первые две версии следует считать основными: все дальнейшее действие в былине разворачивается вокруг мотива сватовства.

Дочь Владимира догадывается, что жених, сватающийся к ней, на самом деле — женщина.

Не отдай-ка ты девчину да за женщину,
Не надей-ка смеху по всей Руси...
Не богатырь есть тут, а есть женщина:
Как по улочкам идет, будто уточка плывет,
По ступенечкам ступает потихонечку.
А ведь голос у нее как будто с продвигом,
С поволокою глаза поваживает,
А на тех на рученьках на белых
Даже дужки от колечечек не вышли вон.

Следует серия острых и забавных эпизодов — князь Владимир пытается установить, права ли его дочь. Из забавных можно отметить испытание баней.

Он пошел во парную во баенку,
Но покудова Владимир снаряжается,
А посол той порой во баенке попарился,
Из байни-то идет, ему и честь отдает:
«Благодарствуешь на парной на баенке!»
Говорил Владимир стольнѣ-киевской:
«Ты же мене в баенке не подождал,
Я бы в баенку пришел, а тебе пару поддал,
Я бы пару поддал да и тебя обдал».
Говорил Василий да Никулич-де:
«Что ваше дело-то домашное,
Домашнее дело княженецкое,
А наше дело-то посольное,
Недосуг ведь долго да нам чваниться,
А во баянке-то долго да нам париться.
Я приехал об добром деле, об сватовстве,
На твоей любимой на дочери.
Что же ты со мною будешь делати?»

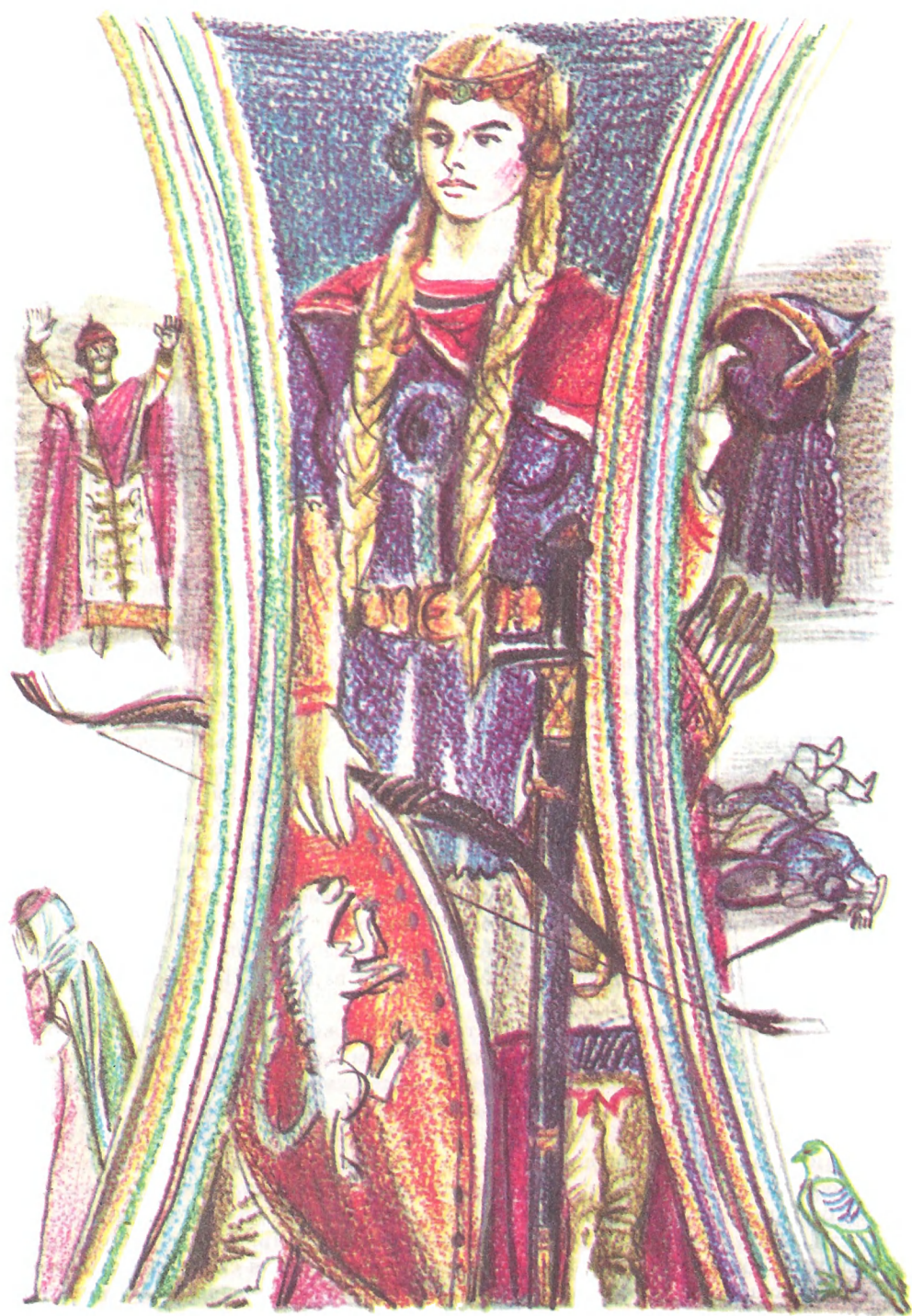
Владимир оказывается в нелепом положении: дочь продолжает утверждать, что к ним приехала женщина, прикинувшаяся женихом. Следует новое испытание — игра в шахматы, считавшаяся мужским делом. Посол обыгрывает Владимира. Наконец все сомнения рассеиваются, когда «жених» одерживает победу в стрельбе из лука и в богатырской борьбе.

Сошлись борцы с послом боротися:
Первому борцу из плеча руку выдернет,
А другому борцу ногу выломит,
Она третьегохватила поперек хребта,
Ушибла его среди двора.

И вот реакция князя на бесславное для него завершение испытаний:

А плюнул князь да и прочь пошел:
«Глупая княгиня, неразумная!
У те волосы долги, ум короток —
Называешь ты богатыря женщиною.
Такова посла у нас еще было и не видано».

Итак, Ставер Годинович оказался прав, похвастав своей женой, что она князя Владимира «с ума сведет». Полное торжество для Василисы Микуличны наступает, когда она хитростью вызволяет мужа из заточения, возвращает свой обычный женский облик и на свадебном пиру открывает князю правду.

Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
Повесил свою буйну голову,
Утопил ясны очи во сыру землю...

О многом заставляет задуматься эта веселая, полная нарочито неправдоподобных ситуаций былина. В средние века женщина была принижена, она не могла проявить себя в общественной жизни, возможности ее подавлялись. «Слабый» пол не мог постоять за себя, мужское превосходство считалось обычной нормой. Былина разрушает эти стойкие понятия. Василиса Микулична — в отличие от тех былинных героинь, которые черпают силы в колдовстве, в связях с «чужим», мифическим миром, — побеждает благодаря уму, хитрости, решительности. Оказывается, в этой женщине скрыты богатырские способности, которые просыпаются в нужный момент. Она превосходит всех мужчин: Владимира — в уме, богатырей — в силе и воинском искусстве, мужа — в соблюдении норм чести. Вызванный женой из погребя, Ставер готов тут же бежать домой, но Василиса возражает:

А не честь, хвала тебе-ка, добру молодцу,
Тебе воровски из Киева уехати.

И все же не будем забывать об одной существенной подробности: чтобы утвердить себя, проявить свои качества, Василиса вынуждена принять мужской облик.

Подобно другим былинам, сюжет «Ставра Годиновича» находит множество параллелей в мировом фольклоре: в сказках, эпических песнях, балладах. История об умной, ловкой и смелой женщине, которая принимает мужской облик, является в стан противников, совершая там подвиги, хитроумные проделки, пользовалась в народной среде большой популярностью и получала разнообразные обработки. Мотивы, вынуждающие героиню на это дело, могут быть самые разные: у старика отца нет сыновей и дочь отправляется на войну, чтобы поддержать честь семьи; муж оказывается в турецком плену, и жена выручает его; сестра спасает брата, попавшего в беду... Всякий раз героиня должна пройти различные испытания, чтобы снять подозрение в том, что она женщина. Испытываются ее ум, знания, ловкость, воинские качества. Героиня всегда выходит победительницей и добивается своей цели. В конце она может открыться, и тогда ее торжество становится полным. Но сюжеты строятся и так, что ей приходится уезжать, так и не раскрыв свою тайну. Песни этого типа известны у народов Югославии, Италии, Испании, Португалии, Греции, Чехословакии, на Украине и в Белоруссии. Былина о Ставре Годиновиче — это русская вариация на мировую сюжетную тему.

«Дюк Степанович». Подобно Ставру и его жене, Дюк Степанович, богатырь из чужой земли, вступает в спор с князем Владимиром и его приближенными. В развернувшихся состязаниях он одерживает победу, а тень неудачи, постигающей Владимира, ложится на весь Киев. Как объяснить двойственное отношение к Киеву в былинах? В одних он воспевается как центр Русской земли, и защита его расценивается как самое святое дело, в других же к нему относятся без особого почтения. Некоторые ученые полагают, что эти другие былины слагались в тех княжествах, которые стремились к самостоятельности, выступали против общерусского единства. Есть, однако, и более справедливое объяснение. Былины создавались в народной среде, и у самого народа отношение к Киеву было двойственным. С Киевом связывались понятия о единстве, целостности Русской земли, о силе молодого государства, способ-

ного противостоять внешним врагам. Этот Киев в былинах воспевался, на страже его интересов стояли богатыри. Но народ знал и гнет киевских князей, несправедливости власти, видел роскошь, расцветавшую за счет его нищеты. Из истории мы знаем, что простые киевляне восставали против княжеской неправды. И в былинах богатыри не только защищают Киев, но и бунтуют против князя. Вот эту вторую сторону народного отношения к Киеву и киевскому князю и выразили былины о богатырских состязаниях. Победа Дюка Степановича означает удар по чванливости, хвастливой самонадеянности, бесконтрольной власти хозяев Киева. Столкновение богатыря с Киевом изложено с обычными для былин преувеличениями, элементами фантастики, вымышленными эпизодами, но в основе его лежит исторически достоверная ситуация: Дюк живет в Галиче, а Галицко-Волынское княжество в XII—XIII веках было политически и экономически сильным и соперничало с Киевом. Конечно, соперничество выражалось не так, как описывает былина. Как всегда, эпическая фантазия творит свою историю, не совпадающую с той, которая запечатлевается на страницах летописей.

Дюк лишь отчасти напоминает тех богатырей, которые служат на заставе и исполняют воинские задания. Хотя у него богатырский конь и богатырское оружие, он избегает прямых столкновений с врагами — убегает от Горынь-змея, от стада воронов. Перед ним — иные дела. Все, что Дюк видит в Киеве, он сравнивает с тем, что есть в его Галиче, и сравнение это всякий раз оказывается не в пользу Киева. Сопоставляются в первую очередь устроенность городской жизни, степень комфорта, богатство. Дюк словно бы дразнит князя и его приближенных, обнаруживая их отставание в моде, в размерах роскоши, в уровне дворцового и городского быта. Князь и бояре оскорблены тем, что страдает их престиж, ущемлено их самолюбие, стольный град, оказывается, уступает какому-то Галичу, княжеский двор — двору матушки Дюка.

Да едет-де Дюк, головой качат,
Головой-то качат, проговариват:
«Да у Владимира всё а не по-нашему.
Как у нас-то во городе во Галиче,
Да у моёй-то сударыни у матушки,
Да мощены-де были мосты (*мостовые на улицах*) всё дубовые,
Сверху стланы-де сукна багрецовые,
Наперед-де пойдут у нас лопатники,
За лопатниками пойдут и метельщики,
Очищают дорогу сукна стлатого.
А твои мосты, сударь, неровные,
Неровные мосты, да всё сосновые».

Нетрудно заметить, что картина галицкого благоустройства вырисована в характерной для былин манере — здесь все преувеличено, приукрашено, сдобрено фантазией.

Дюк пробует киевский калач и с пренебрежением бросает его собакам: видно, в Киеве тесто месят сосновой мешалкой в бочке дубовой, обитой еловыми обручами, хлебы кладут в кирпичную печь, которую топят еловыми дровами. А в Галиче, хвастает Дюк, бочка серебряная, обита обручами золочеными, мешалка дубовая, и в бочку налиты меды сладкие; печь топят дровами дубовыми и настилают гербовую бумагу. В таком духе Дюк продолжает сравнения, пока киевский богатырь Чурила не вызывает Дюка на своеобраз-

ное состязание — кто кого «перешапит», то есть превзойдет в красоте, числе и разнообразии нарядов. Невозможно представить участие в таком состязании Ильи Муромца, или Добрыни Никитича, или других богатырей: никто из них не придает особого значения своей одежде, не гонится за модой. Не таков Чурила: за ним не числятся воинские подвиги и поединки. В былинах его зовут щапом, то есть щеголем, франтом. В изысканном наряде он прислуживает за княжеским столом, и сама княгиня обрезает себе палец, засмотревшись на его красоту. Дюк соглашается на вызов Чурилы, но нужно внести залог — победитель получит пятьсот рублей. Спор богатырей сразу расслаивает киевское общество: за Чурилу ручаются князь с княгиней, все богатые и знатные горожане; на стороне Дюка оказывается одна голь кабацкая. Пустяковый, казалось бы, спор выливается в социальный конфликт, чем-то напоминающий бунт Ильи Муромца против князя. И не случайно здесь появляется Илья — он берет сторону Дюка. Само состязание двух «щапов» описывается с явным юмором, с характерными былинными преувеличениями в изображении деталей одежды. На ногах Чурилы из зеленого сафьяна сапожки с такими высокими каблуками, что под ними «хоть соловей лети», и с такими острыми носками, что «кругом хоть яйцо кати». На шубе Чурилы особенной красоты пуговицы и петли: «во пуговках литы добры молодцы», «во петельках шиты красны девицы». Шапка у Чурилы «ушиста, пушиста и завесиста», спереди она закрывает «очи ясные», сзади не видно «шеи белой».

Поначалу кажется, что Дюк решительно проигрывает Чуриле: на ногах его — лапти, а шуба на нем «расхожая». Но лапти, оказывается, не простые — они из семи шелков.

И в эти лапотцы были вплетаны
Каменья всё, яфонты, —
Да который же камень самоцветные
Стоит города всего Киева...

Пуговицы и петли у шубы Дюка тоже украшены литьем, но украшения эти заключают богатырскую силу.

Во пуговках литы люты звери,
Да во петельках шиты люты змеи.
Да брал он, Дюк...
Плётоньку шелковую,
Да подернул Дюк-от по пуговкам —
Да заревели на пуговках люты звери;
Да подернул Дюк-от по петелькам —
Да засвистали по петелькам люты змеи.
Да от того-де рёву от звериного,
Да от того-де свисту от змеиного
Да в Киеве старой и малой на земли лежит...

Чурила, проиграв спор, не успокаивается. Теперь он вызывает Дюка на настоящее богатырское состязание: они должны на конях перескочить Пучай-реку сначала в одну, потом в другую сторону. Состязание оборачивается для Чурилы полным позором: он вместе с конем, вооруженный, застревает посередине реки, а Дюк на полном скаку хватает его «за желты кудри» и вытаскивает на берег. Согласно законам богатырских поединков Дюк готов отрубить побежденному голову, но за Чурилу вступает князь.

Торжество приезжего богатыря этим не кончается. Князь Владимир посылает в Галич своих богатырей, чтобы они проверили справедливость хвастливых рассказов Дюка. Описание невиданных богатств, сказочной роскоши растягивается в некоторых вариантах на многие десятки стихов. Несколько наиболее выразительных мотивов: Добрыня, возглавляющий княжеское посольство, несколько раз грубо ошибается, принимая за Дюкову матушку то прачку, то родственницу, — они роскошно одеты и сидят в красивых теремах. Когда же сама Дюкова матушка приводит Добрыню к погребам, где хранятся деньги, и к амбарам, где сложены товары заморские, богатырь понимает: чтобы переписать все это, нужно «везти бумаги на шести возах» и «чернил везти на трех возах».

Было бы напрасным делом искать за картинами этой сверхроскоши и этих сверхбогатств какую-либо реальность. Ничего похожего создатели былины никогда не видели. Фантазия их часто шла «от противного»: если в обыкновенной жизни посуда для замешивания теста была деревянной, то в сказочно богатом Галиче она должна была делаться из золота; деревянные мостовые должны были покрываться богатыми сукнами; лапти делались из шелков, и в них вплетались драгоценные камни. Мир богатства и роскоши вполне условен. Он ведь нужен в былине не для изображения действительно богатой земли, а для того, чтобы внушить простую идею: величие и сила Киева не в роскоши его дворцов, не в боярской спеси. Киев могуч своими богатырями, стоящими на страже благополучия Русской земли и выступающими за справедливость.

Не случайно в споре Дюка с богатым Киевом сторону заезжего богатыря берет Илья Муромец.

«**Иван Гостинный сын**». Сюжет этой былины имеет в своей основе конное состязание, скачку. Такие состязания постоянно устраивались в Древней Руси, были обязательной принадлежностью празднеств при княжеских дворах. Красочные спортивные игры подчас оказывались ареной столкновения страстей, победа обещала участникам княжеское расположение, повышение по службе, награды, укрепление престижа. Но творцов былины все эти проблемы, которыми жил феодальный мир, не занимают. Скачку они переносят в мир былинный, и здесь она приобретает совершенно иной смысл. Здесь — другие правила игры, другие участники и другая развязка, — и все это соответствует законам эпического творчества, а не нормам реально-го быта.

Сюжет начинается не вполне обычно даже для былины: во время княжеского пира Владимир, которому надоело выслушивать хвастливые речи гостей, сам хвастает своими конями. Он готов биться об заклад, что победит кого угодно в скачке от Киева до Чернигова и обратно — расстояние в «три девяносто мерных верст». Дистанция в двести семьдесят верст — это, конечно, былинная гипербола. Но здесь удивительно другое — активность князя: обычно он ведь не выходит за пределы своего двора, он только отдает распоряжения, награждает и наказывает, встречает исполнителей своих приказов. Здесь же он готов участвовать в скачке. Понятно, что все присутствующие, услышав такое, цепенеют.

Кабы все тут на пиру сидят приюмолкнули,
А как все на честном да приюдрогнули, —
Кабы меньшей хоронится за среднего,
Кабы среднѣй хоронится за большого,
Как от большого князю нонь ответу нет.

Наступает тот критический момент, когда на сцене должен появиться герой. Им оказывается «удалой доброй молодец» (то есть богатырь) Иван Гостинный сын. Прозвище вполне определенно указывает на сословную принадлежность героя — отец его был торговцем. Принадлежность эта сюжетно никак не обыгрывается, более того: по ходу повествования выясняется, что отец его был богатырь. Но значение прозвища в другом: князю бросает вызов богатырь «низкого» происхождения, состязаться с ним Владимиру вроде бы не пристало; ситуация сразу приобретает социальную окраску — не простое состязание, но столкновение людей, стоящих на разных полюсах феодальной лестницы. Это резкое противостояние находит свое выражение и в условиях борьбы (князь вносит денежный заклад, а богатырь закладывает свою «молодецкую буйную голову»), и в распределении поручителей (за князя поручаются бояре, за Ивана — богатыри).

Одна из повторяющихся в былинах ситуаций связана с недооценкой или даже незнанием героем своих возможностей. По некоторым вариантам, Иван Гостинный сын похвастал, будучи в подпитии, и теперь, возвращаясь домой, горько сожалеет об этом.

Ах ты родна, родна ты моя матушка!..
А я разумом прохлупался (*совершил глупость*),
И ударил с князем со Владимиром да во велик заклад...

Мать, однако, возвращает ему уверенность в его силах, и наутро он отыскивает в конюшнях того самого «маленького Бурушку косматенького», который некогда служил его отцу, «уносил от смерти от скорой». Неожиданно для Ивана, Бурушко отказывается служить ему, так как он совсем забыл о нем. Богатырь должен вернуть доверие коня.

Да купи ты мне пшена белоярова,
Да сытой мёды да медвянны,
Да напой коня, да накорми коня,
Да и выкупай меня да в трех росах —
Да тогда веди к великому князю Владимиру
Да и ехать в дело, да в дело закладнее...

Договор о скачке включал одну важную подробность, которая в вариантах излагалась не всегда отчетливо, но которая делала необязательной одновременную скачку соперников: надо было проскакать от Киева до Чернигова и обратно, уложившись во время между заутреней и обедней, то есть между двумя церковными богослужениями. Заутреня проходила на рассвете, обедня заканчивалась перед обедом, к середине дня. Скачка, следовательно, была фантастической не только по расстоянию, но и по времени.

Сказанное объясняет, почему Иван скачет один. Он укладывается в предписанное время: доскакав до Чернигова, получает в церкви подтверждение, что был здесь, и успевает вернуться в Киев к тому моменту, когда в церкви начинается обедня.

Еще конь-от у его стоит шатается,
Из ноздрей-де у коня да пламё огненно,
Из ушей у коня да дым столбом валит.

Иван требует у князя обещанную награду. Отсюда ясно, что скачка Владимира и не предполагалась. А это значит, что если бы Иван потерпел не-

удачу, он сразу же заплатил бы за нее своей головой. Жестокость условий открывается как бы задним числом. Победа Ивана оказывается недостаточной. Пользуясь своей властью, Владимир выдвигает дополнительное испытание: конь богатыря должен помериться силами с тремя княжескими жеребцами. Исход этого поединка у Владимира сомнений не вызывает. Он видит из окна: «Стоит маленькой Бурушко ухрюватенькой», а его жеребцов с трудом удерживают — одного шесть, другого девять, третьего двенадцать конюхов. Ситуация для былин вполне типовая: герой или его конь выглядят со стороны неказистыми рядом с могучими противниками, в их победу трудно поверить. Тем больший эффект она производит.

В былинах постоянно подчеркивается, что истинная сила не в чудовищных формах, не в показательной броскости, она до поры до времени скрыта и проявляет себя в нужный момент. Такова почти всегда сила богатырей, на стороне которых — правда.

Воронка ведут на шести розвезях,
Полонка ведут на девяти розвезях,
Сивогрива жеребца да на двенадцати едва удерживают.
Как и вывели конюхи добрых коней —
А увидел Бурушко косматенькой,
Засверкали его глаза серые,
Заходили его уши те резвые;
Как он рыкнул по-звериному,
А и свистнул он по-соловьиному,
Да и вылетел в полтерема да златоверхого,
Как ударил он о сыру землю —
А сыра земля покулубалася,
А и море-вода разбежалася,
А Воронко за реку ускочил,
А Полонко концом ушел,
А Сивогрив жеребец исплечился стоит.
А не на ком князю конем ехати.

Князю Владимиру приходится признать поражение. Но он пытается поддержать свое достоинство, предлагая Ивану продать ему Бурушку. Но когда в ответ Бурушко снова демонстрирует свою мощь, князь просит богатыря отпустить коня.

А я в деле с тобой рассчитаюся,
Дам три шубы соболиные,
Дам три погреба да золотой казны, —
Выводи-ка ты добра коня,
А то нам он смерть предест.

«Вольга и Микула». Во всем обширном былинном репертуаре этот сюжет стоит особняком. К нему нет параллелей, и главный герой, хотя и наделен богатырской силой, непохож на всех других богатырей. Он не воин, его имя не упоминается среди тех, кто служит на богатырской заставе, кто входит в дружину Самсона Самойловича. Его не называют и среди присутствующих на княжеских пирах в Киеве. В русском эпосе он появляется всего один раз — Микула Селянинович, богатырь-пахарь, мужик. Рядом с ним возникает фигура князя Вольги Святославовича. Возможно, что это тот же самый персонаж, что и Волх Всеславьевич, князь-кудесник, сумевший волшебными средствами победить Индейского царя. Во всяком случае, о богатырском детстве

Вольги рассказывается точно так, как о детстве Волха. Но в нашей былине Вольга с дружиной едет не в чужие дальние земли, а в пожалованные ему великим князем города взимать с мужиков дань. Здесь-то и происходит встреча князя и пахаря.

Описывается эта встреча необычным для былины образом. Сначала князь только слышит пахаря.

Как орет (*пашет*) в поле оратай (*пахарь*), посвистывает,
Сошка у оратая поскрипывает,
Омешики (*лемеха*) по камешкам почиркивают.

И только на третий день, приблизившись наконец к пахарю, Вольга видит, как идет работа.

Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздочки да он пометывает,
А пеньё, коренья вывертывает,
А большие-то камни в борозду валит.

Если искать в этой картине пахоты отражение реальности, то проще всего предположить, что в ней запечатлен земледельческий труд северного русского крестьянина, которому приходилось превращать в пахотные земли участки, заваленные валунами, корчевать лес. Но как согласовывается с этим «раздольице чисто поле», вдоль которого почти три дня едет князь и никак не настигнет пахаря? Реальное и идеальное, действительное и вымышленное в былине сливаются без всякого труда. Северный крестьянин никогда не видел «раздольица чистого поля», но у пахаря-богатыря другого поля и быть не могло!

Непривычно дороги и красивы орудия пахоты.

У оратая кобыла соловая,
Гужики (*детали упряжи*) у нея шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.

И наконец Вольга видит самого пахаря, занятого работой.

А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются.
У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да черна соболя.
У оратая сапожки зелен сафьян, —
Вот шилом пяты, носы остры,
Вот под пяту, пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него черна бархата.

Внешность идеального пахаря соткана из образных формул, которые нетрудно найти в других былинах и даже в песнях. Пуховая шляпа и бархатный кафтан — это обычные детали нарядов, какие носят в песнях молодые, желающие привлечь внимание красных девиц. Кудри, рассыпающиеся как жемчуг, — это из типового портрета жениха в свадебных песнях. А сафьяно-

вые сапожки с острыми носами и такими высокими каблуками, под которыми пролетит воробей, перешли в былинку из описания «щapa» Чурилы. Певцы как будто не замечают разительного несоответствия внешности героя его занятию. Им важно дать идеальный портрет, но поскольку специальных красок для изображения богатыря-пахаря у них нет и сами создать эти краски они не могут, певцы берут готовые, знакомые формулы из другого поэтического запаса. Такие случаи в былинах бывают всякий раз, когда певцы сталкиваются с новыми для них, непривычными художественными задачами.

Богатырское состязание в былинке сводится к сопоставлению сил и возможностей Микулы и Вольги с его дружиной.

То, чего не может сделать вся княжеская дружина, без всякого труда делает Микула.

И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинишку хоробру,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельки повытряхнуть,
Бросить сошки за ракитов куст.
Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой,
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

И еще одна подробность: крестьянская кобыла неожиданно обнаруживает превосходство над Вольгиным конем.

Как хвост-то у ней расстилается,
А грива-то у ней завивается,
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает,
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается (*отстает*).

Престижу князя-воина нанесен сильнейший удар: кобыла, приученная к тому лишь только, чтобы тащить соху, обгоняет запросто его боевого коня да и выглядит эффектнее.

Во все века русской истории князя и мужика разделяла непроходимая пропасть. Князь находился на самом верху социальной лестницы, мужик, крестьянин — в самом низу ее.

Былина не только утверждает богатырский характер крестьянского труда, красоту простой крестьянской жизни, подчеркивает в герое присущие ему спокойное достоинство и уверенность в своей силе, но и заставляет князя отнестись к нему с полным уважением.

Ай же ты оратай-оратаюшко!
Как-то тебя да именем зовут,
Нарекают тебя да по отчеству?

Такое обращение принято в былинах адресовать к приезжим богатырям, знатым гостям. «Имя» и «отечество» имеют смысл лишь тогда, когда за ними стоят известная родословная, знатные предки или славные подвиги. Ответ «оратая» утверждает совершенно иные критерии ценности «имени» и «отечества».

Ай же ты Вольга Святославович!
Я как ржи-то напашу да во скирды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою, —
А тут станут мужички меня похваливати:
Молодой Микула Селянинович!

НЕБЫЛИЦЫ-НЕБЫВАЛЬЩИНЫ

*Хотите ли, братцы, старину скажу...
Стародавнюю, да небывалую,
Небывалую, да неслыханную?*

В былинах, повествующих о богатырских походах, сражениях, поединках, рисующих кровавые столкновения, картины нашествий, драматических столкновений, утрат, находится место и острым сатирическим выпадам, веселому юмору, громкому смеху. Стрелы сатиры направлены против врагов Русской земли.

Насмешка сопровождает татарского царя, потерпевшего поражение от богатырей. Герой-победитель хватает Калина «за желты кудри» и, перед тем как поднять его «выше буйной головушки» и бросить «о матушку-сыру землю», напоминает ему о его хвастливых угрозах:

Вот тебе улушки (улицы) распаханы...

А й как вот во церквах сделаны стойлы лошадиные,

Вот те умыты да ведь палаты белокаменны...

Осмеять — значит унижить противника, подорвать к нему почтение, обнаружить его слабые стороны. В былинах постоянно осмеиваются «бояре толстобрюхие». Если переносить некоторые ситуации, описанные в былинах, в рисунки, получится яркая карикатура. Илья Муромец приходит на пир к князю, садится с краю лавки и начинает «попинывать» рядом сидящих, так что бояре валяются на пол. Когда конь Ивана Гостиного сына разгоняет княжеских жеребцов —

А князи-то и бояра испужалися...,

Окарачь они по двору напользались.

Но и князь Владимир в этом эпизоде изображен с явной насмешкой.

А Владимир-князь со княгинею...
 По подполью наползались.
 Кричит сам в окошечко косящее:
 «Гой еси ты, Иван Гостиной сын!
 Уведи ты уродья со двора долой...»

В карикатурный рисунок просится и такой эпизод: от свиста Соловья-разбойника на княжеском дворе все вокруг приходят в ужас.

А Владимир стольне-киевской
 Он стоит да на ногах шатается,
 Куньей шубонькой да укрывается,
 Соболя шапочка уж по земле валяется,
 А княгинюшку да Апраксию
 Чуть живу снесли да во высок терем.

По другому варианту, Илья Муромец берет князя и княгиню «под пазуху... держит-то их в охачки».

Есть былины, в которых смех соседствует с самой напряженной и драматичной ситуацией. В былине «Василий Игнатьевич и Батыга» (в другой версии — «Василий Игнатьевич и Кудреванко-царь») события начинаются с того, что к Киеву подступает несметная сила, а в городе не оказывается богатырей. Владимир растерян, бояре готовы сдать Киев татарам. В этот момент князю сообщают о богатыре Василии Игнатьевиче: он находится в кабаке, «проелся, пропился весь до ниточки», пропил одежду, оружие, даже крест. Владимир немедленно спешит сам к нему. В былине момент сборов князя описан с некоторой иронией: Владимир надевает «шубоньку на одно плечо» (он торопится) и «галоши на босу ногу». Эпизод встречи князя и богатыря Васьки-пьяницы и уговоров со стороны Владимира, чтобы богатырь выступил против татар, наполнен смешными подробностями. Владимир находит Василия на печи спящим.

«Тебе полно ли спать, да нынь пора вставать,
 От великого хмелю да просыпаться...
 Послужи-ка ты мне да верой-правдою».

Только на третий зов Василий «от великого хмелю просыпается». Он жалуется, что у него болит голова:

Уж я рад бы служить, хоть голову сложить, —
 Как болит-то моя буйна голова.

Князь вынужден поднести Василию «чару зелена вина» с калачом на закуску. Но и эту операцию ему приходится совершать трижды, так как каждый раз Василий приговаривает:

«Не оммылось у Васьки да ретиво сердце,
 Не взвеселилась у Васьки буйна головушка».

Наконец он приходит в себя, но теперь возникают новые трудности.

Бы могу нынь служить да верой-правдою —
 Ни креста-то у меня нет, ни пояса,
 Ни рубашечки нет у меня полóтняной,
 Кабы нету-то у меня да коня доброго,
 Кабы нету у меня сбруи лошадиной...

Кабы нету у меня туга лука,
Кабы нет у меня стрелочки каленой,
Уж и нет у меня палицы буёвой,
Кабы нет у меня копейца бурзомецкого, —
Кабы всё на вине да у меня пропито,
Во царевом кабаке да всё заложено.

Владимиру ничего другого не остается, как выкупить у кабатчиков все снаряжение.

В былине в смешном виде предстает князь — беспомощный, готовый на любые унижения. Вместе с тем он своими поступками обеспечивает защиту Киева. Смешон и богатырь, из-за пьянства потерявший все. В былинах пьянство никогда не поощряется, и настоящие богатыри не позволяют себе такого. Василий Игнатьевич — это пародия на богатыря. Пародия в данном случае заключается в том, что привычные сюжетные положения, черты героев словно бы выворачиваются наизнанку, и то, что изображалось серьезно, теперь получает юмористические формы. В былине «Илья Муромец и Калин-царь» богатыри тоже отсутствуют в момент нашествия: Илья Муромец находится в тюрьме, куда несправедливо заточил его князь. Владимир вынужден идти к богатырю в темницу и умоляет его простить заточение, выступить на защиту Киева. У богатыря нет оружия и коня, потому что он в тюрьме. Кроме того, он ослабел в заточении, ему нужно вернуть силы.

Очевидно, что вся история с пропившимся богатырем создана с оглядкой на историю с заточенным Ильей Муромцем и является шуточной пародией на нее. Все же в конце концов пародия в былине о Василии Игнатьевиче перекрывается героическим пафосом: когда начинается «дело», Василий проявляет настоящие богатырские качества, в одиночку расправляется с вражескими полчищами, поражает стрелой татарского царя.

Уж клал ли он стрелочку, приговаривал:
«Ты пади-ткось, стрелочка, не на воду,
Да не на воду, стрелочка, не на землю,
Да лети-тко ты, стрелочка, по поднебесью,
Да пади-тко ты, стрелочка, во белы груди
Да к тому же царю да Кудреванку ли».

В данном случае без всякой пародии, серьезно и торжественно повторяется эпизод, неоднократно описываемый в других былинах о богатырских подвигах.

Рядом с былинами, в которых смех, шутка, пародия появлялись эпизодически, чтобы затем уступить место героике, в репертуаре сказителей есть произведения, от начала до конца построенные на смехе и пародировании, не заключающие ничего серьезного, героического.

Произведения эти на Севере назывались по-разному: небылицы в лицах, небывальщины, шутовы старины, скоморошины. Небольшие по размерам, они и исполнялись чаще всего по-особенному: проговаривались скороговоркой, пелись «часто» (их называли еще «скокливými» старинами). Суть таких небылиц — в «передразнивании» былинных мотивов, сюжетных положений, силы богатырей, их внешности. «Передразнивание» было двух видов. В одних песнях появлялись «мнимые», ненастоящие богатыри, и они словно бы повторяли подвиги богатырей настоящих, но в вывернутом виде. Такова знаменитая скоморошина об Агафонушке. Зачин ее — очевидная пародия на картины настоящего героического эпоса:

Высока ли высота потолочная,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье — перед печью шесток...
А и синее море — в лохани вода.

Сразу же вспоминается приведенный выше зачин к былине о Соловье Будимировиче (см. на с. 132). Нетрудно заметить, что в пародии поэтическая картина снижается, получает шуточное выражение: вместо «высоты под-небесной» — «потолочная», вместо «глуботы океана» — «глубота» подпола, вместо «раздолья по всей земле» — «раздолье» узкой площадки перед печкой в избе; а море превращается в лохань воды. Далее описывается «бита» — драка между бабами, свекрови со снохой: они дерутся из-за пирога, действуя «тяжкими палицами» — головными уборами. Как в настоящих былинах, побоище длится весь день до вечера, а кончается тем, что они убивают «курицу пропащую». Затем на сцене появляются «могучие богатыри».

А у первого могучего богатыря
Блинами голова испроломана,
А у другого могучего богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьего могучего богатыря
Кишкою брюхо пропорано.

Главный богатырь — Агафонушка Никитин сын. Вот как он одет:

А и шуба-то на нем была свиных хвостов,
Болезью (болезнью) опушена, комухой (лихорадкой) подложена,
Чирьи да вереды (болячки) — то пуговики,
Сливные (сплошные) коросты — то петельки.

Сразу вспоминается шуба настоящего богатыря — кунья, которой цены нет, с пуговицами литыми, драгоценными, на которых изображены чудесные звери, оживающие в момент опасности, и петельками, в которых вшиты змеи: цена этим пуговицам и петелькам — одним пятьсот, другим тысяча рублей. Наряд Агафонушки — это пародия на богатырские шубы.

В другой старине-небыльщине выступает сверчок-богатырь. Его проделки в печи побуждают хозяек к ссоре: у них начинается «стрельба-пальба» с помощью веретен и поварешек, а из лучин они делают шпаги — «и пошел у них кровопролитный бой».

Старина о Лыдине даже начинается как настоящая былина:

Как во славном-то городе было во Киеве,
Да как у славного князя да у Владимира,
Тут сидела во туесе (берестяном сосуде) Лединушка...
Она с Покрова дни сидела да до Петрова дня,
А о Петрове дни Лединушка растаяла...

С Покрова до Петрова — это значит примерно с середины октября до середины июля. Из-за этого чуда в городе не стало «управителя», и разразилась битва «невесток» с «золовушками» (здесь — жен братьев).

А дрались — у них копыта были лопаточки,
А туги те луки — коромысла всё,
А каленые стрелочки — веретёшечка...

По ходу битвы они захватили в плен кашу, а кислые щи у них пошли за реку...

Второй вид «передразнивания» богатырских былин — это создание нарочито невозможных в реальности, нелепых положений, которым придается кажущаяся достоверность, которая, однако, тут же опровергается. Небылицы состоят из набора таких, не связанных между собою, нелепиц из мира природы и человеческих отношений.

Невероятное происходит в природе:

По поднебесью да сер медведь летит,
Он ушками, лапками помахиват,
Он черным хвостом тут поправливает (*правит*)...
По синю морю да жернова плывут...
По чисту полю да корабли бежат...
А белоногой заяц да бечевой идет (*тянет лодку*)...
Во бору кобыла белку слаяла,
В осеку (*огороженный участок, куда не допускался скот*)
овца да яйцо снесла,

На дубу свинья да гнездо свила,
Гнездо свила да детей вывела,
Малых деточек да поросяточек, —
По сучкам сидят, да ускочить хотят,
Под верх глядят, да улететь хотят...

Столь же необыкновенны и дела у людей.

Еще сын на матери снопы возил...
По синю морю да мужички орут (*пашут*)...

Да уж я видел чудышко да почудне того:
Да уж как сын-от на матери дрова везет,
А молодую жену свою в поводу ведет,
Родну матушку-то понукивает,
Молоду жену подпрукивает (*подгоняет*)...

В былинном духе изображается ловля щуки из Белого озера. Щука эта — гигантских размеров; чтобы поймать ее, сковали удочку в десять пудов весом и надели на нее в качестве приманки жеребенка. Пойманную щуку девьяноstopудовую волокут к царю и устраивают всеобщее пиршество.

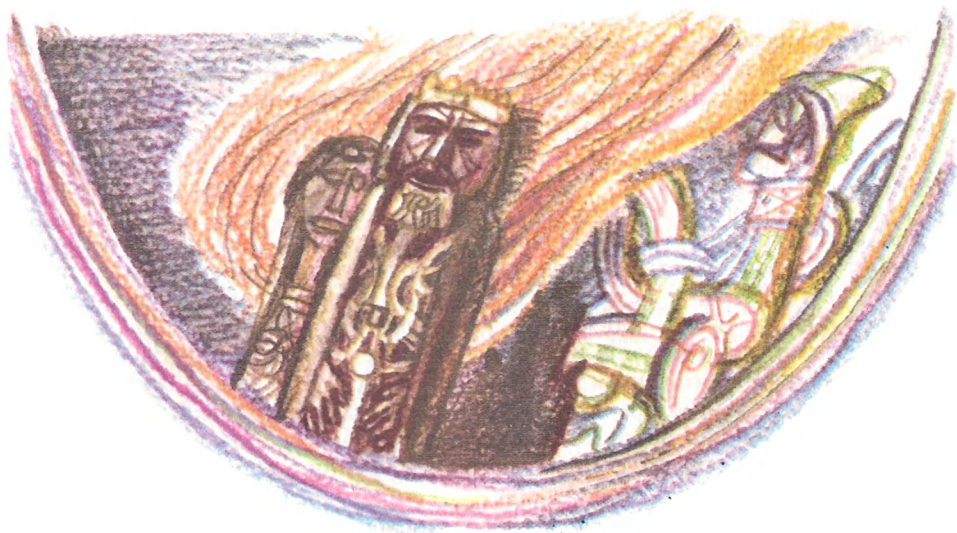
Многие песенки этого рода завершаются стихами:

Небылица в лицах, небывальщина,
Небывальщина, да неслыхальщина.

Умение найти смешное в обыкновенном, «передразнить», вывернуть хорошо знакомое — это качество присуще народному искусству, народному языку. Пародия — способ сатирического осмеяния, но также и особая форма шутки, веселого развлечения. Невозможное, невероятное может восприниматься в народе вполне серьезно (героические былины), но и со смехом (небылицы).

СТАРИНА СТАРОДАВНЯЯ

А и то старина, то и деянье...

Изустная народная история, частью которой являются былины, самым существенным образом отличается и от истории летописной, которую составляли древнерусские книжники, и от истории ученой, которую создает наука. Былинная, или эпическая, история обладает неповторимыми особенностями, творится по собственным законам и по-своему соотносится с историей реальной.

В летописях каждый отмечаемый факт почти обязательно датируется, включается в ряд других, тоже датируемых, фактов, цепь событий излагается в их последовательности — год за годом, столетие за столетием. Былины никаких дат не знают. Ни один сказитель не мог бы ответить на вопрос, *когда* происходили события, о которых он пел. Единственное — он сказал бы, что все это случилось при князе Владимире в стольном городе Киеве или в славном Новгороде. Но это значило бы, что он просто повторил сведения, заключенные в самих былинах. Можно ли «привязать» былинного Владимира к одному из исторических Владимиров, о которых пишут летописи? Это Владимир Святославич, при котором произошло крещение Руси? Или Владимир Мономах, живший во второй половине XI — начале XII века, автор знаменитого «Поучения»? Или какой-нибудь другой князь, носивший то же имя? Но во-первых, события, воспетые в былинах, никак не вписываются во времена, когда исторические Владимиров сидели в Киеве. Во-вторых, характеристики, которые дают былины «своему» Владимиру, трудно сопоставлять с теми реальными сведениями, какими мы располагаем относительно Владимира Святославича или Владимира Мономаха. Можно более или менее

уверенно говорить лишь о том, что в сознании творцов былины отложились некоторые воспоминания о князьях, правивших в Киеве, и что имя Владимир вошло в русский эпос, конечно, не случайно. Но былинный Владимир не возводим к историческому прототипу и является поэтическим персонажем, в котором выражены *народные представления* о том, каким был русский князь в былинные времена. В этих представлениях нашли место и те поздние впечатления народа, которые были подсказаны временами Московского государства, например правлением Ивана Грозного.

Былины запомнили Киев и Новгород — два центра Древней Руси. Былины знают разницу между ними — в их географическом положении, в политическом устройстве, в источниках их могущества; сказители никогда не ошибутся и не назовут Владимира правителем Новгорода, не сделают Илью Муромца участником побоищ на Волховом мосту, а Садко или Василия Буслаева — защитниками Киева... Герои новгородских былин — богатые купцы, торгующие с заморскими странами, мореплаватели, рыбаки, ушкуйники, совершающие далекие походы. Герои киевских былин, где власть в руках князя и бояр, — богатыри, воины, защитники границ Русской земли, служители княжеского двора...

Реальность — политическая, бытовая, житейская — проглядывает в былинах. Но она, как можно было убедиться на всей массе рассмотренных сюжетов, растворена в истории эпической, сконструированной народной фантазией. Былинная история — это *век богатырства*, время жизни, деяний, подвигов богатырей.

В этой истории невозможно уловить какую-либо последовательность. События происходят как бы параллельно, рядом, в одно время. Мир былинной истории замкнут в самом себе, из него нет выхода в другую эпоху. Иногда в текстах возникают реалии, принадлежащие самым разным историческим периодам. Рядом с Киевом появляется Москва как объект нападения татар. Может быть назван где-то Питер. Яркий пример перенесения в былинку детали из XX века: Владимир обувает «галошки резиновые». В описаниях одежды, предметов быта, жилища, пищи былина не соблюдает правила исторической достоверности: вещи, детали, относящиеся к самым разным эпохам, а подчас и просто вымышленные, в действительности не существовавшие, приписаны одному времени. Это нельзя объяснить незнанием сказителями истории вещей: все дело в том, что *эпическое время* (время богатырей) как историческая реальность вообще не существовало, оно — плод народной фантазии, и вещный мир, создаваемый той же фантазией, творится по ее законам. Конечно, в этом мире преобладают вещи, бытовавшие в древности, — но это потому, что и былина создавалась в древности, а в позднее время сказители старались сохранить ее в неприкосновенности, лишь эпизодически внося свои дополнения и свой опыт. Так в былинных текстах появились реалии северной природы и севернорусского крестьянского быта.

В устной народной словесности есть формы (жанры), в которых запечатлевается движение истории, воссоздаются события, следовавшие одно за другим, воспеваются реальные их участники и герои. Такой взгляд на историю складывается не сразу, он требует длительного народного опыта. Наиболее полно он нашел выражение в исторических песнях XVI—XIX веков об Иване Грозном, о Смутном времени, о Степане Разине, о Петре Первом, о войнах XVIII столетия, о Пугачеве, о 1812 году... Исторические песни знаменуют собою новый этап в художественном осмыслении истории народом. Былины им предшествуют и заключают в себе совсем другой подход к исто-

рии. В частности, в отличие от исторических песен, которые возникали по ходу событий, являясь в какой-то мере песенной публицистикой (то есть поэзией, сопровождавшей текущую политическую жизнь), былины всегда оставались *стáринами*, то есть *средоточием поэтической памяти об эпическом прошлом*, о необратимых временах богатырской истории.

Неповторимая ее особенность та, что вся жизнь богатырей, политическая и домашняя, все их деяния, успехи, испытания, ход событий, — все так или иначе освещается влиянием мифологических сил и мифологических представлений. Самая идея богатырства имеет своей основой мифологию: вера в то, что благополучие общества, народа, страны зависит от героев чудесного происхождения, наделенных фантастическими способностями, пользующихся покровительством таинственных сил, уходит своими истоками в систему первобытной мифологии, в представления о *культурных героях*, приносящих блага своему родовому коллективу. Богатыри ведут свое начало от мифических героев типа Прометея, Геракла, Одиссея. Сходство с ними выражается в мотивах чудесного рождения, борьбы со змеями и чудовищами, путешествий в другие миры... Добрыня Никитич удивительным образом напоминает Одиссея. Подобно герою древнегреческой поэмы, русский богатырь уславливается с женой о сроке, который она должна ждать его возвращения, и является домой, на свадьбу своей жены, чтобы отстоять свои супружеские права. В десятой песни «Одиссеи» герой со своими спутниками попадает на остров, где живет волшебница Кирка (в переводе В. А. Жуковского — Цирцея). Когда часть спутников Одиссея приходит в ее дом, она опаивает их зельем и превращает в свиней. Одиссей отправляется на их выручку, Гермес (у Жуковского — Эрмий) дает ему средство, позволяющее избежать действия волшебства Кирки. Одиссей уклоняется от любовных чар волшебницы и благодаря этому добивается возвращения его людям нормального состояния. Десятая песнь бросает свет на загадочный сюжет былины «Добрыня и Маринка». Девять богатырей, поддавшись любовным чарам волшебницы, были превращены ею в туров. Теперь она ждет десятого — Добрыню. Богатырь сопротивляется попыткам Маринки женить его на себе, тогда волшебница с помощью колдовства привораживает его и тоже превращает в тура. Лишь родственница Добрыни, тоже волшебница, угрозами принуждает Маринку вернуть богатырю человеческий облик. Таким образом, Добрыня временно терпит поражение, потому что у него в тот момент не оказалось покровителя, подобного Гермесу, который обеспечил Одиссея чудесным средством. Разница между рассказами об Одиссее и Добрыне очевидна. Встреча с Киркой происходит на пути домой где-то в чужих морях. Добрыня встречается с Маринкой в Киеве — она «местная» колдунья. Одиссей борется за освобождение своих товарищей, Добрыня ведет борьбу за одного себя... Но совершенно очевидно, что в основе обоих сюжетов лежит одна и та же идея: герой противостоит женскому колдовству и с помощью чудесных сил спасается от опасности навсегда потерять свой облик.

Откуда же взялось это родство сказаний об Одиссее и Добрыне? Еще не так давно ученые склонны были объяснять такого рода сюжетные совпадения и параллели заимствованием. Но теперь все больше утверждается в науке другое объяснение подобных фактов: у народов, живущих в разное историческое время и в разных точках земли, складываются независимо еще в условиях первобытности сходные мифологические сказания и образы, которые потом переходят в эпос, сказку, предание. Можно с уверенностью говорить, что в мифологии древних славян уже был сюжет, из которого позднее роди-

лась былина о Добрыне и Маринке. Сходные сюжеты известны и мифологии других народов. Мы имеем дело здесь со сходством, которое в науке определяется как *типологическое*, то есть возникающее в силу общих закономерностей развития народного поэтического творчества. Примеров подобного сходства в мировом фольклоре бесчисленное множество.

Следы мифологических связей рассыпаны в былинах повсюду. Иногда они лежат на поверхности, иногда же запрятаны глубоко. Влияние мифологии сказывается в описаниях и характеристиках пространства. На пути богатырей встречаются фантастические горы, готовые сомкнуться и раздавить героя; в горах Сорочинских обитают фантастические змеи. Река Смородина преграждает дорогу богатырю и готова погубить его; она напоминает мифические реки, отделяющие мир живых от царства смерти. Некоторые реки возникают из крови погибших богатырей. В былинах упоминаются постоянные локусы (пункты), обладающие необычными свойствами: Латырь-камень (в былине о Потыке); ракитов куст, в котором обитают змеи; перекресток трех дорог, выбор одной из которых влияет на дальнейшую судьбу героя... Былины сохранили остатки мифологических представлений о «чужих», лежащих вне земли — обитания людей, мирах — подводном («Садко»), небесном («Камское побоище»), подземном («Михаил Потык»).

В былинных описаниях нет еще осознания реального течения времени и реальности пространственных передвижений. События происходят либо с невероятной быстротой, либо неправдоподобно медленно, годы пролетают незаметно, дни без событий текут однообразно — «день за день как трава растет». Громадные пространства герой преодолевает с немыслимой легкостью — создается впечатление, что не он передвигается, а лишь меняются декорации на сцене.

Вера в предугазанность событий, в силу различных предсказаний и предупреждений, обладание тайными знаниями, колдовство, способное погубить или, напротив, возродить героя, множество чудесных предметов, обеспечивающих успех дела, чудесные животные-помощники и другие существа — все это занимает в былинной истории заметное место. Фантастика выступает как органическая часть повседневной жизни богатырей и их близких, их противников.

В древнюю мифологию, идущую еще от эпохи славянского единства, вплетаются поздние мотивы мифологии христианской. Богатыри живут и действуют на Руси, принявшей православную религию. В своем поведении они придерживаются норм, принятых православными людьми, а выступая против врагов Русской земли, объявляют, что они защищают «веру православную», церкви, монастыри. В средние века защита «своей» религии означала преданность своему народу и земле, поскольку иноземные захватчики были иноверцами и угрожали одновременно государству, народу и религии. Вместе с христианством в народный быт стали входить образы святых, различные сказания, верования, приобретающие характер мифологический и часто сливавшиеся со старой, «языческой» мифологией. В былинах богатырям помогают святые Никола, Кузьма и Демьян. Героем былины становится персонаж библейской истории Соломон. Богородица, вера в милосердие которой была широко распространена, помогает богатырям в трудную для них минуту.

Былина о Василии Игнатьевиче и царе Кудреванке предваряется вступлением, в котором особенно наглядно сплелись мифологические мотивы «язычества» и христианства. Стадо туров выплывает морем на Буян-остров,

его встречает «турица златорогая», «им родна матушка», расспрашивает их, что они видели на пути.

Ай говорили туры тут да златорогие:
«...А уж Киев-от град да во полночь прошли.
А уж мы видели диво да мы предивное,
А уж мы видели чудо да мы пречудное:
А из той-де церкви да из соборное
Не душа ли выходила да красна девица,
А выносила она книгу да на буйной главы,
А да спускалася она сама под круту гору,
Под круту где гору сама ко синю морю,
Забродила сама она пол колен воды,
Еще клала эту книгу на сер горюч камень,
А читала эту книгу, сама слезно плакала».
А говорила где тура да златорогая:
«Уж вы глупые туры вовсе неразумные!
А из той-де из церкви да из соборное
Не девица выходила — всё Богородица,
А выносила она книгу да всё евангелъе,
А когда читала эту книгу, сама слезно плакала —
Еще чуяла она про невзгоду великую».

Златорогие туры — это персонажи древней мифологии, в данном тексте они выступают в роли вестников беды. Картину, увиденную в Киеве, они толкуют в духе той же мифологии: крутая гора и «сер горюч камень» — символы предстоящих испытаний, несчастий. На самом же деле беду, которая ожидает Киев, предугадывает Богородица, читая Евангелие: это уже новая, христианская мифология. На языке церкви это означало знамение, то есть указание «свыше» на неотвратимость предстоящих событий. О таких знамениях, связанных с гибелью или, напротив, чудесным спасением городов, с войнами, болезнями, стихийными явлениями, не раз писали древнерусские книжники. Одно из них проникло в былинку, встав рядом с привычными «языческими» предсказаниями и предупреждениями. Былинными богатыри не верят в то, что предсказанную беду невозможно отвести, они смело идут навстречу опасности и, как правило, одерживают победу. И в этой былинке Василий Игнатьевич побеждает татар и спасает Киев, тем самым доказывая, что «невзгоду великую», которую предугадала Богородица, способна преодолеть народная сила.

Мифологических мотивов, следов, представлений древнего происхождения в былинах так много, фантастика составляет в них такое обязательное начало, что можно уверенно говорить: само возникновение былин, сложение сюжетного ядра былинного эпоса, его определяющих художественных особенностей, понимания истории в нем связано с мифологическими истоками. Былины складывались скорее всего двумя путями. Первый путь — это длительный во времени процесс преобразования (трансформации) древних мифологических сказаний о культурных героях, предках рода — в поэмы о богатырях, защитниках Русской земли. Былины, родившиеся таким путем, заключали в своем содержании нерасчленимый сплав нового и старого («Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Добрыня и Змей», «Илья Муромец и Идолище»). Второй путь — это сложение былин нового, исторического содержания с включением и переосмыслением разнообразных мотивов мифологии (былины о татарском нашествии).

Очень важный и трудный для науки вопрос: в каком отношении былины, ставшие известными нам по поздним записям, находятся к тем былинам, которые пелись в Древней Руси? Ведь даже памятники литературы в процессе переписывания от руки не оставались в своем прежнем виде и подвергались различным изменениям. Что же можно подумать о былинах, которые веками жили устно, передаваясь по памяти из поколения в поколение? Не произошли ли в них необратимые перемены? Да, произошли, утверждали (а отчасти и утверждают в наши дни) те ученые, которые убеждены, что былины возникали как непосредственный отклик на происходившие события русской истории и отражали эти события более или менее достоверно; затем, по мере того как история отодвигалась в глубь народной памяти, конкретное историческое содержание в былинах «выветривалось», уступая место фантастике, разного рода искажениям, сюжетным трафаретам. Былины якобы неузнаваемо менялись; от прежнего реального содержания в них оставались лишь имена героев (тоже нередко измененные, но все же не до неузнаваемости), географические названия, отдельные мотивы и детали. По ним современный исследователь может восстановить первоначальный вид (конечно, в самых общих чертах) древних былин.

Против этой теории можно высказать немало возражений. Вот очень важные, с моей точки зрения, доводы. Об одном уже говорилось: фантастика в различных ее проявлениях изначально для былин, а вовсе не явилась в них как нечто позднее, вторичное. Другой довод, связанный с первым: эпическое творчество всех народов начинается не с конкретно-исторических песен, а со сказаний героико-мифологического характера, а затем почти повсюду наблюдается процесс складывания на их основе поэм типа наших былин, то есть соединяющих историю с мифологией. Опыт мирового фольклора дает нам множество примеров превращения мифологического эпоса в героико-исторический, но он не знает примеров обратного порядка. Третий довод: если признать, что былины в известных нам формах — это лишь искажение, фантастическое перетолкование некогда достоверных сказаний, то остается непонятным, ради чего северные сказители так бережно сохраняли былины и почему они относились к ним с таким высоким уважением. Ведь обнаружить в этих былинах историческую конкретику, якобы определяющую их содержание, пытались только ученые, вооруженные всей массой исторических сведений и методами научного анализа! К сожалению, неизменно уязвимой оказывалась система доказательств, при помощи которых выявлялась реальная первооснова той или другой былины. Вот как, например, реконструируется историческое содержание былины «Добрыня и Змей». Из летописей известно, что Добрыней звали дядю князя Владимира Святославича. Он был одним из тех, кто по поручению князя насильственным образом осуществил крещение новгородцев. Вместе с ним это делал Путята: «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем». Змей часто воспринимался как символ «языческой» веры, как враг христианской религии. Отсюда былина о борьбе Добрыни со Змеем трактуется учеными как рассказ о крещении Новгорода воеводой князя Владимира. Имя Путяты откликнулось в отчестве племянника князя, похищенной Змеем и освобожденной Добрыней Никитичем: Забава Путятична. Есть и еще одна подробность: в вариантах былины речка, в которой Добрыня встречается Змеем, названа Пучай-рекой. Близ Киева была река Почайна, в которой крестились горожане. Другая деталь: Добрыня (опять же в вариантах) побивает Змея «шапкой земли греческой», то есть предметом, символизировавшим силу христианства. Вот, собственно,

и вся аргументация. Она не принимает во внимание, что тема змееборства принадлежит мировому фольклору и возникает в эпосе независимо от событий, связанных с борьбой христианства против язычества. Не учитывается, что имя Добрыня, сейчас исчезнувшее у нас, в Древней Руси было самым обычным. Все содержание былины сосредоточено на типовом моменте героической биографии богатыря, а вовсе не на том, чтобы символически воспроизвести факт крещения. Дядя князя Владимира никак не мог быть прототипом великого богатыря. У былинного Добрыни совсем другие предки, и искать их надо в мифологии, в чем можно убедиться, сопоставляя былину о Добрыне и Маринке с десятой песнью «Одиссеи».

Былины нельзя читать как зашифрованные тексты и разгадывать как исторические ребусы. Многие загадки, таящиеся в них, связаны не с конкретно-историческими реалиями, а с художественной природой народного эпоса. Образ богатыря, его действия в любой былине могут быть поняты только, если мы будем знать всю систему представлений о богатырях в эпосе, если будем помнить о древних мифологических истоках самого типа богатыря, если проникнем в суть народного понимания богатырей как некогда действовавших героев, которые одни только были способны отстоять родную землю. Понять былину можно, лишь познав устойчивые, характерные для эпоса значения отдельных образов и предметов, ситуаций, мотивов; тогда былина из простого занимательного повествования, напоминающего сказку, вырастает в произведение с большим смыслом.

Севернорусские сказители сохранили тот былинный эпос, который давным-давно принесли с собою их предки. Есть все основания утверждать, что между древней былиной и былиной, которую слышали собиратели XIX—XX веков, качественного различия не существует: те же герои, те же подвиги, те же необычайные приключения, та же фантастика со множеством преувеличений, тот же характер понимания истории. Неграмотные в большинстве своем, не знавшие древней русской истории, как она излагалась в книгах, сказители Севера берегли былинную историю, видя в ней то прошлое, которое положило начало Руси, те истоки, которые дали жизнь могучей земле... У всех народов «своя» история начинается с легенд, сказаний, полных фантастики, и лишь много позднее появляется летописная конкретика, тоже, впрочем, не лишенная вымысла. В сознании народа в течение веков книжная история не отменяет истории изустной, эпической. На Севере, в силу многих причин, эта последняя задержалась намного дольше.

Конечно же, северные сказители не могли донести до наших дней древнерусскую былину в ее чистом виде. Это прежде всего касается ее языка. Подобно тому, как северные крестьяне говорят не на древнем русском языке, а на языке для них современном, так и былины незаметно, но естественно были «переведены» на этот современный язык. В нем сохранились лишь отдельные древние формы, слова, элементы грамматики. Язык былин — это особый поэтический язык русского фольклора, выработанный на протяжении столетий. В нем много диалектных форм, выражений, есть слова, которые и самим сказителям не всегда понятны. Но в целом это, конечно, язык, переживший за века большие изменения.

Перемены не могли не коснуться и содержания. Что-то в былинах становилось совсем непонятным и либо утрачивалось, либо осмыслялось по-новому. Так появлялось разнообразие мотивировок, одни и те же поступки получали неодинаковое объяснение. Жизненный опыт сказителей, их миропонимание вольно или невольно проникали в былины. Ученые не без осно-

ваний считают, например, что именно северные сказители сделали любимого богатыря Илью Муромца крестьянским сыном или, во всяком случае, довели до полной разработки мотив крестьянского его происхождения. В частности, им принадлежат варианты, описывающие первый подвиг богатыря — корчевание поля под пахоту. Северные сказители всюду, где было возможно, упоминали о принадлежности Ильи к крестьянскому сословию. В северной былинной традиции более резко, чем в древнерусской, описываются столкновения Ильи Муромца, Василия Игнатьевича, других богатырей с боярами и самим князем: здесь сказывается многовековой социальный опыт крестьян.

Постепенно в былины проникают подробности северного быта, природной обстановки. Например, в беломорской традиции подробно и любовно описываются снаряжения кораблей, выход в море, плавание, причаливание. В прионежских вариантах действие переносится на «Онегушко страховитое». Нередки детали былинного ландшафта — «мхи-болота», «щелья-каменья», «преглубистые озера». По ходу повествования вставляются подробности, относящиеся к морскому промыслу, северной охоте, рыболовству.

Северным сказителям принадлежит практика объединения нескольких самостоятельных сюжетов в единое повествование. В науке такие соединения называются контаминациями. Например, певцы исполняли как одну былины о женитьбе Добрыни, бое со Змеем, о возвращении на свадьбу своей жены и о борьбе с Маринкой. Получалась большая поэма, охватывавшая все основные сюжеты о Добрыне. Часто объединялись сюжеты об исцелении Ильи и его поединке с Соловьем-разбойником. Контаминации можно оценивать по-разному, но момент творчества здесь, безусловно, присутствует.

Одно из самых интересных явлений северного сказительства — это попытки отдельных певцов создать новые былины. В одних случаях сказители просто по-своему комбинировали типовые былинные мотивы, и это редко давало хорошие результаты. Более распространено было переложение в былинную форму сказок, преданий и даже книжных повестей. П. Н. Рыбников, например, записал былины «Нерассказанный сон», «Царство Подсолнечное» и «Ванька Удовкин сын», сложенные на известные сказочные сюжеты. Последняя былина — на тему сватовства. Герой ее трижды должен спрятаться от отца невесты Волшана Волшановича: он «целуется-милуется» с Марьей Волшановной, затем оборачивается горностаем и прячется, но царь по «волшанской книге» обнаруживает его. Ваньке грозит казнь, но на третий раз ему выпадает удача: он спасает птенцов Могуль-птицы, и та дает ему свои перышки, он мажет ими «книги волшанские», и они теряют силу. Окончание совсем в духе сказки:

Стал тут Ванька жить да быть,
Жить да быть, семью сводить.
Как преставился царь Волшан Волшанович...
И почал Ванюшка царствовать.

Опыт даже самых удачных переложений указывает не только на известную близость содержания былин и сказок, но и подчеркивает их глубокое различие. Ванька Удовкин сын мало чем напоминает богатыря. Певцам не удастся придать сказкам тех качеств, какими обладает былина, в первую очередь — героико-исторического пафоса.

Уже в советское время были попытки языком былин рассказать о событиях и людях нашей истории. Петр Иванович Рябинин-Андреев сложил бы-

лину о Чапаеве. Герой гражданской войны уподоблен киевским богатырем. Учение он проходит такое же, как Волх Всеславьевич:

Захотелось Чапаю много мудростей:
Рыбой-щукой нырять да во синих морях,
Серым волком рыскать во чистых полях,
Птицей соколом летать под синим облачком.

И тут же: «государство пролетарское», «трудовой народ», «орден Красна Знамени», «добрая Красная Армия». Былина была сложена в 1937 году, и поэтому сказитель включил в число героев ее «свет Иосифа да Виссарионова»... Ощущение художественной фальши не оставляет читателя этой былины: становится очевидным, что события реальной истории, реальные исторические лица, герои типа Чапаева или Фрунзе никак не укладываются в традиционную былинную форму. Не случайно былинку о Чапаеве никто, кроме ее автора, не исполнял.

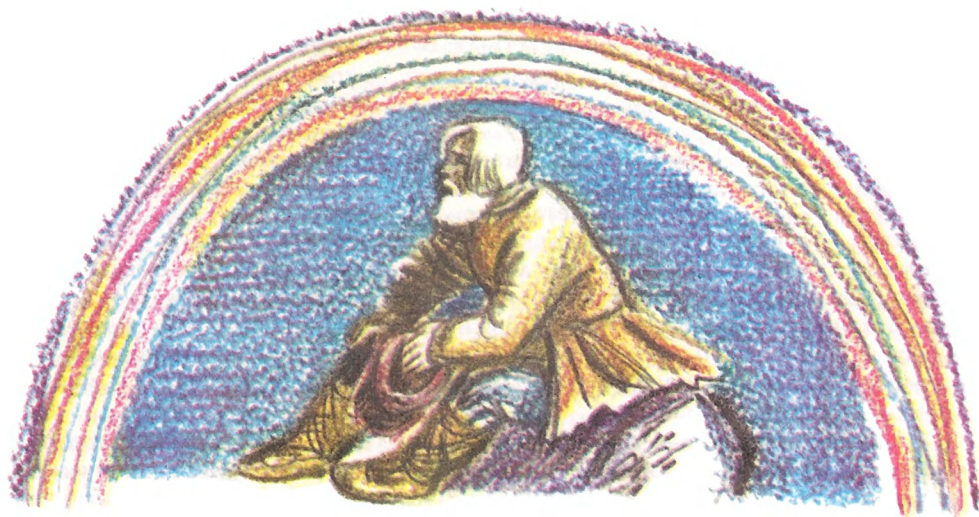
Старины стародавние могли сложиться только в определенных исторических условиях и сохраняться до поры до времени. Сказительское искусство постепенно угасало под влиянием новой культуры, книги, радио, проникновения на Север явлений современного городского быта. К 60-м годам нашего столетия оно угасло полностью.

Для нас былины — это прежде всего художественные памятники богатейшего содержания. Но не будем забывать, что для многих и многих поколений наших предков они являлись средоточием исторической памяти. Выступавшего в 90-е годы XIX века в Москве сказителя И. Т. Рябина слушатели спрашивали:

- Иван Трофимович, любишь ли ты свои старинки?
- Не любил бы, не пел бы, — говорил он.
- И ты веришь, что все это, что в былинах поется, правда?
- Знамо дело — правда. А то какая же потреба и петь их?

Северные сказители совершили дело неоценимого значения — они донесли до нас древнее эпическое наследие. Благодаря им, былины теперь навсегда вошли в сокровищницу национальной и мировой культуры.

ОГЛАВЛЕНИЕ

БЫЛИНА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ	5
СКАЗИТЕЛЬ И БЫЛИННЫЙ ТЕКСТ	15
ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК БЫЛИН	19
У ВХОДА В БЫЛИННЫЙ МИР	41
БОГАТЫРИ СВЯТОРУССКИЕ	53
ДЕТСКИЕ ГОДЫ БОГАТЫРЕЙ. ОБРЕТЕНИЕ СИЛЫ	69
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ	75
ОТ МИФА К ИСТОРИИ	91
СУДЬБА БОГАТЫРСТВА	103
БОГАТЫРИ НА ЗАЩИТЕ СЕМЕЙНЫХ СВЯЗЕЙ	111
БОГАТЫРСКИЕ СВАДЬБЫ	127
БОГАТЫРСКИЕ СОСТЯЗАНИЯ	137
НЕБЫЛИЦЫ-НЕБЫВАЛЬЩИНЫ	159
СТАРИНА СТАРОДАВНЯЯ	165

Путилов Б. Н.
П 90 Застава богатырская: Беседы о былинах Русского Севера/Рис.,
оформл. А. Смирнова. — Л.: Дет. лит., 1990. — 174 с., ил.
ISBN 5—08—000246—8

Автор вводит читателей в своеобразный мир народного эпоса, рассказывает о зна-
менитых сказителях и собирателях былин Русского Севера.

П $\frac{4603020101-161}{M101(03)-90}$ без объявл.

Р 2

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Путилов Борис Николаевич
ЗАСТАВА БОГАТЫРСКАЯ

Ответственный редактор Н. Е. П р и й м а
Художественный редактор В. Г. Т р а у г о т
Технический редактор Т. С. Х а р и т о н о в а
Корректор Н. Н. Ж у к о в а

ИБ 12198

Сдано в набор 20.02.90. Подписано к печати 16.07.90. М-15177. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,3. Усл. кр.-отт. 59,15. Уч.-изд. л. 13,06. Тираж 100 000 экз. Заказ № 647. Цена 1 р. 20 к. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

1 р. 20

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»